

Пётр Бормор Многобукаф. Книга для

Черный властелин и другие

Первым в Тронный зал ворвался Полуэльф с окровавленным мечом. А за ним, рассыпавшись полукругом, вбежали его спутники: гном, принцесса, волшебник, ведьма и Халфлинг.

Черный Властелин поднял голову от разложенных на столе бумаг.

— А вы пунктуальны, — заметил он, вкладывая закладку между страниц толстой книги. — Надо же, точно на закате!

— Мы пришли, чтобы... — начал Полуэльф.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Властелин. — Чтобы положить конец моему тираническому правлению. Читал. Тут все это очень даже подробно описано.

Небрежным движением затянутой в перчатку руки он подвинул к Полуэльфу раскрытый посередине том сочинений Лжепророка Афанасия. Вообще-то, Афанасий был самым натуральным пророком, но не будучи членом Гильдии Прорицателей, на официальный статус рассчитывать не мог. Кроме того, его пророчества всегда неприятно поражали обилием конкретных подробностей. Настоящие пророки так не пишут. Пророчества должны выглядеть туманными и неоднозначными, а излагать их надлежит архаическим языком, лучше в стихах — этим стилем Афанасий так и не смог овладеть. Полуэльф скосил глаза на текст.

— *«В году 5667, в день летнего солнцестояния, за четыре с половиной минуты до заката, к Черному Властелину придут гном, Полуэльф, принцесса, волшебник, ведьма и Халфлинг с тем, чтобы положить конец его тирании...»* — прочитал он вслух.

— Читай дальше, — кивнул Властелин.

— *«На Полуэльфе будет бежевый плащ, порванный на левом плече, а в руках — Меч Пресечения (см.). Гном — левша, слегка косит на правый глаз, поврежденный в девяностошестилетнем возрасте в пьяной драке в урочище Пьяные Камни. Принцесса — на самом деле не законная наследница трона, а всего лишь отпрыск побочной ветви древнего королевского рода, но это ровным счетом ничего не значит, потому что законный наследник — хромой и горбатый придурок, и никто никогда не поверит, что он — Король. У принцессы зеленые глаза, волосы цвета спелой пшеницы, над левой коленкой родинка и пятно от мясного соуса на рукаве...»*

— Где пятно?! — вскинулась принцесса и, густо покраснев, принялась осматривать рукава. Полуэльф искоса глянул на длинное платье, скрывающее коленки его спутницы, и перевел взгляд на Черного Властелина. Тот подтянул книгу к себе и, усевшись поудобнее, перевернул страницу.

— Итак, вы пришли. Теперь я произведу небольшую проверку, вы позволите?

Властелин поднес книгу к лицу и близоруко прищурился.

— Хмм... ага, вот. Талисман Света у вас?

— Да, вот, — принцесса извлекла из-за корсажа амулет на цепочке.

— Так, хорошо, вижу. Меч вы тоже раздобыли. А этот топор, ми у гнома, он чьей работы?

— Великого мастера Офенцингельштанценштихеля по прозванию Девять Пальцев.

— Вот клеймо, — добавил гном, указав на отпечаток мастера на обухе топора.

— Сходится, — кивнул Властелин. — А вот Вы, Вы действительно Полуэльф? Не квартерон?

— Вот метрики, — Полуэльф протянул Властелину свидетельство о рождении.

— Да, действительно... А что у Халфлинга...

— Бечевка или пусто! — быстро ответил Халфлинг, не дожидаясь окончания вопроса.

— Да, все точно. — Черный Властелин со вздохом захлопнул книжку, положил ее на стол и побарабанил пальцами по корешку.

— Мда... — протянул он, вставая. — Выходит, я обречен?

— Выходит, так, — согласился Полуэльф.

— Блин... А я только начал во вкус входить... Соппротивление бесполезно, как я понимаю. Там написано, что вы мне отрубите голову, одолев «с минимальными потерями».

Все взгляды обратились на Халфлинга, который побледнел и судорожно сглотнул.

— Извини, дружище! — сказал гном, опуская на макушку товарищу тяжелый топор.

— Так, с этой формальностью разделались. — Властелин почесал переносицу. — Я так понимаю, что последний бой — это тоже пустая формальность? Раз все равно известно, что я проиграю.

— Да, звучит логично, — согласился Полуэльф.

— Тогда не будем тянуть время.

Черный Властелин скинул плащ и, отвернув воротник, чтобы не мешал, положил голову на край стола.

— Я надеюсь, это будет не очень больно?

— Будет, — вздохнул Полуэльф, пробуя пальцем зазубренную кромку меча. — Да ладно, было бы из-за чего огорчаться! Через тысячу лет отомстишь.

— Да? — удивился Властелин.

— Точно говорю! Всем известно, что Черного Властелина невозможно уничтожить окончательно. Он перерождается и возвращается в этот мир с новыми силами.

— Не знал, — признался Властелин. — Ну, отрадно слышать. Значит, до скорого?

— До скорого, — подтвердил Полуэльф и с размаху опустил Меч Пресечения на шею Черного Властелина.

* * *

— Остановись! — раздался повелительный голос, и поднятый Принцессой меч замер в воздухе.

— Оракул? — удивленно воскликнула Принцесса, присмотревшись к говорящему. — Что ты здесь делаешь? Ведь ты же никогда не вмешиваешься в ход событий?

— А я и не вмешиваюсь, — спокойно ответил Оракул. — Я хочу всего лишь внести немного ясности.

— А что тут неясного? — Принцесса покосилась на сгорбленную фигуру у своих ног. — Этот тип — сволочь и узурпатор, он убил моего отца, а сейчас я возвращаю себе трон. Ты же сам говорил, что король Людовик — мой отец.

— Верно, — кивнул Оракул. — Ты — незаконнорожденная дочь короля Людовика. Но дело в том, что сам король Людовик тоже был незаконнорожденным.

— Что, съела? — хихикнул Узурпатор.

— Как так?! — воскликнула принцесса.

— Очень просто. Отцом твоего отца был в действительности не прежний король Филипп, а посол Бамбезии...

— Мой отец! — ахнул Варвар.

— Не совсем, — ласково улыбнулся Оракул. — Твоя мать зачала тебя от заезжего менестреля по имени Орест...

— Мой отец! — воскликнул Полуэльф.

— Нет, — покачал головой Оракул.

— Но моя мать говорила...

— Она ошибалась.

— Но я же Полуэльф! Мой отец был...

— ... не человеком, а хоббитом по фамилии Хрумли из урочища Круглые Камни.

— Мой о... — пискнул Халфлинг и поспешно зажал себе рот рукой. Оракул вопросительно посмотрел на него, но Халфлинг только помотал головой, и Оракул промолчал.

— А я? — поинтересовался Гном.

— С тобой все в порядке, — успокоил его Оракул.

— Значит, я не потомок Древней Династии? — огорчилась Принцесса.

— Нет, — вздохнул Оракул.

— А кто же тогда?

— Вообще-то, вот он, — Оракул кивнул на Узурпатора.

— Чего? — Узурпатор сам опешил настолько, что осмелился и поднять голову. — Выходит, я законный король?

— Эээ... — замаялся Оракул. — Ты, безусловно, прямой прапраправнук короля Урсуса. Но Древняя Династия не была непрерывной...

— И что?

— Король Урсус унаследовал трон после того, как его старшего брата Хендрика сочли убитым. На самом деле, Хенрик (то есть законный наследник) был взят в плен варварами, пришлось там, женился и оставил после себя многочисленное потомство.

— Например? — заинтересовался Варвар.

— Нет, — коротко ответил Оракул.

— А где?..

— Старшая линия Древней Династии поселилась в деревне Большие Кучи. Там они и живут до сих пор, кроме внучки Хендрика Хелен, которая переселилась в Гнилозубье и вступила там в смешанный брак.

— Моя ба... — ахнул Халфлинг и быстро заткнул рот кулаком. Оракул покосился на него, но промолчал.

— То есть, законные наследники Межд�земья...

— Нет, — ответил Оракул. — Древняя Династия сама узурпировала власть, изгнав из страны или уничтожив все потомство Изначальных Королей.

— А кто?..

— Зависит от того, считать ли законным наследование по материнской линии или только по мужской. В первом случае...

Монотонным голосом Оракул завел длинную речь о генеалогии, о близкородственных связях, инцестах, мезальянсах и внебрачных детях. Все слушали, разинув рты.

Наконец Гному это надоело и он подергал Оракула за рукав.

— Короче. Правильно ли я понял, что Король в любом случае будет провозглашен здесь и сейчас?

— Да, это так, — кивнул Оракул.

— И коронован будет тот, у кого самые сильные аргументы?

— Совершенно верно.

— Вот с этого и надо было начинать, — хмыкнул Гном и поудобнее перехватил свой топор.

* * *

В средней школе будущего Темного Властелина, тогда еще подростка, учили: «Когда наступит час решающей битвы, спроси, что главный герой имеет против тебя лично. Обязательно окажется, что ты убил его отца, или дядю, или наставника, или лучшего друга. И тогда ты должен горько рассмеяться и сказать, что ты и есть его отец/дядя/наставник/друг. Положительные герои в данном плане очень доверчивы».

И вот он настал, этот час решающей битвы.

— Что ты имеешь против меня? — громовым голосом спросил Темный Властелин.

— Приготовься к смерти, мерзавец! — закричал светлый Герой. — Ты убил мою мать!
— Глупец, — захохотал Темный Властелин, — я и есть... у-упс!
Вот так последнее слово осталось за Добром.

* * *

— Опять вы, — поморщился Темный Властелин.
— Да! — с вызовом заявила Принцесса. — Готовься, сейчас бить будем.
— Понимаю, понимаю, — протянул Темный Властелин, вставая. — Финальная битва Добра и Зла, куда же без этого. В черном углу ринга — я. А в красном... а кто, кстати, в красном?

— Я! — Принцесса сделала шаг вперед и гордо выставила плечико.
— В красном углу ринга — Главная Героиня, — кивнул Темный Властелин. — Отлично. Дамы — вперед. Как всегда. Ну что ж, подходите, Ваше Высочество, а эти мускулистые молодые люди пусть постоят в сторонке, пока я Вас буду убивать.

Спутники Принцессы насупились, один из них, высокий тонкий Полуэльф, скинул на пол плащ и заслонил собой Принцессу.

— Я буду драться с тобой, исчадие Зла! Как мужчина с женщиной!

— О, замечательно! — Темный Властелин расплылся в довольной улыбке. — Это по-нашему, это я уважаю! Все время держаться в тени, на вторых ролях, чтобы в последний момент протиснуться на главную роль! Молодец. Да еще оттерев в сторону свою возлюбленную! Достойный противник. С удовольствием скрещу с тобой шпаги.

— Возлюбленную?! — Варвар ухватил Полуэльфа за грудки и приподнял. — Ты... ты!..

— Да кого ты слушаешь?! — пролепетал Полуэльф. — Он же Темный, ему верить нельзя!

Варвар отшвырнул Полуэльфа в сторону и, мрачно набычившись, шагнул к Властелину.

— Ну ты! Я не знаю... Но я тебя сейчас... Я человек простой!..

— Прекрасный выбор! — прокомментировал Темный Властелин. — Сила есть, ничего другого не надо. Действительно, чего стоит королевское достоинство или Изначальная кровь рядом с таким простым первобытным напором! Граждане, пропустите молодого человека, дайте ему возможность совершить величайший подвиг всех времен и народов.

— А вот фигушки! — Гном отстранил засмущавшегося Варвара и повел в воздухе двуручным топором. — Я девяносто лет мечтал об этой минуте...

— Браво, браво! — захлопал в ладоши Темный Властелин. — Иди сюда, благородный старый карлик. Это дело не для здоровых молодых героев, а только для таких, как ты — умудренных опытом, согбенных под тяжестью прожитых лет, почтенных старцев... Или тут есть более достойные?

— Нет! Я молодой! — Халфлинг, о котором все едва не забыли торопливо отползал в сторонку, прикрываясь фикусом. — Я молодой, — исступленно шептал он себе под нос, — совсем не благородный, и жалкий, и слабенький, и вообще трикстер!

— Ну вот что! — Принцесса решительно помахала в воздухе мечом. — Я здесь главная! Это моя битва, и моя королевская воля...

— Я тебе не позволю! — Полуэльф попытался встать на ноги, но его всякий раз небрежно опрокидывал Варвар, со словами «а я тебе не позволю!».

— Только дайте мне до него добраться! — пыхтел Гном, упорно карабкаясь на высокую ступеньку. — Да посадите же, кто-нибудь!

— Правильно, правильно, — радостно кивал Темный Властелин. — Чего со мной церемониться, навалитесь всем скопом во славу Добра и Света, то-то будет веселья!

* * *

— Ваше Темное Владычество, — подергал его за рукав зловещий горбатый карлик, — до завершения Окончательного-и-Бесповоротного-Ужас-Наводящего-Кровавого-Ритуала осталось еще полчаса. Приказать жрецам ускорить процедуру?

— Не надо, — вполголоса отозвался Темный Властелин. — Спешка нам не к лицу. Успеем.

— Господин, я достал его!

— Кого? — спросил Темный Владыка, не отрываясь от работы.

— Меч Света! Тот самый, которым можно Вас убить.

— А, этот... Ну, положи там, на полочку.

Горбатый карлик сунул принесенный сверток на полку и пристроился у ног своего повелителя.

— Послезавтра ночь Великого Противостояния, — как бы невзначай заметил он.

— Ну и что? — равнодушно пожал плечами Темный Владыка.

— Жертва, господин, — напомнил карлик. — Ее еще найти надо.

— Не надо никого искать, — отмахнулся Темный Владыка И отложил в сторону очередную очищенную картофелину.

— Но ритуал...

— Не будет никакого ритуала! — строго нахмурил брови Темный Владыка. — Пора бы тебе уже привыкнуть.

Карлик насупился.

— Господин мой! Вы живете в этой глуши уже полтора года! Вы разводите гусей и выращиваете капусту! В то время как могли бы повелевать этим миром по праву сильного! Где Ваши Легионы Смерти? Где толпы преданных слуг? Дворцы, подземелья, ряды виселиц — где это? Великие завоевания, чудовищные деяния — все пошло прахом. Взгляните, Добро и Свет торжествуют повсюду, даже дети не боятся ночью гулять по улицам. Как Вы можете терпеть такое, господин?

— Я же тебе уже объяснял, — отозвался Темный Владыка. — Добро всегда побеждает, а Зло — проигрывает. Нет никакого смысла затевать безнадежное дело, тратить силы и средства, если нет ни малейшего шанса на выигрыш. А я, знаешь ли, люблю выигрывать. И только так!

— Но каким образом, господин мой? Пока Вы здесь прозябаете в безвестности, Свет набирает силу...

— Вот именно! — поднял палец Темный Владыка. — Набирает силу. А что он с этой силой будет делать? К чему приложит?

Он взял новую картофелину и стал не торопясь срезать шкурку.

— Чем займется Добро, когда обнаружит, что драться ему не с кем? Я же вот он, сижу, не рыпаюсь, ничем себя не проявляю. А остальные — так, мелюзга одна, любому светлому герою на один зуб. А что потом? Чудища кончатся, а зубы-то останутся. И не один, а целых тридцать два. Кого прикажете грызть тогда?

Очищенная картофелина шлепнулась в кастрюлю, Темный Владыка взял луковицу и принялся мелко ее строгать.

— Еще три-четыре месяца, и Добро начнет беситься от безделья. Светлые рыцари вернутся в свои земельные угодья и начнут ими управлять. А это далеко не у всех хорошо получается. Будут и территориальные споры, и грызня, и междоусобица, и завышенные налоги. Жрецы снова вспомнят о своих монастырях, станут собираться на диспуты, спорить до хрипоты и мордобоя, пока не разделятся на различные школы и направления, так бывало уже не раз. О магах я уже и не говорю. Эльфы, люди, гномы припомнят старые расовые предрассудки, разворошат бывшие обиды и учинят множество новых. Бойцы, привычные только сражаться, очень скоро уйдут поголовно в грабители. Воры... ну они и так всегда были личностями без стыда и совести. А борьба за власть? Ты полнобуйся, какая уже сейчас идет грызня вокруг трона! И все это, заметь, безо всякого моего вмешательства!.

Исключительно в силу особенностей человеческой природы... Ты не помнишь, я суп солил или нет?

— При мне — нет.

Темный Владыка посолил свое варево, попробовал и посолил еще.

— Умение управлять и умение пробиваться наверх — это два совершенно разных таланта. И они очень редко сочетаются вместе. Значит, скорее всего, к власти придет в конце концов какой-нибудь очень цепкий и пронырливый тип, который сможет где подкупом, где шантажом, а где и прямыми угрозами удержать всех остальных в подчинении. И озабочен он будет прежде всего собственным благополучием — иной бы просто не забрался так высоко. Вот тогда...

Он замолчал и чему-то мечтательно улынулся, не переставая помешивать суп.

— Что тогда? — не выдержал карлик.

— Да ничего. Тогда я подожду еще года три-четыре, пока не наступит полная разруха и народ не вззоет. А потом возьму Меч Света, оседлаю нашего вороного, если он не помрет к тому времени, и поеду по стране, верша подвиги направо и налево. До победного конца. Потому что, — он позволил себе короткую злорадную улыбочку, — добро всегда побеждает.

* * *

— Здесь! — сказал Полуэльф и сложил карту.

— Не нравится мне это место, — пробурчал Гном.

— А оно и не обязано никому нравиться, — пожал плечами Полуэльф. — Главное, что это то самое место.

— А мне все равно не нравится, — упрямо повторил Гном. — С чего бы вдруг великим Древним жить в такой глуши?

— А они здесь и не жили. Они здесь хоронили своих мертвых, — разъяснил Полуэльф. — В манускрипте так и было написано, что здесь находится место захоронения величайшего из вождей Древних. А вместе с ним погребено его оружие и самые значительные достижения науки.

— Угу, помню, — насупился Гном. — Оружие такое ужасное, что от одного его вида враги обращались в бегство. И куча артефактов, дарующих процветание и благоденствие. Если эти Древние были такие умные, чего же они все вымерли?

— А это их люди перебили, — с гордостью сообщила Принцесса. — Мы их задавили числом. Так говорят легенды.

— Наши легенды говорят иначе, — робко встрял Халфлинг.

— А, кстати, вот и ты! — обрадовался Полуэльф. — Иди, разведай, что там внутри.

— Но почему я?!

— А кто же еще?

Халфлинг поразмыслил немного и согласился, что больше действительно некому. Он вздохнул, вытащил кинжал и крадучись углубился в темный проход пещеры.

— Ну допустим. — Гном почесал в бороде. — Я готов поверить, что Древние были великим мудрым народом. Но что это за дурацкий пазл у входа? Три дырки, три камня, требуется вложить каждый камень в подходящую по форме дырку. Ну, и с чем тут фокус?

— Ты недоволен? — язвительно спросил Полуэльф. — Ты хотел бы решать интегральные уравнения?

— Нет, не хотел бы, — покачал головой Гном. — Но что это замок, который может открыть каждый идиот? Зачем он вообще нужен? Какая-то тут неувязка...

— Ну, ворчи, ворчи, — отмахнулся Полуэльф. — Вон мелкий возвращается.

Халфлинг приблизился к компании, на ходу пряча кинжал.

— Можете заходить. Ничего там опасного нет, все чисто.

— А сокровища там? Их не разграбили до нас?

Халфлинг как-то странно посмотрел на Полуэльфа.

— Там, там. Никто их не стал грабить.

Кладоискатели вошли в погребальную залу и при свете факела огляделись.

У дальней стены на истлевших шкурах покоилось нетленное тело великого вождя. Смерть не исказила черт его лица. Только клыки оскалились да надбровные дуги выступили больше обычного. Вокруг в идеальном порядке были разложены величайшие изобретения ушедшей цивилизации: колесо, огниво, кремневые наконечники для стрел, костяной гарпун, круглый жернов... И посреди всего этого великолепия покоился огромный, неподъемный каменный топор.

* * *

— Вы не можете меня убить, — сказал Черный Властелин.

— Это почему же? — ехидно поинтересовался Полуэльф, не отводя меча от горла Властелина.

— Да по кочану! — огрызнулся Властелин. — А ну, скажи мне, умник: что наша жизнь?

— Игра, — заученно ответил Полуэльф.

— Правильно. А что произойдет, когда вы меня убьете?

Полуэльф переглянулся со спутниками.

— Победа, — предположил Варвар.

— Освобождение, — добавила Принцесса.

— Мир во всем мире, — прогудел Гном.

— И труднопредставимое счастье для всех, — закончил Халфлинг. — И чтобы никто не ушел обиженным.

Полуэльф повернулся к Черному Властелину.

— Ну?..

— Да, теоретически все так. А практически — ничего подобного не произойдет. Игра закончится, вот и все.

— Как это, «игра закончится»? — ахнула Принцесса. — А как же...

— А вот так! — безжалостно отрезал Черный Властелин. — Вас поздравят с победой, прокрутят короткий оптимистический ролик, а потом появится надпись: «Пройти игру еще раз». И все начнется сначала.

— То есть как сначала?! — побледнел Полуэльф.

— Очень просто, — пожал плечами Черный Властелин, стараясь при этом не оцарапать о меч. — Все отвоеванные территории снова вернутся под мое темное владычество (я, к слову сказать, сразу воскресну). В городах воссядут мои наместники, вдоль дорог вырастут виселицы, разбойники и чудовища вернутся в леса. А что до вас самих...

Властелин вытянул палец в сторону Варвара.

— Ты вернешься в свои северные земли, без оружия, без доспехов, лишенный памяти и всей своей силы. Снова станешь щуплым и беспомощным подростком, и будешь вынужден упорно прокачивать умения, уничтожая волков и тюленей. Ты, — он перевел палец на Халфлинга, — опять окажешься в тюрьме за мелкое воровство. Избитый и также лишенный всего накопленного. Ты, Гном, очнешься в горящем городе, откуда в свое время чудом выбрался. И заново переживешь смерть всех родных и предательство друзей, как уже бывало. Ваше Высочество, — Властелин насмешливо подмигнул Принцессе, — получит свое прежнее место в публичном доме. Ну а что касается...

— Довольно! — оборвал Властелина Полуэльф, не дожидаясь, когда очередь дойдет до него. — Замолчи!

— Да, и чуть не забыл. Вам, разумеется, снова придется расстаться. Надолго, как того требует сюжет.

Варвар и Принцесса переглянулись и побледнели.

— И что же нам теперь делать? — потерянно спросила Принцесса.

— Ну-у, — задумчиво протянул Властелин, — у меня есть кое-какие соображения.

— Хм? — осведомился Полуэльф.

— Пользуясь своей нечестивой силой, я могу отправить нас, всех вместе, куда-нибудь далеко в провинцию. Где вы могли бы жить долго и счастливо.

— Зная, что ты тоже живешь и здравствуешь?! — возмутился Полуэльф.

— Пораскинь мозгами, тупица! — рявкнул в ответ Властелин. — Сейчас я владею только 30 % от бывшей территории своих владений. Вы освободили все мало-мальски значимые города и поселки, уничтожили моих лордов-наместников и установили закон и порядок на большей части страны — так может, сохраним статус-кво? Или вы хотите, чтобы все вернулось к первоначальному виду?

— Нет, — энергично помотала головой Принцесса, вспоминая публичный дом.

— Я вас тоже не могу убить, сами понимаете, — развел руками Властелин. — По тем же причинам. Мне... тоже есть что терять. Так что мой вариант представляется оптимальным, за неимением других.

Полуэльф оглядел своих спутников, ища в их глазах признаки одобрения. И видимо, нашел, так как медленно произнес:

— Ну что ж... Мы согласны.

— Только при условии, что ты нам доплатишь! — быстро напомнил Халфлинг. — Мы ведь, в конце концов, победили.

— Хрен вам, — холодно произнес Властелин.

— А тогда мы...

— Согласны, — кивнул Полуэльф, не глядя двинув ногой Халфлингу под дых.

— Отлично. Если вы уберете меч и встанете вон на ту площадку, все вместе, то я сотворю необходимый обряд для телепортации. Подберите ноги, не заступайте за черту. Закройте глаза. Эйн, цвей, дрей — готово!

Полыхнуло, гроыхнуло, и спутники исчезли. Появившийся из боковой двери горбатый карлик сморщил нос и помахал ладонью перед лицом, разгоняя дым.

— Отлично проделано, Мастер! Вы их уничтожили!

— Нет, что ты, — небрежно отмахнулся Властелин. — Я сдержал слово. Отправил их куда подальше, чтобы не мозолили глаза. Мне, видишь ли, действительно есть что терять.

— Так это что же... — карлик растерянно заморгал, — это, выходит, правда? Все, что Вы говорили? Насчет того, что жизнь — игра, и мы все обречены в ней... по кругу, без конца, без выбора... Вы не обманули этих... этих...

— Обманул, конечно, — усмехнулся Властелин, и в его улыбке сквозило торжество. — Выбор всегда есть. Там же не одна надпись, а две. Можно начать игру заново, а можно...

— Что?

— Выйти из игры.

Драконы

Шум у входа в пещеру наконец затих, и принцесса рискнула выглянуть наружу.

Дракон валялся на пороге неопрятной окровавленной тушей, а над ним стояли, сгрудившись, мужики с дрекольем.

— Ой... — сказала Принцесса. — А где же принц?

— Далече, — отозвался один из мужиков, бородатый амбал в косоворотке.

— Но как же... Ведь он должен был меня спасти, увести в свой замок и жениться!

— Ща! — хмыкнул бородатый. — Не бойсь. Мы все на тебе женимся, погоди чуток.

Он подал знак остальным, и мужики с веселым матерком принялись выносить из пещеры драконьи сокровища.

— Складывай на телегу. Да поаккуратнее! — распорядился бородатый и, почесывая живот, подошел к Принцессе.

— Хороша... Ну ладно, сымай.

Принцесса судорожно сжала ворот платья.

Мужик досадливо сплюнул.

— Не, ну что за бабы! О чем первым делом думают! Не время сейчас для любви. Цапки, говорю, сымай. А любиться потом будем.

Принцесса быстро сложила в протянутую ладонь колечки и сережки, и мужик с довольным хмыканьем упрятал их в карман.

Из-за поворота дороги раздались звуки труб, и в ущелье въехал отряд конников.

— От же принесла нелегкая! — бородатый плюнул с досады и грязно выругался.

Самый нарядно разодетый всадник выехал вперед и насмешливо прищурился, глядя на мужиков.

— Так-так... Грабим, значит?

— И ничего не грабим. Это наша добыча.

— А я так не думаю, — отозвался всадник и по его знаку небольшой отряд отделился и подъехал к телеге.

— Когда мне сообщили, что дюжина крестьян с вилами и рогатинами идут в горы, я сразу понял, чем дело кончится. Секретарь, напомните мне, что говорит закон о кладях?

— Это наша добыча, — упрямо повторил бородатый.

— Закон, ваше высочество, говорит, — не обращая внимания на мужика, заговорил пожилой благообразный всадник, — что всё, что находится в Вашей земле, принадлежит Короне. Буде то клады или ископаемые. Кроме того, имущество покойного дракона, за неимением ближайших родственников, по закону отходит государству...

— Понял? А государство — это я.

На шее бородатого вздулись жилы.

— Это...

— Заткнись! — резко оборвал принц, и мужик заткнулся.

— Я вижу, ты понимаешь ситуацию, — кивнул принц. — Здесь со мной двадцать кавалеристов и столько же арбалетчиков. МЫ будем признательны, если ВЫ можете отвезти НАШУ добычу в замок.

— ВАШУ добычу?! — взвыл мужик.

— Секретарь, растолкуйте этому недоумку, что здесь произошло.

— Сиятельный принц, в заботе о благе народа, приехал в это ущелье с отрядом преданных солдат и, вызвав чудовище на смертный бой, сразил его в честной схватке, — казенным голосом объяснил секретарь. — А кто имеет наглость усомниться в сем славном деянии — суть бунтовщик и смутьян.

— Ясно тебе?

— Яс... но, — пробормотал мужик, косясь на арбалетчиков.

— Вот и славно. Нагружайте телегу. Может, мы вам потом даже заплатим за работу.

Принц неприятно рассмеялся и перевел взгляд на принцессу.

— А это что за девка с тобой? Она не выглядит как крестьянка!

— Это моя девка! — набычился бородатый.

— Я принцесса!

Принц выпрямился в седле.

— Какая принцесса?!

— Оливия, дочь короля Леонарда!

Принц развернулся к секретарю, сгреб того за воротник и приставил нож к горлу.

— Ах ты змея! — процедил он сквозь зубы. — Ты же говорил, что никого из законных наследников не осталось в живых!

— Ва... ше высо...

— Молчи, гнида.

Принц отшвырнул от себя секретаря так, что тот едва не свалился с лошади.

— Ну ничего. Всё к лучшему. Ты! — он направил на принцессу украшенный перстнями палец. — Поедешь со мной в замок. Тебя там приоденут и объяснят что к чему. Завтра

пойдешь за меня замуж. Тогда никто не посмеет сказать, что я узурпатор.

Золото погрузили на телегу, и мужики, угрюмо матерясь, потащили ее по ущелью. Принцессу обыскали и, не найдя оружия, усадили на лошадь принца. Снова взвыли трубы — и кавалькада двинулась в обратный путь.

Принцесса сидела за спиной своего спасителя, вцепившись обеими руками в его пояс, и тихо плакала.

* * *

Старый избитый сюжет... Мною же и избитый, кстати.

А то бы написал сказку.

Ну да, все то же самое: Принцессы, Драконы...

У одной Принцессы был Дракон. Не ручной, а просто домашний.

А жила она, кстати, в тёмной-претёмной пещере. Вот такая у неё была странная причуда. Там же и сокровища Короны хранила.

Дракон целый день гулял на природе — Принцесса его не запирала. А под вечер обычно возвращался, и иногда приносил хозяйке убитую лань или лося — как кошки иногда приносят задушенных крыс. Оленину Принцесса готовила, а редких растерзанных крестьян велела выбрасывать. Не всё, что вам приносит ваше домашнее животное, годится в пищу.

Дракон был сильно избалован; люди на него постоянно жаловались. То по неосторожности мельницу опрокинет, то чужого буйвола задерет. Но Принцесса своему любимцу всё прощала и никогда не наказывала.

Малознакомые рыцари иногда навевывались к Принцессе в пещеру, но больше внимания уделяли не ей, а Дракону. Это и понятно — Принцесс пруд пруди, а Дракон — зверь редкий и красивый. Принцесса честно предупреждала, что ее питомец не любит фамилиарности, гладить или дразнить его не рекомендуется. Рыцари не слушались, дразнили Дракона, и он их царапал огромной когтистой лапой. Больше они уже в гости не приходили.

А однажды Дракона убили неизвестные недоброжелатели — подкинули ему напигованную драконьей отравой овцу. Доверчивое животное съело угощение и едва сумело дотянуть до пещеры, где скончалось в страшных муках, на коленях у своей хозяйки.

Для Принцессы это был сильный удар. Такой, что другого Дракона она заводить не стала. Просто не смогла.

А через некоторое время вышла замуж и вовсе переселилась из пещеры в замок мужа. А муж отчего-то драконов не любил.

Их вообще мало кто любит. Змея все-таки...

* * *

Дракон, как водится, жил в пещере каменной и стерег сокровища. А однажды его (опять же, как водится) победил заезжий рыцарь. Дракон рухнул на пол пещеры и забился в конвульсиях — которые у драконов длятся иногда часами, уж очень они живучие твари.

— Что, умираешь? — спросил Рыцарь.

— Да, умираю, — ответил Дракон. — Но пока я не умер, я должен открыть тебе страшную тайну.

— Ну, давай.

— Когда-то, много-много лет назад, я тоже был доблестным рыцарем.

— А потом?

— А потом я отправился добывать сокровища, которые стерег страшный дракон. И, как водится, победил его.

— Ты это говоришь к тому, что каждый, кто убьет дракона, должен занять его место?

— Да. Там, за углом, ты найдешь Сокровище. Сундуки со Счастьем, ящики с Честью и

Достоинством, мешки с Долголетием, коробочки с болезнями...

— Да ну... Плевал я на это Сокровище. Все, чего я хотел — это некоторое время побыть Драконом.

* * *

За одним большим столом собрались все мелкопоместные короли — тем более, и повод был подходящий: день рождения вдовствующей королевы-матери одного из них. А поскольку все правящие фамилии в родстве друг с другом, то грех не воспользоваться таким случаем поесть и повеселиться за чужой счет.

Ну вот, сидят они, едят, пьют, веселятся, и вдруг вбегает запыхавшийся гонец — и прямо к хозяину замка, королю Гергу Тридесятому.

— Ваше Величество, — кричит. — Дракон!

— Какой дракон, где дракон?!

— У северной границы. Прилетел с Серых гор, разорил две деревни, народу пожрал без счета...

— Ну наконец-то! — просиял Георг Тридесятый. — Герольды, ко мне! Трубите по всему королевству, огласите мою королевскую волю: рыцарь, который сразит поганое чудовище, получит мою дочь в жены!

— Которую? — не без интереса поинтересовалась Старшая Принцесса.

— Эээ... ну, любую.

— Папа, это нечестно! Рыцарь наверняка выберет младшую!

— Ну, доченька, что я могу поделать? Надо же дать и ему какой-то шанс.

— Значит, я так и останусь старой девой! — Принцесса пнула ножку стола, отбила палец и заплакала от досады.

— Не огорчайся, золотко. Прилетит другой дракон, мы и тебя замуж выдадим.

Принцесса надулась. Она, разумеется, знала, что никакой рыцарь на белом коне не станет добровольно свататься к ней — долговязой прыщавой дылде. И никакой рыцарь сам сдуру не полезет драться с драконом. Но вот если объединить эти два стимула... да, тогда у нее есть шанс.

— Позвольте-позвольте! — вмешался дальний родственник, король Ричард Двуннадцатый. — По какому это праву вы распоряжаетесь чужим драконом? Он ведь прилетел с Серых гор, если я не ослышался? А Серые горы — это наша суверенная территория, значит, и дракон наш! У меня тоже есть дочка на выданье.

— А у меня — три!

— Ну, это Ваши проблемы. А дракон — наш! И кто его убьет, женится на моей дочери.

— Папа, скажи ему... — толкнула Георга Тридесятого принцесса.

— Ваш дракон разоряет наши деревни! — грозно выпятил губу Георг Тридесятый. — Значит, рыцарь должен жениться на нашей дочери, для возмещения убытка...

— Да нет проблем! Возместить убыток? За две деревни? Я вам сейчас выпишу чек. Но на дракона вы никаких прав не имеете.

Тем временем король Стефан Третий Бородатый, пожевав губами и произведя в уме какой-то сложный расчет, хлопнул ладонью по столу:

— Принесите карту! Между Серыми горами и границей этого королевства находится моя территория. Пускай мне тоже заплатят.

— За что? — удивился Ричард Двуннадцатый.

— За пересечение воздушного пространства над моей землей, вот за что! Или пусть рыцарь женится на моей племяннице. Я ее как дочь люблю!

Гонец подергал короля Георга за рукав, привлекая внимание.

— Говорят, у дракона в пещере спрятаны сокровища...

— Сокровища мне! — сразу вскинулся Ричард Двуннадцатый. — Они на моей территории!

— Но наворовал он их наверняка в моей земле! — возразил Георг.
— Или в моей, — проворчал Стефан.
— Докажите!
— А еще, — продолжал гонец, — у него в плену томится прекрасная принцесса...
— Что?! — хором воскликнули три короля.
— У кого-нибудь дочь пропадала? — спросил Ричард.
— Мои все на месте, — огляделся Георг.
— У меня дочерей нет, только племянница, — почесал в затылке Стефан. — Еще тетка есть, троюродная, она тоже принцесса, но не могу сообразить, зачем бы она понадобилась дракону. Тем более старуха уже лет тридцать не выползала из своей башни.
— Самозванка, наверное... — предположил Ричард.
— Или иностранка.
— Неважно. Будь она хоть свинаркой, рыцарь все-равно женится на ней. Традиция! Короли сразу утратили интерес к разговору.
— Так что, объявлять королевскую волю? — неуверенно переспросил герольд.
— Какую волю? А, ты об этом... Да ну его, этого дракона. Пусть кто хочет его убивает.
— То есть, я так и останусь старой девой! — заключила принцесса, в сердцах опять пнула ножку стола, отбила другой палец и расплакалась.

* * *

Дракон приоткрыл глаза, потянулся и зевнул. Дернул ухом, прислушиваясь, и повернул голову в ту сторону, откуда раздавался разбудивший его металлический звон.

— Ты что там делаешь? — с интересом спросил он у закованного в доспехи мужика, возившегося возле основания драконьей шеи.

— Не видишь? Голову тебе рублю, — пропыхтел мужик, не переставая мерно наносить удар за ударом по прочной чешуе.

— И как успехи? — поинтересовался Дракон.

— Не мешай! — злобно огрызнулся мужик.

— Ладно, — покладисто согласился Дракон и попытался снова задремать.

Но звон меча отвлекал.

— Слушай, а зачем тебе моя голова? — спросил Дракон через полчаса.

— Да она мне нафиг не нужна, — ответил мужик.

— А рубишь зачем?

— Так надо.

— Аа... Ну, если надо, тогда конечно. Тяжело, небось?

— Тяжело, — признал мужик.

— Не хочешь передохнуть?

Мужик, прищурившись, поглядел на солнце из-под латной рукавицы.

— Через час передохну, ближе к полудню.

— Это хорошо, — кивнул Дракон. — А то у меня уже шея затекла, лежать в одной позе. И в туалет хочется.

— Ну, слетай, только по-быстрому.

Дракон захлопал крыльями и полетел за кусты. Через минуту вернулся и снова расположился на камнях.

— Можешь продолжать.

Мужик повертел в руках иззубренный меч, отбросил в сторону и, решительно достав из запяточного мешка ножовку, начал пилить. Дракон заерзал и захихикал.

— Эй, перестань, щекотно!

— Ну, извини.

Сменив ножовку обратно на меч, мужик снова принялся рубить.

— Так лучше?

— Ага, — зажмурился Дракон. — Даже приятно. Можешь немножко левее?

— Могу.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме громкого пыхтения, звона меча и довольного мурлыканья Дракона.

— Прекрати! — наконец не выдержал мужик.

— Что?

— Мурлыкать прекрати. Меня это раздражает.

— Почему? — обиженно спросил Дракон.

— Потому что у тебя это получается немелодично! И вообще, будь серьезнее, когда тебя убивают.

Дракон задумался.

— А меня убивают?

— Да.

— Ты?

— Да.

— Не верю! — Дракон зевнул. — Если бы ты меня столько времени убивал, то уже убил бы десять раз.

— А что же я, по-твоему, делаю? — разозлился мужик.

— Рубишь мне шею.

— Ну!

— Что?

— Если я тебе отрублю шею, ты же помрешь?

— Ты не отрубишь мне шею, — уверенно заявил Дракон. — Сам видишь, ничего не получается.

— А если динамитом? — предложил мужик.

— Не советую, — покачал головой Дракон. — Я плююсь высокотемпературной плазмой.

Мужик устало вздохнул и сел на камень.

— Ну, и что мне тогда делать? Если у меня работа такая — драконов рубить?

— Ну и руби, — пожал плечами Дракон. — Я что, возражаю? У нас любой труд почетен. А тут, гляди, еще работы непочатый край!

Дракон вальяжно вытянулся на камнях и подставил мужику бронированное брюхо.

— Не в службу, а в дружбу — может, попробуешь поразить меня в сердце? — умильно попросил он. — Я постараюсь не мурлыкать!

* * *

Через болота, через холмы, через долины неся Иванушка на верном коне. А за ним, хлопая крыльями, гнался Змей-Горыныч и орал:

— Стой! Стой, кому говорю! Ты мне за всё заплатишь, молокосос... то есть этот, млекопитающий!

Бросил Иванушка назад полотенце — стала на том месте огненная река. А Горыныч только поднялся повыше и перепорхнул через огонь. Бросил Иванушка гребенку — вырос дремучий лес. А Горыныч сквозь него проломился, не сбавляя скорости, только сучки полетели. Бросил Иванушка зеркальце — появилось озеро. А Горыныч с разбега его перепрыгнул, даже хвоста не замочил.

Догнал Иванушку у самого дома.

— Ну что, удрал, да? Думаешь, самый умный? Слазь с коня.

Слез Иванушка с коня, голову повесил.

Змей Горыныч достал конторскую книгу и открыл на последней странице.

— Вот тут распишись. И вот тут. С тебя сорок восемь рублей шестнадцать копеек. Разбить на платежи?

— Не надо, — угрюмо буркнул Иванушка, отсчитывая деньги.
— Держи квитанцию, — Горыныч протянул Иванушке листок.

«Взято:
гребенка — 1 шт.
зеркальце — 1 шт.
полотенце расписное — 1 шт.
лошадь сивая/бурая/косматая (нужное подчеркнуть) — 1 шт.
Василиса Микулишна — 1 шт.
Состояние:
Прекрасное.
Получил:
И.Д. Царевич.
Сдал:
З. Горыныч
Число: _____
Подпись: _____»

— Вот так! — Змей Горыныч захлопнул гротеск и наставительно поднял когтистый палец. — Главное — отчетность!

* * *

— Эй, ты, чудовище! Выходи!
Из пещеры высунулась заспанная голова Дракона и уставилась на человеческую фигурку.

— Чего орешь?
— Ты — Дракон, стерегущий Принцессу?
— Ну, допустим. А ты кто такой и чего тебе надо?
— А я как раз за Принцессой приехал. Отдавай по-хорошему! Я Принц.
— Ха! — скривился Дракон. — Тоже мне, Принц... Знаем мы этих Принцев. Чем докажешь?

— Тебе недостаточно моего слова? — оскорбился Принц.
— Подумаешь, слово. Говорить я и сам умею. А у тебя документ есть, что ты именно Принц? А то, знаешь ли, сюда кто только ни приходит. Я, говорит, герцог, или рыцарь, или вообще король. А на самом деле — какой-нибудь дворовый замухрышка младший баронский сын!

— У меня документы есть.
— Да? — оживился Дракон. — А ну, покажи.
Принц достал длинный свиток, обвешанный печатями, и Дракон углубился в его изучение. Перечитал текст, пошевелил губами, что-то подсчитывая в уме, понюхал сургуч печатей.

— Да, точно, Принц. Наследник королевства.
— Из древнего благородного рода, — добавил Принц.
— Да, это важно, — кивнул Дракон. — Ну, раз такое дело...
Он без церемоний ухватил Принца за шкурку и поволок вглубь пещеры. Принц висел как груша, только зажмуривался на поворотах.

В самом дальнем зале Дракон опустил Принца на пол и лапой указал на возвышение, где на куче атласных подушек восседала насуспенная Прекрасная Принцесса, ухоженная, расчесанная и вся в розовых бантиках.

— Посмотри, Жужу, кого я тебе привел, — проворковал Дракон Принцессе. — Молодой симпатичный Принц, породистый, с родословной. Под стать тебе. Ну, плодитесь и размножайтесь.

— Первый ребенок — мне, — уточнил Принц.
— Это уж как водится! — заверил Дракон.

* * *

Рыцарь пригнулся, и струя пламени прошелестела у него над головой. Свистнул меч, дракон уклонился. Снова пламя, пережат, удар с бедра, дракон прикрылся бронированным плечом. Рыцарь поднырнул под драконье крыло, перепрыгнул через хлестнувший в пустоту хвост, снова пережат, уход от тяжелой когтистой лапы, удар.

Драконья голова отлетела в сторону и с глухим стуком бухнулась о землю.

Рыцарь вытер меч и обернулся к наблюдавшему за боем сморщенному карлику:

— Ну как?

— Неплохо... очень неплохо, — задумчиво протянул карлик и дернул ушами. — Колени, конечно, напряжены, и отскок слабоват... но в целом — вполне терпимо. Давайте зачетку, молодой человек.

— Зачёт? — восторженно прошептал рыцарь.

— Зачёт, — кивнул карлик и размашисто расписался в пергаменте.

— А мне? — тоскливо спросил дракон, прилаживая голову на место.

— А тебе, — нахмурился карлик, — готовиться к пересдаче. Двоечник!

* * *

— Встань в позицию номер шесть, — скомандовал Дракон. — Урок двадцать третий. Сегодня я научу тебя трем непревзойденным ударам трех величайших героев этого века.

Дракон взял рыцаря за локоть и повернул руку с мечом в нужное положение.

— Этот удар зовется «прыжок кошки». Левую ногу чуть согни в колене, вот так. Корпус вперед и вправо, как будто ты собираешься упасть на эту сторону. Отлично. Дальше — те же приемы, что и в «танце пьяной пчелы», но под конец делаешь вот такой выпад... и сразу — вот такой!

Дракон показал, куда и как должен быть направлен меч.

— Повтори. Молодец. Этим приемом бесподобно владел орк Шмыгыр. Он был, бесспорно, великий воин, и сразил таким образом без счёта разных чудовищ. В том числе и драконов. Я был последним, кого он пытался сразить. Ну, нападай на меня!

Рыцарь напал — и был тут же прижат когтистой лапой к полу пещеры.

— Шмыгыр проиграл тот бой. Потому что не знал второго приёма. Встань в восьмую позицию, я тебя научу «укусу шакала».

Он подробно показал рыцарю новый приём и несколько раз заставил отрепетировать.

— Теперь ты знаешь, как уйти от моего контрудара после «прыжка кошки», если он не достиг цели. Ну, пробуй!

Рыцарь попробовал — и был сбит с ног ударом хвоста.

— Вот так примерно погиб Торандир, второй великий герой смешанных кровей. Он в совершенстве владел «укусом шакала», но его подвела самоуверенность. Потому что я тоже владел кое-какими приемами, против которых он оказался бессилён. Смотри, что я делаю хвостом и правой задней лапой.

Дракон показал и рыцарь понимающе кивнул.

— Этот удар считается неотразимым. Но на самом деле и против него есть защита. Мне ее показал еще один великий герой — не знаю, как его зовут, он не представился.

Дракон развернулся и показал рубец на боку.

— Вот сюда угодил его меч. Я не должен был выжить. Но меня спасло чудо — тот поразительный факт, что третий герой не имел понятия о «прыжке кошки» и не сумел добить меня в таком положении. Сейчас я покажу тебе, что он сделал и что должен был сделать.

Дракон поставил рыцаря в третью позицию и полчаса натаскивал в овладении новыми

приемами и их комбинациями.

— Ну вот. Отдохни. Когда ты освоишь сегодняшний урок как следует, у тебя появится небольшой шанс сразить дракона в честной схватке.

— Учитель, — нерешительно подал голос запыхавшийся рыцарь. — Благодарю Вас за науку, но зачем Вы это делаете? Почему сразу не съедите меня? Ведь наши народы — древние непримиримые враги, а Вы тренируете меня себе на погибель! Вы же дракон, вы должны уничтожать героев!

— А толку-то, — невесело пожал плечами Дракон. — Сколько нас осталось, драконов? Я да еще трое-четверо в горах. А героев и вовсе ни одного. Ты вот что, герой?

— Да ну, где мне... — смутился рыцарь.

— Нет больше героев, — подытожил дракон. — Я их всех истребил. А какие люди были! Как они владели своим искусством! Какое наслаждение было меряться с ними силой! И где всё это теперь? Забыто. Только я один и помню кое-что. А те, что в горах... сосунки они еще совсем.

Дракон тряхнул крыльями и потянулся.

— Ну, отдохнул? Продолжаем занятия. Урок двадцать четвертый.

— Учитель..?

— Что?

— Но ведь когда я всё выучу — я Вас убью?

— Непременно.

— Но как же тогда..? Что мне тогда делать?

— Тогда сообразишь что делать, — усмехнулся Дракон. — Найдешь себе учеников... где-нибудь в горах, выучишь всему, что знаешь. Не дашь пропасть великому искусству.

— Я понял... Учитель.

— Ну вот и хорошо. Итак, смотри на меня и запоминай, что я делаю. Урок двадцать четвертый. Основные уловки горных драконов, пять различных ударов хвостом...

* * *

— Ай!! Все, сдаюсь, пусти!!! Больно же! Ты мне хвост сломаешь!!

— Сдаешься?? — уточнил рыцарь.

Рыцарь выпустил лапу дракона из болевого захвата и дракон сел, потирая шею.

— Я сразил тебя в честном поединке, — заявил рыцарь.

— Но не честным приемом!! — проворчал дракон.

— Без разницы. Главное, что сразил. Где мой приз?

— Щас вынесу.

Дракон поднялся и, прихрамывая, пошел в пещеру. Через некоторое время он появился снова, ведя за руку принцессу.

— На. Вот твой выигрыш.

— Ты что, смеешься??? — завопил рыцарь. — Что мне делать с этой бабой??? Я же тамплиер, служитель церкви!! Где Святой Грааль??

— А я почему знаю?

— А кто должен знать?

Дракон пожал плечами и охнул, когда левое плечо отозвалось болью.

— Парень, это уже твои проблемы. Берешь ее?

— Тьфу на тебя!

Рыцарь грязно выругался, собрал свое оружие, сел на коня и уехал.

— А если бы он пришел за мной? — спросила принцесса.

— Ну, тогда я бы вынес ему грааль, — хмыкнул дракон.

* * *

— Это что? — попятился Дракон.
— Девушка, — угодливо улыбнулся бургомистр. — Как просили.
— Вот это — девушка?
— Безусловно! — Бургомистр протянул Дракону бланк с печатью, — медицински освидетельствована.

— Хм...

Дракон недоверчиво покачал рептильей головой. Все драконьи легенды в один голос утверждали, что самая вкусная еда — это девушки, но по тем же легендам выходило, что это блюдо радует глаз. А то, что привел бургомистр, глаза не радовало. Даже наоборот.

— А вы уверены, что она — самая прекрасная девушка города? — переспросил Дракон.

— Она — самая опытная девушка, — уклончиво ответил бургомистр. — У неё большой стаж.

— А это хорошо?

— Еще бы! Вот вино, например, чем старше, тем ценнее.

— Так то вино...

Девушка застенчиво улыбнулась Дракону, обнажив голые розовые десны с одним-единственным зубом. Дракон передернулся.

— Я, конечно, знаю, что некоторые деликатесы бывают невзрачными с виду. Но это... Вы вообще уверены, что это можно есть?

— Не хотите — не надо! — бургомистр соорудил оскорбленную рожу. — Мы к Вам со всей душой, а Вы...

Дракон виновато опустил голову. Действительно, нехорошо получается. Может, всё-таки пересилить себя и откусить хоть кусочек, на пробу?.. Он искоса глянул на скрюченную как креветка девушку, и тут же поспешно отвел глаза. Нет, это уже слишком. Такого ему не осилить.

— Знаете, что-то у меня аппетита нет, — честно признался Дракон. — Может, обойдемся без девушек?

— Желание клиента — закон, — пожал плечами бургомистр и хлопнул в ладоши. — Эй, там, унесите главное блюдо. Подавайте холодный десерт.

* * *

— Эй, ты, поганое чудовище! Выходи, дело есть.

— Не выйду.

— Выходи, добром прошу!

— Да-а, добром? А что мне будет, если я выйду?

— Ну, я тебя тогда убью.

— Фигу. Никуда я не пойду. Тебе надо — сам лезь ко мне.

Рыцарь заглянул в пещеру.

— Я туда не полезу, там темно.

— Точно, темно. А еще мокрицы по стенам бегают.

Рыцарь поспешно отшатнулся от входа.

— Это нечестно! — плаксиво пожаловался он. — Я не могу работать в такой обстановке! Нет этого в правилах, чтобы чудовища в норе отсиживались! Да еще с мокрицами.

— Так ты что, отказываешься драться?

— Конечно! Я что, дурак, лезть в темноту? Я же там ничего не увижу! Лучше ты ко мне вылазь.

— Ага, раз мечтался! Чтобы ты мне копьём в живот стал тыкать? А я, между прочим, щекотки боюсь.

Рыцарь потоптался у входа.

— Так ты что, сдаешься?

— Я? С какой стати? Это ты ко мне лезть не хочешь. Вот сам и сдавайся.

— А почему я? Это ты от боя отказываешься.

— Не отказываюсь. Но только на своей территории.

— Увиливаешь. Значит, сдаешься.

— А ты трусишь. Значит, сдаешься.

Рыцарь уныло посмотрел на небо. Солнце уже садилось.

— Может, ничья?

— Хм...

— Я заплачу. Скажем, 10 золотых?

— 200.

— Да это же грабеж! 50.

— Сто.

— Восемьдесят.

— Восемьдесят пять.

— Договорились.

— Оставь там, у входа. Под камушком.

— Ну ладно... Вот, я кладу. Слышишь? И камешком прикрываю. Хочешь пересчитать?

— Нет. Потом пересчитаю. Вали отсюда.

Рыцарь быстро вскочил на коня и поскакал в сторону города. Бургомистр обещал 1000 золотых за победу над чудовищем. Интересно, заплатит ли он 500 за ничью?..

* * *

«... на холме, мимо которого мы проходили, сидела еще одна странная компания. Автор, высокий тощий тип в берете, с отрешенным видом курил и глядел в пространство. Перед ним полукругом расположились Принцесса, Рыцарь и Дракон.

— А если так, — с надеждой произнесла Принцесса, — вы с Драконом будете лучшими друзьями, а я приду и освобожу...

— Кого?

— Ну, кого-нибудь из вас. Случайно.

— А другому морду набьешь? — спросил Дракон.

— Ну да...

— Старо, — махнул лапой Дракон.

— Ну, тогда мы с Рыцарем будем убегать от тебя, а ты...

— Было.

— Я могу убегать один, — предложил Рыцарь. — А ты будешь у Принцессы домашним животным.

— Я уже был у неё домашним животным! — злобно рявкнул Дракон. — Шестьсот восемьдесят два раза! А сколько раз ты от меня убегал?

— Нуу... примерно столько же.

— А если я буду домашним животным у Рыцаря? — робко пискнула Принцесса. Дракон и Рыцарь повернули к ней головы и на секунду задумались.

— Кажется, я где-то такое читал... — произнес Рыцарь неуверенно.

— Балда! — хмыкнул Дракон. — Там было наоборот, ты у неё был домашним животным.

Рыцарь вздохнул.

— Ну и что же нам тогда делать?

— В общем, так! — решительно провозгласил Автор и затушил окурок. — Дракон будет стеречь Принцессу, а Рыцарь — её спасать.

— Боян... — скривилась Принцесса.

— Не „боян“, а „классический сюжет“! — сурово поправил её Автор. — Ну, что скажете?

— Как будто у нас выбор есть... — проворчал Дракон, ухватил насупившуюся Принцессу поперек талии и поволок в своё логово...»

* * *

Дракон уносился к далеким горам, сжимая в когтях законную добычу. За ним, спотыкаясь и путаясь в длинной юбке, бежала по лугу Прекрасная Принцесса.

— Как ты мог?! — кричала она. — Как ты только посмел предпочесть мне — мне! эту... эту овцу!

Дракон не отвечал, он торопился в родное логово. Принцесса безнадежно отставала. Овца уже перестала трепыхаться и висела безвольной тушкой.

Наконец у Принцессы подвернулся каблук и она упала в траву. Обхватив голову руками, Принцесса горько зарыдала.

— Кому я теперь нужна, такая... Какому Рыцарю? Если мной даже дракон пренебрег! О, я несчастная!

Через восемь часов Принцесса поднялась на ноги, всхлипнула — и изменившимся лицом побежала топиться пруду.

* * *

Рыцарь подъехал к пещере и протрубил в рог. Из пещеры высунулся Дракон.

— Чего надо?

— Я по поводу выкупа за девушку.

— А, уже всё уладили? Ну, что там решили старейшины?

— Вот, — рыцарь достал из седельной сумки свиток, развернул и стал читать:

«Золота — три тысячи монет, драгоценностей: рубинов 10 штук, изумрудов — 12 штук, крупных жемчужин — 70 штук...»

— Короче, подтвердили мою заявку или нет?

— Полностью, — кивнул рыцарь и протянул свиток Дракону.

Тот подмахнул его не глядя и выволок из пещеры мешок.

— Натё. Это ваше.

— А это — Ваше! — рыцарь стащил с седла увесистый тюк и плюхнул его перед Драконом.

Тот распустил веревочку, заглянул внутрь и удовлетворенно хмыкнул.

— Да, всё как договаривались. С вами приятно иметь дело.

— С Вами тоже.

Рыцарь и Дракон учтиво поклонились друг другу, рыцарь закинул мешок на лошадь и усакал. Дракон развязал тюк и помог девушке выбраться.

— Спасибо, — прошептала девушка.

— Не за что. Пойдем, покажу, где ты будешь жить. И не дрожи так, бояться больше нечего. Уж я-то точно не Инквизиция.

* * *

Принц толкнул дверь и вошел в таверну.

— Чего желаете-с? — тут же подскочил к нему улыбчивый толстяк в переднике, почуявший возможную наживу.

— Есть. — Коротко обронил принц. — Пить. Потом спать.

— Девочек? — с надеждой спросил толстяк.

— Нет.

— Как Вам будет благоугодно. Значит, еда?.. Могу порекомендовать луковый суп и жареную свинину с горошком.

- Идёт.
- А пить что будете? Вино, эль...
- Эль.
- Сию минуту.

Толстяк поспешил на кухню, а принц прошел в дальний угол и сел за столик лицом к двери. За его спиной на деревянной сцене немзыкально пела размалеванная девица, редкие посетители не обращали на нее внимания. Принц их вполне понимал.

— Ваш заказ, — симпатичная официантка поставила перед принцем кружку с элем. — Суп сейчас будет.

- Спасибо, — буркнул принц и уткнулся носом в эль.

Официантка отошла, покачивая бедрами; принц искоса глянул ей вслед, и тут же отвел глаза.

Через короткое время появился и луковый суп. Его принес сам хозяин, протер столик передником и аккуратно поставил миску перед гостем.

- Приятного аппетита, — угодливо улыбнулся он.
- Спасибо.
- Не возражаете, если я тут присяду?
- Не возражаю.

Толстяк тут же уселся напротив принца и стал смотреть, как он ест.

— Прошу прощения, что сую нос не в свои дела, но Вы ведь, если я не ошибаюсь, знатный господин?

- Угу.
- И надолго Вы к нам?
- Нет. Только переночевать.

— Я это к тому, что комнаты у нас, конечно, отличные, но, возможно, на Ваш взыскательный вкус...

- Неважно. Давайте любую.

— Вот и хорошо, — просиял толстяк. — Я вам дам самую лучшую. Просторная, и воздух свежий. И кровать большая. Если захотите позвать к себе в номер...

- Не захочу, — отрезал принц.

— Воля Ваша, — поджал губы трактирщик. — Мясо скоро будет, желаете пока еще эля?

- Да.

Толстяк подал знак одной из официанток, и на столе возникла новая кружка.

— А скажите, любезный, — обратился принц к трактирщику. — Вы ведь тут наверняка в курсе всех дел?

- Разумеется, — расплылся в улыбке толстяк.
- Тогда у меня к Вам вопрос.
- Я весь внимание.
- Где здесь находится логово ближайшего дракона?

Брови трактирщика поползли вверх.

- Простите, кого? Дракона?

- Да.

— Честно говоря, не знаю, — толстяк поскреб шею. — Последнего дракона отравил мой прадед, лет сто назад, перед тем, как открыть эту самую таверну. С тех пор... нет, не знаю. А зачем Вам дракон?

- Ведьма сказала, что он украл мою возлюбленную, — сумрачно ответил принц.

- Вот как? — вежливо переспросил толстяк.

— Да. Когда она пропала, я обратился к ведьме, и та сказала, что моя невеста жива. «Иди прямо на восток, — сказала она, — пока не дойдешь до большого города с белыми стенами. Там, возле этого города, у дракона, ты найдешь свою любимую...»

- Так и сказала? — трактирщик мелко захихикал. — Ну бабка, ну юмористка! У

дракона, ну надо же!

— Не вижу ничего смешного, — сухо произнес принц.

— Конечно, сударь. Извините. Просто если вам вдруг захочется...

— Ваш заказ, — раздалось над ухом у принца, и на стол грохнулось блюдо с мясом и горошком. Жирная подлива плеснула принцу на колени, он быстро вскочил, но официантка уже умчалась, стуча каблуками.

— Ох, простите, сударь, простите! — причитал толстый трактирщик, неловко обтирая платком штаны принца. — Как это неприятно. Уверяю Вас, ни у кого и в мыслях...

— Кто была эта девушка? — перебил принц.

— Которая? А, эта... Не волнуйтесь, она будет примерно наказана.

— Я спрашиваю, кто она?

— Да так, прибилась одна... Она вам нравится? Я могу предложить скидку...

— Я тебя не о том спрашиваю! — прошипел принц. — Кто она такая?

— Говорит, принцесса, — пожал плечами трактирщик. — Они все так говорят, хоть бы что-нибудь новенькое выдумали. А то одна и та же история, уже выслушивать надоело. Убежала, дескать, от отца-тирана, который хотел её против воли выдать замуж за какого-то... какого-то... простите, сударь, Вы не могли бы отпустить мой воротник, а то дышать трудно..?

Принц разжал руку, сел и залпом выпил остатки эля.

— Еще? — услужливо предложил трактирщик.

— Вина, — сказал принц и принялся за жаркое. — Покрепче. Кувшин.

— Один кувшин вина...

— Отнесите в номер.

— Будет исполнено.

Принц отодвинул пустую тарелку, встал и вытер губы.

— Так как, говорите, называется ваша забегаловка?

— «У дракона», — любезно осклабился трактирщик. — Это имя дал мой прадед, который...

— Подробности меня не интересуют, — перебил принц. — Я устал. Показывайте вашу замечательную комнату с большой кроватью.

— Ваша светлость желают..?

— Спать, — сухо отрезал принц.

* * *

Рыцарь подошел к пещере, окинул взглядом камень, закрывающий вход, и присел рядом, привалившись к теплой скале. Устроился поудобнее, закинул руки за голову и блаженно зажмурился.

— Эй, Дракон! — крикнул Рыцарь, не открывая глаз. — Ты дома?

— Дома, — отозвался из-за камня Дракон.

— Выйти еще не надумал?

— Не-а.

— Ну ладно, дело хозяйское. А то смотри, если вдруг надумаешь...

— Я тебе сообщу заранее.

— Угу.

Рыцарь поерзал, чтобы кираса не давила на плечо, и продолжил, не повышая голоса:

— В городе вчера праздник был. С карнавалом. Барды приезжали.

— Да? — заинтересовался Дракон. — И кто выступал?

— Какие-то Серебряные с Семи Островов. Василек тоже был. И эта, всё забываю её имя...

— Ласточка?

— Нет, другая. А, вспомнил, Стрекоза.

— Ну и как они?
— Нормально, — пожал плечами Рыцарь. Дракон не мог этого увидеть, но услышал скрежет доспехов и вздохнул.

— А новости какие-нибудь рассказывали?

— Угу. Ничего интересного.

— Ну ладно тогда, — снова вздохнул Дракон. — Пожрать-то принес?

— Принес. — Рыцарь пнул ногой дорожный мешок.

— Не отравлено?

— Нет. Жри себе на здоровье.

— Учти, я сперва дам принцессе попробовать.

— Знаю. Говорю же тебе, не отравлено.

— Да я так, на всякий случай. Просто чтобы ты знал.

— А поговорить с ней можно?

— С принцессой-то? Минуточку...

Дракон зашуршал в глубину пещеры, оттуда послышались приглушенные голоса, через минуту Дракон вернулся и сказал, извиняясь:

— Нельзя, она моется. Завтра поговорите.

— Ну тогда просто спроси её, она уже разузнала про то, что я спрашивал?

— Это про моё слабое место, что ли?

— Кхм... ну да.

— Она пыталась. Я не сказал.

Рыцарь философски пожал плечами, сорвал травинку и сунул в рот.

— Ну и ладно тогда. На чем мы в прошлый раз остановились?

— Конь бьет королевскую пешку на d5.

— Да, верно. Слон на a4.

— Ты мне жертвуешь ферзя?

— Понимай как знаешь.

— Я подумаю...

Дракон подумал, неуверенно двинул вперед ладью, Рыцарь пошел конем, противники разменяли ферзей и отложили окончание партии на завтра.

— Жрачку я оставляю тут, — сказал Рыцарь, поднимаясь на ноги. — Тебе что-нибудь еще нужно?

— Да. Захвати завтра, пожалуйста, немного писчей бумаги. И еще принцесса просила раздобыть ей флейту, хочет научиться играть.

— Я ей найду самоучитель, — пообещал Рыцарь. — И флейту куплю поприличнее.

— Это не очень дорого? — забеспокоился Дракон. — У меня тут есть кое-какие сбережения...

— Не надо, — отмахнулся Рыцарь. — Мне вполне прилично платят за то, чтобы я держал тебя в страхе. Ты ведь в страхе, правда же?

— Ага! — охотно согласился Дракон. — В ужасе просто. У меня даже хвост дрожит, если хочешь знать. Так и передай бургомистру.

— Я передам, — кивнул Рыцарь.

— Да, вот еще. Если Стрекоза не успела уехать, ты не мог бы пригласить её ко мне в гости? На денек-другой, не больше. Давно её не видел, да и принцессе было бы приятно, поболтали бы о своем, о девичьем. А может, и спели бы чего-нибудь...

— Я спрошу.

— Спасибо.

— Ну, до завтра тогда. И если надумаешь...

— В другой раз.

— ОК.

Рыцарь забрался на коня и ускакал.

* * *

Очень легко быть в хороших отношениях с теми, до кого не можешь дотянуться.

Из пещеры доносился громкий рев, то и дело переходящий в пронзительный визг. Рыцарь остановился у входа и неуверенно позвал:

— Эй, дракон, ты здесь? Выходи!

— Щас, минутку, — отозвались из пещеры. Что-то гроыхнуло, кто-то возмущенно взвыл, а затем показался сам дракон.

У рыцарского коня сдали нервы и он потерял сознание. Рыцарь попятился и сказал «Ой!» Горожане в один голос утверждали, что чудовище, похитившее принцессу, было десяти сажень в длину. А дракон оказался гораздо больше; он все лез и лез, и никак не кончался.

— Чего надо? — довольно нелюбезно спросил дракон.

— Я это... за принцессой... она у вас?

— За принцессой, значит? Угу. Подожди тут.

Дракон уполз в пещеру, и через минуту выволок оттуда принцессу.

— На, забирай.

— Она моя-а-а! — завyli в пещере. — Я её нашел!!!

— Молчи, змееныш! — грозно рявкнул дракон через плечо. — Говорил я тебе, чтобы не притаскивал в дом всякую живность? Вот видишь, у неё хозяин нашелся. А у тебя и так уже крокодилчиков целый аквариум, девать некуда.

Он обернулся к рыцарю и неловко пожал плечами:

— Ребенок, что с него возьмешь. То кошку на улице подберет, то овцу. Теперь вот принцессу приволок. А у меня на принцесс аллергия!

И он громко чихнул в асбестовый платок.

* * *

— Дяденька, — спросил восторженный мальчуган, — а Вы рыцарь?

— Рыцарь.

— Ой, правда? А Вы и с драконами дрались?

— Дрался.

— А расскажите, как это было?

— Ну как... Дракон украл принцессу, а я отправился её спасать. Ну и... подрались мы с драконом.

— И кто победил?

— Я, конечно.

— А принцесса?

— Что — принцесса?

— Вы её освободили?

— Нет, — неохотно признал рыцарь. — Не освободил. Дракон её не захотел отдавать.

— Как не захотел!? Вы же его победили!

— А вот так! Проиграть он проиграл, а принцессу зажил. С-сволочь!..

* * *

Сидят в одном подземелье Рыцарь, Принцесса и Дракон.

— Тебя, Рыцарь, за что сюда посадили?

— За оскорбление Величества. А тебя, Принцесса?

— За своеволие и рукоприкладство. А тебя, Дракон, за что?

— Что значит «за что»? Это, вообще-то, моё подземелье!

* * *

— А-а-а! — закричал Дракон. — Нет, только не это!
— Что, опять? — воскликнул Рыцарь.
— Как мне это надоело, — простонала Принцесса. — Рыцари, Драконы...
— И Принцессы, — добавил Дракон с отвращением.
— Ну что, все собрались? — Сказочник радостно потер ручки. — Тогда начинаем.
Итак, в некотором царстве, некотором государстве...
Дракон, Рыцарь и Принцесса переглянулись и зарыдали.

* * *

— Не успели, — обреченно выдохнул Рыцарь, глядя в небо.
— Догнал, — дрогнувшим голосом подтвердила Принцесса.
Дракон с шумом и лязгом опустился на дорогу прямо перед беглецами и склонил голову набок, разглядывая их по-птичьи, одним глазом.
— Шшшшш...
— Я отвлеку его внимание, — прошептал Рыцарь. — А ты беги.
— Без тебя, одна по горам, на ночь глядя? Ни за что!
— Тц-с-с! — произнес Дракон.
— Я не вернусь! — выкрикнула Принцесса, задрав голову к драконьей морде. — И не пытайся меня принудить!
— Пфф! — Дракон фыркнул и скинул со спины увесистый тючок. Потом напружинил лапы, подпрыгнул, хлопнул кожистыми крыльями — и улетел.
— Чего это он? — Рыцарь недоуменно уставился вслед Дракону, потом — на оставленный тюк.
Принцесса развязала бечевку и заглянула внутрь.
— Что там? — спросил Рыцарь.
— Смена белья, жареная курица в пакете, полотенце, зубная щетка и запасная корона, — перечислила Принцесса. — Ну, и так, кое-что по мелочи.
Она затащила бечевку и навьючила тюк на Рыцаря.
— Пойдем, что ли. В горах темнеет рано.

З.Ы.

Через четверть часа Дракон снова нагнал убегающих, сунул в руки Принцессе теплый шарфик и снова умчался, что-то сердито ворча под нос.
— Умри, гадина! — закричал рыцарь и взмахнул мечом.
— Сдохни, человечешко! — просвистел дракон и щелкнул хвостом.
Две армии, повинаясь сигналу, бросились в рукопашную.
Рыцарь и дракон в битве, разумеется, не участвовали, а стояли поодаль, на удобных наблюдательных позициях. Как и положено полководцам.

Кот в сапогах

Кот в сапогах пришел к Людоеду.
— День добрый, господин Людоед. А не могли бы вы превратиться в мышку?
— Да пожалуйста! Нет проблем.
Хлопнул Людоед в ладоши — и превратился в мышь. А потом ка-ак выхватит из-за спины огромный молоток да ка-ак шарахнет Коту по голове!
— Кстати, будем знакомы; меня зовут Джерри.

* * *

Умер один мельник. А было у него три сына. Старшему досталась мельница, среднему — осел, а младшему — кот.

Вот сидит младший на пенёчке и рассуждает вслух, что бы ему теперь с котом сделать. То ли съесть, то ли на шапку пустить. А кот слушал, слушал, морщился — да и говорит наконец человеческим языком:

— Ну вот что, хозяин! Есть меня тебе никакого резону нет, а лучше купи ты мне сапоги и шляпу — а я из тебя еще важного человека сделаю! Со мной не пропадешь!

Удивился молодой человек, испугался. Он жил на свете двадцать лет и два года — и не слышал, чтобы коты говорили. Ладно бы еще братьев осел — такие случаи в истории известны. Но чтобы кот..? В общем, не посмел он пренебречь просьбой. Пошел покупать коту сапоги.

Легко сказать — купи! А на какие шиши?

Милостыню просить ему гордость не позволила; устроился на почту, газеты разносить. Проработал так некоторое время — накопил на сапоги коту. Купил, принес.

— А шляпу?!

Да, верно, про шляпу забыли. Пошел мельников сын работать дальше. Накопил и на шляпу.

— Не, я не такую хотел. А широкую, с пером!

Почесал мельников сын в затылке, взял одну из своих газет, полистал — и нашел другую работу, получше. А поскольку парень он был неглупый, то одновременно устроился на дополнительные курсы — сообразил, что кот потом еще и плащ потребует. Надо заранее о таком варианте подумать.

Прошло некоторое время, кот полностью приоделся.

— А теперь — шпагу!

— Да ты что! Шпагу только дворянам можно.

— Ну значит придется тебе подумать, как меня вывести в дворяне. У тебя голова на плечах имеется? Ты же хомо сапиенс, человек разумный — вот и соображай.

Опять почесал мельников сын в затылке — и пошел в лес, ловить куропаток. Надо заводить полезные знакомства при дворе.

«Замок у меня на примете уже есть, — думал он, ошипывая очередную куропатку в подарок королю. — Правда, там людоед живет, но это не проблема. Придумаю что-нибудь».

Через пару месяцев Кот в сапогах сидел, развалился в шезлонге, на балконе дворца маркиза де Карабаса, потягивал коктейль из высокого бокала и самодовольно мурлыкал:

— Ну что, хозяин, говорил я тебе, что со мной не пропадешь?

* * *

— А теперь в мышь, пожалуйста!

— Не, в мышь не могу.

— Как так?

— Да вот так, не умею. В тигра — пожалуйста, В волка, в медведя тоже. А в мышь... да ну её! И пробовать не буду!

Кот в Сапогах нахмурился. План А накрывался медным тазом, но в запасе был еще план Б.

Кот достал из-за голенища сапога портрет молодого человека.

— А вот в такое превратиться можете?

— Могу. А зачем?

— Ну хотя бы затем, чтобы официально именоваться не Людоедом, а маркизом де Карабасом.

— А как же настоящий маркиз?..

Кот виновато развел лапами...

«Бедный хозяин! — подумал Кот. — Ну что ж, в конце концов он всегда был неудачником».

Джинн

Забросил рыбак невод, вытащил кучу морской тины и запутавшийся в ней кувшин. Как это принято, тут же сорвал печать, выковырял пробку — и из кувшина вылез полуголый мужик разбойничьего вида.

— Ну наконец-то! Выручил ты меня из тысячелетнего плена, молодец. А теперь три желания.

— Правда? Вот здорово! Ну тогда вот тебе мое первое желание...

— погоди, погоди. Ты не понял. Это не ты мне желания загадываешь, а я тебе.

— То есть как?!

— А вот так. Выполнишь — катись на все четыре стороны, а не исполнишь — я тебя съем.

— Но как же так? Это же я тебя спас!

— И что с того? Мужик, я джинн. А нам, джиннам, благодарность не присуща. Нам присуща наглость.

* * *

Одни желания выполняются сразу, другие требуют времени. Когда я высказал своё второе, джинн ответил «Уфф!» и о чем-то глубоко задумался.

— Ну ты, хозяин, и задачку задал!

— Ты что, не можешь выполнить это желание?

— Нет, — удрученно вздохнул джинн. — Невозможно по определению. Если я создам для тебя мир — это будет *мой* мир, плоть от... ну что там у меня есть. Но уж всяко не твой. Миры каждый должен творить для себя сам. Вот разве что научить тебя этому искусству?

— Так в чем проблема? — сказал я. — Научи!

— Это третье желание? — быстро уточнил джинн.

— Нет, второе.

— Слушаю и повинуюсь, — уныло отозвался джинн. — Но учти, хозяин, учеба дастся нелегко.

И он стал меня учить. Урок за уроком, год за годом, пока я наконец не усвоил каждый нюанс. Пока не стал магом, не знающим себе равных. И тогда я приступил к делу.

Отстраниться от мира. Выдавить себя из реальности, как воду из губки. Собраться в одно единое самодостаточное Я. Миры каждый творит сам для себя, и сам из себя. Больше не из чего.

Распахнуть себя во всю ширь, насколько хватит воображения. Дать своему Я полную волю — воплотиться тем единственным, одному ему присущим образом, который только и возможен. Открыть глаза и принять этот мир во всей его полноте. Раствориться. И вычленив из этого непостижимого огромного Я свое маленькое неизменное я.

Вот, собственно, и всё.

Я так и сделал. И мир вышел что надо — то есть, что мне надо. Сам ведь делал, для себя. Лучше и не придумаешь, сколько ни старайся. И всё в этом мире подчинено моей воле...

Мда... кстате, о воле и подчинении.

Сам я остался плотью от плоти того мира, где родился. А как же иначе? Эту связь никак не порвешь, ни в каком ином мире не спрячешься. А когда отказываешься от дарованной тебе на родине свободы воли... ну, тогда не жалуйся, сам виноват.

Невозможно выжать губку досуха. Вот и я тоже... Угораздило же при жизни привязаться к этой безделушке! За неё-то меня и вытащили. И не отпустят, пока я не

исполню...

— Джинн, слушай мою волю!

А я что, я слушаю. Как будто у меня есть выбор... Нет у меня никакого выбора в этом мире, сам когда-то отказался. Сознательно.

— Слушаю и повинуюсь, хозяин.

Дурак он, мой хозяин. И желания у него дурацкие.

Бессвязные сказки

Тридевятым царством, тридесатым государством управлял Кощей Бессменный. Ну, как управлял — сами можете представить, не маленькие. Коррупция, инфляция, репрессии и все такое прочее. Короче, надоел он всем хуже горькой редьки. И вот решил один добрый молодец, по имени Иван-дурак, Кощю извести и страну свою ослобонить.

Пошел он, значит, по свету, искать смерть кощееву. Шел-шел и пришел в дремучий лес. А там, надо заметить, жила Баба Яга, древняя старушка с больными ногами. Ну, Иван как завалится к ней в избу, как гаркнет молодецким голосом: «Эй, ты, старая хрычевка! А ну, напои добра молодца, накорми, в баньке попарь да спать уложи, а потом говорить будем!» Бабка с полки скатилась, накормила-напоила Ивана чем смогла, а потом и поведала ему — есть, мол, в море Окияне остров Буян, вулканического происхождения. А на том острове растет дуб, на дубе сундук, а уж там заяц, утка, яйцо, иголка и т. д. Ну вот а на конце иглы и наколота смерть кощеева.

Пошел Иван к морю, нанял перевозчика, к острову приплыл. Точно-есть такой дуб! Залез на него, снял сундук, открыл его... А сундук взял и взорвался. И не стало Ивана-дурака.

Так Кощей избавлялся от желающих убить его.

* * *

Жила-была на свете одна сказочная красавица. Такая уж у них, сказочных красавиц, доля — жить да быть. А проходило ее житьё-бытьё в комнате на самом верху высокой башни. На 16 этаже, если точнее. Под самой крышей, зато с балконом. И недорого.

Каждый вечер сказочная красавица выходила на балкон подышать свежим воздухом и полюбоваться на закат. Это у нее вошло в привычку.

Однажды, сидит она на балконе, смотрит в синюю даль — вдруг видит, пыль закружилась. Это скачет из синей дали Добрый Молодец на лихом коне. Доскакал до башни, гикнул, коня прищпорил — и допрыгнул вместе с конем до самого 16 этажа. Само по себе уже достижение. А он мало что допрыгнул — так еще ухитрился сказочную красавицу в прыжке обнять и в уста сахарные поцеловать — да не как-нибудь мельком, а так задушевно, что у девушки аж голова закружилась.

А когда она сумела сфокусировать зрение — Доброго Молодца уже и след простыл, только опять вьется пыль вдалеке да мелькает в ней лошадиный хвост.

Целый день Красавица пробыла под впечатлением. А когда настал вечер и она вновь вышла по привычке на балкон — откуда ни возьмись, опять прискакал Добрый Молодец, опять прищпорил коня, подпрыгнул — и поцеловал Красавицу так же темпераментно, как и в первый раз.

«Это он неспроста, — подумала Красавица, глядя вслед удаляющемуся всаднику. — Кажется, молодой человек серьезно настроен».

На следующий день — а точнее, вечер, вышла опять Красавица на балкон, стоит, вспоминает прекрасного юношу. «Если, думает, он так целуется, да еще верхом на коне — то каков же он, когда...» — а додумать она не успела, потому что снова прискакал Добрый Молодец, гикнул, прыгнул, поцеловал — и она как-то потеряла мысль.

Пришел следующий вечер — и снова прискакал Добрый Молодец, снова запечатлел на

Красавице поцелуй и ускакал, оставив девушку в некотором недоумении.

Следующий вечер — то же самое, прискакал, взял высоту, впечатал в губы сахарные очередной поцелуй и был таков.

Следующий вечер — снова скачет, берет разбег перед прыжком. Красавица к губам рупор поднесла и кричит ему:

— Молодой человек! Погодите целоваться, давайте поговорим.

Остановился Добрый Молодец, голову задрал, ждет, когда Красавица эту трубу от губ сахарных уберет.

— Слушай, Добрый Молодец, — говорит Красавица, — ты что, так и будешь тут на своей лошади прыгать? В то время как я уже четвертый день жду, вся такая готовая, в прозрачном пеньюаре!

— А чего ждешь-то? — не понял Добрый Молодец.

— Жду, когда ты с коня слезешь!

— Так я же тогда не допрыгну!

— А ты по лесенке, по лесенке. Дверь видишь? Домофон 7846, 16 этаж, 48 квартира.

— А зачем? Я же и так тебя поцеловать могу.

— Поцеловааать? А ты что, ни к каким более решительным действиям приступить не хочешь?

— А что, уже время? — обрадовался Добрый Молодец. — Для решительных шагов? Значит, мне уже можно тебе, например, цветы подарить?

Убрала Красавица рупор, плюнула на все это со своего 16-го этажа и пошла спать. А Добрый молодец потоптался-потоптался вниз, плечами пожал, развернул коня и отправился в бордель, где снял какую-то квадратную плоскомордую деваху. Потому что одно дело — секс, а другое — возвышенные отношения с дамой сердца.

* * *

Угу... Начало классическое. Пришла девочка в дом к медведям, напакостила и легла спать, не снимая лаптей.

Вернулись медведи...

Папа: — Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?!

Мама: — Да ты сам, небось, и сдвинул! Кому это еще надо?

П: Да нет, говорю тебе, мой стул кто-то сдвинул с места! И твой, кстати, тоже!

М: А по-моему, они так и стояли!

Медвежонок: Пап, Мам! А мой стульчик кто-то...

П и М (хором): Не встревай, когда старшие разговаривают!

Папа: Кто хлебал из моей чашки?!

Мама: А ты бы подольше копался!

П: Ты, что ли?

М: А хоть бы и я! Все уже остыло давно! Я обед на стол поставила, куда тебя черт понес вдруг гулять?

П: Тебе своей мало?

М: Ой! А кто хлебал из моей чашки?!

Медвежонок: А кто хлебал...

П и М: Замолчи!

Медвежонок (подвывая и размазывая слезы): И всю выхлебааал!

М (бросив взгляд на мишуткину чашку, набрасывается на мужа): У ребенка кашу сожрал!

П отбивается.

Мишутка воет.

В ход идет сломанный детский стульчик и пустой чугунок.

... а в это время в соседней комнате мирно спит девочка Маша...

Медведи грызлись, орали, и спать им как-то не хотелось. А Маша выпалась, потянулась, слезла с кровати, вылезла в окно и пошла домой. Она ничего такого и не заметила. Потому что была глухонемая.

* * *

История эта произошла в одном маленьком сказочном королевстве. Сказочным оно считалось чисто номинально; королевство было такое маленькое, что серьезных чудес в нем никогда не происходило. Так, ерунда всякая.

В этом королевстве, как водится, жил принц. Не только он один, конечно, но сказка будет именно о нем.

Принц, как это обычно и бывает в сказках, любил пастушку. Чистой и возвышенной платонической любовью. Она отвечала ему взаимностью. То есть тоже любила втайне и издалека. И то сказать — кто она такая, и кто он такой! Так только в сказках бывает, что простые пастушки выскакивают замуж за высокородных. А наше королевство, как мы помним, хоть и было сказочным, но все же не настолько. И пастушка, как девушка умненькая и практичная, особо на такие чудеса не рассчитывала.

Принц был настроен более оптимистично. Он нанял кучу осведомителей, которые изучили всю жизнь пастушки и составили для Его Высочества ее полный психологический портрет. И принц понял, что именно такая девушка ему нужна. Для подстраховки он обратился к известной колдунье (заграничной, поскольку в родном отечестве своих не было), и та подтвердила: да, действительно, из всех девушек подходящего возраста пастушка — самая предпочтительная партия для принца. Просто-таки идеальный вариант.

Разумеется, такая история не могла закончиться ничем, кроме хэппи-энда. Но пока что она еще не закончилась.

Свадьбу сыграли весной. Пастушку на нее не пригласили, да это и понятно — что ей делать на королевской свадьбе? Принц женился на принцессе из соседнего королевства. Принцесса была на шесть лет старше его, и лицом не то чтобы некрасива, а так, ничего выдающегося. Хотя, чего уж там — да, она была некрасивая. Маленького росточка, конопатая и близорукая. Зато этот брак был чрезвычайно выгоден двум государствам, а о чем должен в первую очередь думать хороший правитель, как не о благе родной страны? Родители принца и принцессы все обговорили заранее, еще когда те были совсем детьми. И принц прекрасно знал, кто будет его жена. Но мечтать ведь не запретишь, верно?

Пастушка вышла замуж через пару месяцев — за шорника из соседней деревни. И была вполне счастлива в браке. Ведь она, если подумать, и не была знакома с принцем. Он остался для нее детской мечтой, чем-то сияющим, не от мира сего. А муж — вот он, заботливый, работающий, в меру пьющий, редко бьющий — чего еще желать простой пастушке! Да многим ее подругам повезло гораздо меньше! А тут — и свой дом есть, и относительный достаток, и уверенность в завтрашнем дне. А что шорник старше ее почти вдвое — так ведь это не страшно. Зато любит ведь! Пряники покупает. По праздникам на ярмарку возит. Такое счастье улыбнулось пастушке — даже и не верится, что тут без чуда обошлось!

Принц... а что принц? Принц тоже был вполне счастлив. Пусть он не испытывал к своей жене жгучей страсти, но со временем, прожив вместе не один год, научился ее уважать и даже полюбил — ровной и спокойной любовью. Принцесса была неглупая женщина, прекрасно разбиралась в политике и экономике, и помогала мужу как могла. С ней можно было с равной легкостью говорить об античном искусстве и о псовой охоте. Спокойная и уравновешенная, принцесса стала для принца надежной опорой, настоящей спутницей жизни, подругой, рядом с которой ему было всегда уютно и тепло. Когда на королевство напали враги и армия принца оказалась отрезана от столицы, принцесса стояла на городских стенах, командуя ополчением. Когда у их единственной дочери была scarlatina, принц и принцесса сами по очереди дежурили у ее кровати, меняя компрессы на горячем лбу. Беды и радости супруги делили поровну. И принц был только рад, что у него именно такая жена —

пусть и не идеальная, но все равно замечательная.

Пастушка рано овдовела. Ее муж погиб на стенах города, сражаясь в ополчении, а больше она замуж не выходила, и сына растила одна. Сын был весь в отца — такой же основательный и серьезный. Фигурой — вылитый шорник: высокий и плечистый, а лицом больше походил на мать, унаследовал ее зеленые глаза и каштановые волосы. Когда мальчик подрос, он пошел в пастухи.

Принц стал вдовцом гораздо позже. Провожая гроб с телом своей супруги, умершей от какой-то редкой болезни, совершенно седой принц не стеснясь плакал навзрыд. Он тоже никогда больше не женился — был не в силах представить рядом с собой другую женщину, а не свою принцессу. А кроме того, он считал, что никакая мачеха не заменит его дочери умершую мать. Дочь выросла мало похожей на родителей. Что-то в ней было и от матери — рыжие волосы и остренький подбородок, что-то от отца — синие глаза и форма ушей, но все эти черты казались ее собственными, никому больше не принадлежащими, так искусно они сочетались. Что и говорить, девочка была настоящая красавица.

Итак...

Жила-была в одном королевстве прекрасная принцесса. И жил в этом же королевстве простой пастух... Разумеется, такая история не может закончиться ничем, кроме хэппи-энда.

* * *

Жила-была Звезда. Не из самых больших и ярких, а так, средняя. Это была молодая Звезда, горячая, но еще не сделавшая карьеру. Жила она в дальнем звездном скоплении, где-то за созвездием Дракона (что же за сказка да без какого-нибудь Дракона!), нам отсюда не видать.

У Звезды был спутник. Один-единственный, зато свой. Правда, спутник не отличался постоянством — он то удалялся от Звезды, то снова приближался. Но Звезде даже нравилась его эксцентричность.

Когда спутнику приходило в голову вернуться в жаркие объятия Звезды, он это всегда делал красиво, с шиком, распустив хвост. И каждый раз при его приближении Звезда радовалась, поспешно убирала с лица случайные пятна и волновалась, как девчонка на первом свидании. Но спутник, как обычно, погревшись возле Звезды, снова убегал куда-то, и ей ничего не оставалось, как покорно ждать. Другие звезды говорили ей: «Да что ты с ним так носишься? У него же сердце ледяное! И в голове один газ, даром что светится. Дурочка, это же только твой отраженный свет. Он без тебя — ничто!» Но Звезда, конечно, не слушала подруг. Им хорошо, вокруг них спутники так и вьются стаями, а у нее только этот и есть.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды, во время наибольшего удаления спутника от Звезды, какая-то другая блуждающая звезда притянула его — и спутник, врубив четвертую космическую скорость, покинул свою орбиту. Что с того, что другой звезде он тоже не достался, отправился в затяжной свободный полет? Звезда осталась одна.

Что-то в ней надломилось. Те, кто предсказывал ей яркое будущее Новой Звезды (а чем черт не шутит, может, и Сверхновой!), были разочарованы. Звезда выросла, тускнела, вращалась среди других звезд — и ничем не выделялась, разве что ненормально спокойным, а для звезды — просто-таки холодным характером. Многие ее знакомые звезды уже давно составили пары, некоторые даже успели обзавестись выводком планет, а эта все жила одна-одинешенька.

Но все движется, даже звезды. И однажды, когда к Звезде кто-то обратился, она подняла глаза — и увидела прямо перед собой, в каких-нибудь 600 световых годах, Красного Гиганта. Звезда так оторопела, что даже не поняла, о чем он ее спросил. Она и раньше видела Гиганта, но издали. Гигант всегда был в центре внимания — еще бы, такой внушительный! Недоброжелатели говорили, что Гигант угасает, и уже не тот, что раньше. Но даже сейчас это было великое светило.

Что нашел Красный Гигант в маленькой тусклой звездочке не первой молодости — кто

поймет? Но они потихоньку сблизилась. Звезда не понимала, что с ней творится, и почему их так тянет друг к другу. Конечно, она восхищалась Гигантом, но... разве они ровня? У него ведь, подумать только, есть имя! Его портрет занесен в звездные карты! А о ней, такой неприметной, никто и не слышал.

Но Красный Гигант умел смотреть в суть вещей. И любил Звезду всей широкой душой.

— Я холодная... — говорила ему Звезда.

— Неправда! У тебя горячее сердце.

— Я маленькая...

— А это даже красиво.

— Я плотная...

— Ну и что? А я рыхлый, — улыбался Гигант.

— Я тусклая...

— Это только для тех, кто в упор не видит дальше ультрафиолета! Дай я тебя обниму.

Он протягивал к Звезде протуберанцы, и Звезда радостно вспыхивала.

— Как я люблю, когда ты улыбаешься! — говорил Гигант, и дарил, дарил, дарил Звезде весь нерастроченный жар своей души. Другие звезды говорили, поджав губы, что маленькая Звезда попросту обкрадывает Красного Гиганта, что она пользуется им, а потом наверняка бросит. Но Звезда и Гигант не обращали внимания на эти слова. Никаким молодым звездным парам не дано было сиять так ярко, как этим угасающим звездам. Гигант быстро таял, тускнел, отдавая всего себя своей любимой, а она горела все жарче, даря Гиганту свет, какого он не видел за всю свою такую долгую жизнь. Никто и подумать не мог три миллиарда лет назад, что даже в молодости Звезда способна так сиять от радости. А всякие прочие светила, что бы они там ни говорили, сами сгорали от зависти к этой чудесной звездной паре.

Они жили, по космическим масштабам, недолго. Но счастливо. И умерли в один день.

От вспышки возникшей при этом Новой зародилась жизнь на Земле.

* * *

Начнем. Жил да был один... ну, скажем, вампир. Только он и сам не знал, что он вампир. Как такое получилось? Да очень просто. Его угораздило родиться евреем. Неизвестно, какая муха его в детстве укусила, что он стал вампиром, да это и неважно — всё равно никто ничего не заметил. Родители у него были не то чтобы религиозные, но кашрут соблюдали, и малыша воспитали соответственно. То есть, крови — ни-ни! Вампир так и привык думать, что бифштексы с кровью и кровяная колбаса — это жуткая гадость, и при одной мысли о таком непотребстве его начинало мутить. Опять же, специфика национальной кухни приучила его к чесноку, без которого не обходится ни одно приличное еврейское блюдо. Ежедневно умываясь водой из Кинерета, в который впадает святая река Иордан (а другой воды в Израиле и нету!), вампир мало-помалу выработал иммунитет и на святую воду. Поначалу, в детстве, еще был хлипким и слабеньким, но к переходному возрасту окреп и отъелся. Аристократическая бледность, присущая вампирам, исчезла под загаром — такова сила израильского солнца. Пристрастившись к чтению гротесков, мальчик рано испортил себе глаза, а они и без того были красноватые от природы. Но очки носить не стал, а завел себе контактные линзы приятного карего цвета. Один из клыков ему выбило качелями еще до того, как тот успел подрасти и заостриться, и ему поставили аккуратную коронку. А второй клык, неэстетично портящий прикус, удачно исправил знакомый стоматолог. Так что с виду никто не принял бы вампира за вампира.

Мальчик подросток, закончил школу, отслужил в армии, закончил институт, женился. Никаких странностей в его поведении не наблюдалось. Ну, разве что он почему-то имел привычку, целуя свою жену, покусывать ее за шею — но не до крови, и даже не больно. Потому что очень ее любил и, конечно, не стал бы причинять боль. Дети пошли в мать, обычные еврейские детки. Хотя кто их, конечно, разберет...

Вампир жил счастливо, но недолго. Все-таки воздержание от крови и умывание святой водой, не говоря уж о чесноке, плохо сказались на его бессмертном организме. Вместо отмерянной ему вечности вампир сумел протянуть всего каких-то 96 лет и умер глубоким стариком, в окружении детей, внуков и правнуков. В здравом уме и твердой памяти.

Чего и вам желаем.

* * *

Город. У ворот сидят мудрецы — старейшины. Ждут.

Подъезжает мужик на белом осле.

— Мир вам, старцы! Возрадуйтесь, я — Мессия. Вот, пришел.

— Хрен ты собачий, а не Мессия. Где твой огненный меч?

— И почему это ты вдруг на осле, когда должен на двугорбом верблюде?

— И вообще, почему ты не негр?

— Минуточку! А как называется ваш мир?

— Фрындл.

— Так что, этот город — не Иерусалим?

— Не-а. Это Пфунзгбрф. Великий и славный.

— Тьфу, блин! Опять ошибся...

Разворачивается и уезжает на своем осле.

Миров много. Поди найди среди них единственный нужный...

* * *

— Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом!

Заскрипели плохо смазанные суставы куриных ножек, посыпалась из щелей труха — и избушка неспешно и величаво развернулась к Иванушке фасадом. Распахнулась дверь, и на пороге показалась старая скрюченная карга в цветастой шали.

— Ох!.. — только и сказала карга, взглянув на гостя. Одной рукой ухватила за косяк, другой скомкала шаль на груди. — Здравствуй, Иванушка...

— И тебе привет, хозяйюшка! Не ты ли будешь Баба-Яга?

— Баба... я... ага! — старуха сглотнула и отошла на шаг. — Ну что ж ты на пороге стоишь? Заходи, раз пришел. Накормлю, напою, в баньке попарю... Да не бойся, не съем я тебя.

Иванушка зашел в избу, огляделся и присел на лавку. Баба-Яга устроилась напротив, поблескивая слезящимися глазами из-под спутанных седых косм.

— Я к тебе по делу, бабушка, — начал Иван.

— Конечно, по делу, — кивнула Яга, пододвигая к Ивану горшок. — Ты кушай, кушай, милый. Успеешь еще рассказать.

— Да я не голодный, спасибо. — Иван потянул носом. — Щи?

— Они самые. Любишь?

— Ага! — Иванушка взял ложку. — Ну разве что только попробовать... Василиса моя знатно щи варила...

— Правда? — вежливо переспросила Баба-Яга.

— Угум... — Иванушка закивал с полным ртом, проглотил и добавил: — Я, кстати, по этому поводу и пришел.

— По поводу шей? — хмыкнула Яга.

— Да нет, по поводу Василисы. У меня ее Кощей украл, сволочь такая. А куда дел — неизвестно. Говорят, тебе все на свете ведомо; может, ты знаешь, где мне ее искать?

— Может, и знаю, — деревянным голосом произнесла Баба-Яга.

— Расскажи мне! — Иванушка подался вперед, едва не опрокинув на пол горшок со щами.

Баба-Яга опустила голову и уставилась на свои ладони, будто ничего интереснее в жизни не видела. Помолчав с минуту, равнодушно спросила:

— Любишь ее?

— Больше жизни! — с чувством ответил Иванушка.

— А Василиса... она какая?

— Она... Прекрасная! — Иванушка мечтательно заулыбался.

— Да что ты говоришь... А если Кощей ее в лягушку превратил?

— А он превратил? — встревожился Иванушка.

— Может, да, а может, нет. Отвечай, когда спрашивают! — прикрикнула старуха.

— Неважно, — покачал головой Иванушка. — Для меня она всегда Прекрасная. Даже если лягушка.

— А как же ты ее, лягушку, среди прочих узнаешь?

— Мне сердце подскажет! — без тени сомнения ответил Иванушка.

— Сердце, говоришь...

Баба-Яга криво усмехнулась — как умеют усмехаться только битые жизнью, всё повидавшие старые ведьмы.

— Ну тогда слушай, милый. Как есть правду скажу. Заколдовал твою Василису Кощей Бессмертный и в башню заточил. Лежит она там ни живая ни мертвая, будто каменная. И никто ее расколдовать не может. Вот так-то вот.

— А что же делать, бабушка?

— Что делать?... Да ничего тут не поделаешь...

— Не может такого быть, бабушка! Должен быть какой-то выход!

Баба-Яга подняла глаза на Иванушку. И тут же отвела взгляд.

— Ну да, есть. Есть один выход. Убьешь Кощея — и спадет заклятие.

— А как его убить? Он же Бессмертный!

— Мало ли, что Бессмертный! Смерть его, если хочешь знать, на конце иглы. А игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на дубе, а дуб — на острове Буяне.

— А остров Буян где?

— Не знаю. Ищи.

— Да? Ну, спасибо тебе, бабушка, за совет. Выручила. Пойду я, пожалуй.

— Куда же ты, на ночь глядя? Переночуй хоть, утро вечера...

— Мудренее, знаю. Не, некогда мне. Пойду остров Буян искать. Раньше доберусь — быстрее Василису свою спасу.

— Так ведь ночь...

— Да что ночь? Мы, богатыри, привычные. Авось не пропаду.

— Ну хоть пирожков на дорожку?

— Пирожков? Это хорошо. Давай пирожки.

Баба-Яга неспешно собрала Иванушке котомку; положила и пирожков, и каких-то целебных травок, и расшитое полотенце...

— Если совсем трудно станет — брось полотенце на землю. А вот еще мыло и гребешок. Если полотенце не поможет...

— Их тоже на землю бросать?

— Да.

— Чтобы лес вырос? И гора?

— Да, — кивнула Яга.

— Хитро! — одобрительно кивнул Иванушка, пряча мыло и гребешок в котомку. — Василиса моя тоже мастерица была на такие штуки.

Иванушка закинул котомку на плечо, наклонился к Бабе-Яге и поцеловал в лоб. Старуха замерла, широко распахнув глаза.

— Спасибо тебе, бабушка, за всё. Век твою доброту помнить буду!

— Береги себя... Иванушка! — с трудом проговорила Баба-Яга. Протянула руку погладить Иванушку по щеке, но тот уже развернулся и пошел прочь, в быстро

сгущающиеся сумерки.

Старуха решительно потерла лицо сухими ладонями и вернулась в избушку.

— Ну, и чего ты ему наговорила? — проскрежетал ученый Ворон.

— Не твоего ума дело! — огрызнулась ведьма.

— Что это за дикая чушь насчет иголок в утке? Ты что, не могла ему просто сказать, что Кощей — такой же человек, как все? Ест каждый день молодильные яблоки — вот и не стареет. А треснуть ему мечом по башке — и всех делов-то!

— Шустрый какой! — поморщилась Яга. — Сама знаю, что никакой он не Бессмертный. Да только...

Баба-Яга вздохнула и принялась протирать передником и без того чистый стол.

— Не управится Иванушка с Кощеем. Там знаешь сколько стражи! Да и сам Кощей тоже... не подарок. Уж я-то знаю.

— Ну и дура! — Ворон презрительно каркнул. — Сама, что ли, не понимаешь — молодильные яблоки — твой единственный шанс! Рассказала бы Иванушке всё как есть, думаешь, он бы не понял? Кому еще тебя спасти, если не ему?

— Не могу! — Баба-Яга опустила на лавку и разревелась. — Ну не могу я его на верную смерть посылать! Уж лучше пусть... так.

— Ну а к черту на рога ты зачем его послала? Ведь нету же никакого острова Буяна! И не было никогда. Ты его сама только что выдумала. Что ж ты из Иванушки дурака делаешь? Он ведь поверил, теперь искать будет. Не могла, что ли, соврать, будто нет больше никакой Василисы; съел ее Кощей, и тапочки выплюнул?

— Не могла, — вздохнула Баба-Яга. — Ну как его можно совсем надежды лишить? Язык не повернулся. Да и не поверил бы он мне. Я ведь его знаю...

Старуха всхлипнула и утерла нос рукавом.

— А так... ну и пусть будет дураком... зато живой будет.

* * *

— Где девочка? — набросилась на кота Баба-Яга. — Только что тут была, куда подевалась?

— Удррррала, — промурлыкал кот, облизывая лапку.

— Как — удрала? — опешила Баба-Яга. — Не могла она удрать! Ты тут для чего сидишь? Должен же был наброситься на нее и исцарапать!

— Понимаешь, какое дело, хозяйка... — кот задумчиво уставился на свои коготки, — она мне сметаны дала.

— Тебе?

— Мнне.

— Сметаны?

— Мням.

— Да разве ж так можно? И ты съел?!

— А что такого? — кот потянулся и широко зевнул. — Я тебе уже служу без малого сто лет, а ты мне даже простокваши не наливала. А тут — сметана!

— Я же тебе запрещала!

— Я тебя, хозяйка, очень уважаю, — дернул ушами кот, — но сметану я уважаю тоже.

— И это вместо благодарности! — укоризненно покачала головой Яга. — Нет чтоб сказать спасибо старушке за сто лет, которые ты прожил. Еще и простоквашей попрекает! Ты вообще знаешь, сколько кошки в среднем живут?

— Да ну, ерунда, хозяйка. Не переживай. Ничего мне не будет от одной мисочки сметаны.

— От целой мисочки?! — Баба-Яга прикрыла глаза.

— Одной жизнью больше, одной меньше, — пожал плечами кот. — У меня их еще восемь останется.

Баба-яга нахмурилась и задумчиво посмотрела в окошко.
— Та-ак... А собаки ее почему пропустили? Э-эй, вы там! Шавки! А ну идите сюда!
— Да не ори ты, — зевнул кот. — Не придут они. Спят.
— Как спят?
— Так. Наелись и переваривают.
— Что... переваривают?
— Колбасу. — Кот прищурился и еле заметно вздохнул. — Колбаса — это хорошо. Хотя... ладно уж, сметана — тоже неплохо.
— Ироды! — Баба-Яга села не перевернутую ступу и всхлипнула. — Я вас для чего кормлю-пою строго по диете? Чтобы вы мне в одночасье передохли от гастрита?
— Бррррсь, хозяйка, — примирительно мурлыкнул кот, — собакам тоже надо развешаться. Сто лет во рту черствой корки не было, страшно сказать!
— А страшно — так и молчи! — прикрикнула старуха.
Кот покладисто замолчал, повернулся на бочок и стал ловить свой хвост, негромко урча.
— Догнать ее, что ли..? — задумчиво протянула старуха через некоторое время.
— На чем, на помеле? — фыркнул кот.
— Между прочим, — недобро прищурилась Баба-Яга, — в Европе, как я слышала, ведьмы летают верхом на черных котах.
— Я необъезженный, — осклабился кот, — и норовистый.
Баба-Яга отвернулась и замолчала.
— Хозяйка, а хозяйка?
— Чего?
— А что бы ты с ней сделала, если бы догнала? Зажарила и съела?
— Да что я, зверь какой? — обиделась старуха. — Как же я могу ее съесть? Триста лет живу, и все мне: «Баба-Яга, костяная нога...» А она — бабушкой назвала!
Старуха всхлипнула и утерла глаза уголком платка.
— Я вот тут ей яблочков на дорожку собрала... И пирожков, с повидлом... — призналась она и смущенно улыбнулась ошеломленному коту.

* * *

В одном горном ущелье жили-были индюшки. Откуда они там взялись — неизвестно. Так же как неизвестно, точно ли это были именно индюшки — но сами они себя называли именно так, а уж им наверняка виднее.

Так вот, жили они, жили, бродили по своему ущелью и думали разные безмятежные мысли.

А потом однажды прилетел какой-то незнакомый птиц.

— Ты кто такой?

— Я горный орел!

— А не врешь?

— Я?! Вру?! А вот такое вы видели?!

И стал Птиц показывать индюшкам фигуры высшего пилотажа. Петлю Нестерова, штопор, бочку, и что там еще.

— Во, видали? А вы так можете?

— Да где уж нам... Мы индюшки, мы вообще птицы нелетающие.

— Чушь! — сказал Птиц. — Мало ли, что вы там себе вбили в голову. Щас я вас всех мигом летать научу!

Индюшки пробовали было возражать, но куда им было спорить с Птицем! Он-то, как-никак, орел! Кого авторитетом, кого уговорами, а кого и клювом — согнал индюшек в стаю и стал учить.

— Махай крыльями! Ногами отталкивайся! Ты там, в третьем ряду, подбери сопли!

Вон, молодец, оторвался от земли, так держать! А ну, все — то же самое! Крылья ровнее! Хвосты вытянуть! Левый поворот!

Индюшки и сами не поняли, как такое получилось, но понемногу все они научились летать. Сперва еле-еле (ну а что с них взять, индюк он и есть индюк!), а потом все лучше и лучше. Выше, ровнее и спокойнее.

— Молодцы! — кричал им Птиц. — Орлы! Так держать! Учитесь, пока я жив! Эй, куда заваливаешься, выровняй строй!

Индюшки старались. Вскоре они уже летали не хуже своего инструктора. А потом кто-то вдруг заметил, что голос Птица доносится уже не сверху, а снизу.

— Слушайте, — сказала одна индюшка, — а вам не кажется, что наш орел какой-то странный? Мелковатый, что ли...

— Ну и что? — спросила другая.

— Да так... я вот думаю, не воробей ли он на самом деле?

— Нет, на самом деле он сокол! — возразила другая индюшка, и все благоговейно замолчали. Соколов индюшки уважали — ничего о них не зная, но почему-то в твердой уверенности, что это какие-то совершенно чудесные птицы.

— Ты еще скажи, Феникс... — проворчала скептически настроенная индюшка.

Как бы то ни было, но вскоре индюшки подлетели к Птицу и самая смелая спросила прямо:

— Учитель! Тут ходят слухи, что ты не орел, а воробей. Это правда?

— Чем забивать себе мозги всякой ерундой, вы бы лучше освоили переворот через правое крыло! — ответил Птиц. — А ну, марш, три круга вокруг вон той скалы!

А вечером, когда усталые индюшки наконец смогли перевести дух, Птиц стал рассказывать им о небе, о дальних странах, об охоте на горных коз и о многих других чудесах, которые доступны только орлам.

— Что, завидно? А вы не завидуйте, вы летайте. Любой из вас может стать орлом — подумай, велика наука! Было бы желание.

А желание у индюшек было. Попробуй тут не пожелай, когда Птиц так захватывающе рассказывает! И они старались изо всех сил.

Ну вот наконец настал день, когда Птиц собрал всех учеников и объявил:

— Сегодня самый последний урок. Летим за мной!

И стая вылетела из ущелья.

— А теперь посмотрите на себя. И забудьте то, что вам вдолбили в детстве. Вы — орлы. До сих пор вы просто этого не знали. Ну так я вам говорю. Видите вооон те дальние высокие горы? Вам — туда. До свидания.

— Учитель! А разве ты не с нами?

— Не-а. Мне до тех гор и не долететь. Я-то ведь не орел.

— Я же говорила, что он — воробей! — закричала одна из индюшек.

— Да нет, — засмеялся Птиц. — Всё не настолько плохо. Всё гораздо хуже. Вообще-то, я ворона.

— Учитель! — сказала другая индюшка. — Не говори ерунды. Ты сделал нас орлами. Ты и сам можешь стать орлом.

— Послушай ты, кретин! — ответила ворона. — Всё, что я вам дала — это научила вас быть самими собой. Научились? Приветик. А я — ворона, и намерена быть вороной. И если ты хоть заикнешься, что ворона чем-то хуже орла — я тебе лично хвост на голову натяну!

Взмахнула ворона крыльями, и полетела прочь, в темный лес.

* * *

В темном-темном лесу, возле гнилого болота, жили-были куры. Жили мирно, спокойно — пока однажды не прилетел в темный лес Журавль...

— ... ну вот, а на третью ночь девочка слышит опять «тук-тук, топ-топ»! Открывается

дверь и заходит Зеленая Рука. Вошла и говорит...

— А как она говорит? — удивилась Ядвига. — Разве Рука умеет разговаривать?

— Еще как умеет! — Влад пошевелил в воздухе пальцами. — Язык глухонемых, сечешь?

— А девочка что, тоже была глухонемая?

— Не перебивай. Ну, Серый, что там дальше было?

Я откашлялся и продолжил:

— Зашла Зеленая Рука и говорит: «Девочка, девочка, ты зачем не послушалась, занавеску повесила? Вот я тебя сейчас за это защекочу насмерть!»

— Ты всё перепутал, — снова встряла Ядвига, — Зеленая Рука всех душила, это Красная щекотала.

— Не мешай! — толкнул ее Влад. — Серому лучше знать. Ну, рассказывай дальше.

— Красная Рука носы отрывала, — тихо сказал из своего угла Костик, но на него зашикали.

А я продолжил:

— Девочка очень испугалась, побежала в комнату, а Зеленая Рука — за ней. Она в кухню, а Рука за ней. Она в ванную, а Рука тоже следом залезла, пальцы растопырила — вот-вот начнет щекотить...

Я замолчал, вспоминая историю. Ядвига сопела где-то сбоку, в самое ухо, и это сильно отвлекало. Крошка Ру вцепился в рукав моей пижамы и мелко дрожал.

— Ну, чем закончилось-то? — не выдержал Влад. — Она девочку убила или нет?

— Не убила, — вздохнул я. — Девочка в последний момент вспомнила про бабушкин крестик и стукнула им Зеленую Руку. А Зеленая Рука от этого сразу раздулась и лопнула. Вот... такая история.

Все замолчали; Ядвига задумчиво гладила испуганного Крошку Ру, который так и не выпускал мой локоть.

— А помните про Черного Человека? — тихо спросил Костик.

— Ага, — кивнул Влад. — Черный Человек — это круто. Кто кашу не ест — придет Черный Человек и заберет.

— Черного Человека нету, — заявила Ядвига.

— Конечно, нету. Ему один маленький мальчик подставил зеркало, и Черный Человек забрал сам себя.

— Опять, небось, бабушка посоветовала?

— А кто же еще! Конечно, бабушка.

— А куда Черный Человек себя забрал? — переспросил Костик. — Я что-то не понимаю...

— Куда-куда... — передразнил Влад. — Куда надо, туда и забрал. Оттуда уже не возвращаются.

— Даже Черный Человек не возвращается?

— Даже.

— Если Черный Человек кого забрал — это навсегда, — пояснила Ядвига. — Закон такой.

— А я вот слышал про другого маленького мальчика... — неуверенно начал Костик.

— Я тоже.

— И я.

— Ты про которого?

— Я про того, у которого папа купил Красный Холодильник.

— Нее, я про другого. Жил-был маленький мальчик, а у его мамы были зеленые зубы...

— Это не мальчик был, а девочка! — со знанием дела перебила Ядвига.

— Серый, а ты про маленького мальчика слышал?

— А как же! — откликнулся я. — Один пионерский лагерь стоял прямо возле старого кладбища. А в лагере был мальчик, ему говорили, не ходи ночью на кладбище, а он взял и

пошел...

— А на кладбище ему встретился упырь! — подхватил Влад и засмеялся.

— А ты тоже знаешь эту историю?

— Знаю, конечно. Я сам там был.

— В том лагере?! — удивилась Ядвига и тут же смутилась, поняв, какую чушь сморозила.

— Ты глупая, да? — поинтересовался Влад.

— Сам ты...

— Я про другого мальчика слышал, — вмешался Костик, улучив момент. — Он шел из школы, а к нему подходит старушка...

— Опять эти старухи! — поморщился Влад.

— ... да. Подходит и говорит: «Мальчик, а мальчик? Ты знаешь, что твоя соседка ведьма?»

Ядвига вздрогнула и испуганно втянула воздух.

— «Возьми, говорит, этот платок, — продолжал Костик, — а когда соседка захочет тебя съесть — накинь ей на голову, она сразу умрет».

— Мама... — прошептала Ядвига, кусая костяшки пальцев.

— Мальчик взял платок, пришел домой, а соседка заходит к нему и говорит: «Мальчик, мальчик, твои родители сегодня придут поздно, меня просили с тобой посидеть. Подойди, я дам тебе конфетку». Мальчик подошел, а соседка как схватит его за волосы, а глаза у нее красные, и зубы торчат. А мальчик выхватил платок...

— Маааааа! — закричала Ядвига и завывала в голос.

— Дурак ты, Костик! — хмуро бросил Влад, обнимая Ядвигу за плечи и пытаясь успокоить. — Разве можно при ней такое...

— Ты же знаешь, какая она впечатлительная, — добавил я.

— Мама... мамочка... — плакала Ядвига. — За что ее... мамочку мою...

— А ну, кто не спит?! — загрохотал в коридоре голос воспитательницы. — Марш по кроватям!

Крошка Ру соскочил с моего локтя и побежал к своей коробке, быстро перебирая зелеными пальчиками. Влад юркнул в свой гроб на колесиках, Костик подпрыгнул и повис на крюке, Ядвига последний раз тихо всхлипнула и забралась под шкаф. Я свернулся на подстилке и накрыл морду хвостом.

«В одном черном-черном лесу, — думал я про себя, — стоит черный-черный детский дом...»

* * *

Прометей. Стоит, прикованный к скале.

Летит орел, в когтях тащит завернутое в покрывало зеркало. Прометей мучительно стонет.

Орел устанавливает зеркало напротив Прометея, стучает по стеклу клювом; поверхность зеркала подергивается рябью и проявляется изображение. Прометей зажмуривается, но тут же открывает глаза, потому что не смотреть на дело рук своих не в силах.

Костры. Десятки костров, в несколько рядов, и на каждом — корчится заживо сжигаемая ведьма.

Горящие от брошенной спички леса.

Объятые пламенем автомобили.

Печи крематориев в концлагерях.

Раскаленные щипцы в руках палача.

Поля, затянутые пороховым дымом.

Костры из рукописей.

И многое, многое другое.

— Но есть же и светлые стороны! — в отчаянии возражает Прометей. — Огонь — это тепло, это свет, это горячая еда. Огонь это прогресс!

Орел не спеша заворачивает зеркало обратно в покрывало. Насмешливо каркает и улетает.

— Лучше бы ты мне печень выклевывал...

* * *

У короля с королевой родилась долгожданная дочь-принцесса.

Собирается народ. Всех рассаживают по местам; вдруг стражник с башни кричит: «Летят!!!»

Король бледнеет, королева падает в обморок. В зал влетают стайкой добрые феи. Устремляются к колыбели и начинают благословлять:

— Ты будешь самая-пресамая красивая!

— Ты будешь умная и рассудительная!

— Ты будешь милая и добрая!

и т. д.

Закончили благословлять; дверь распахивается и врывается злая колдунья.

— Что, уже?! Ууу, пропасть, опоздала!

Подходит к колыбели:

— Дуры! Идиотки! Что ж вы с ребенком-то сделали? Это ж теперь совсем другой ребенок! Вы ей всю жизнь переломали!

Король с королевой рыдают над колыбелью, в которой вместо их толстого вопливого-сопливого младенца лежит розовое, как пупс, голубоглазое дитя со светлыми локонами — умное, красивое, но совершенно постороннее.

— Принцесса должна была вырасти смазливой дурочкой, выйти замуж по любви, родить кучу наследников, жить долго, беззаботно и счастливо и умереть в глубокой старости, окруженная заботой и вниманием. А теперь что? Вся ее предстоящая жизнь будет чередой страданий по нереализованным возможностям и неутоленным потребностям. Ну ничего...

Ведьма на минуту задумалась, теребя бородавку на носу.

— Шестнадцать лет — достаточный возраст. Она будет уже вполне самостоятельной, но еще не сложившейся личностью. Так-так... Пусть принцесса уколёт палец и умрет, чтобы воскреснуть через сто лет. За сто лет изменятся моральные установки и каноны красоты, а прогресс сведет на нет всё, что она к тому времени усвоит, и ей придется переучиваться. Да... пожалуй, это выход.

Король с королевой подняли на ведьму глаза, в которых слабо засветилась надежда.

— Ваша дочь проживет с вами 16 лет. А потом уколёт палец веретеном... у вас в замке есть веретено?

— Нет. Но мы достанем!

— Хорошо. Принцесса уколёт палец веретеном и умрет. Через сто лет ее воскресит поцелуем прекрасный принц.

— А вот и не умрет! — встряла самая последняя добрая фея, еще не успевшая произнести благословение. — Принцесса всего лишь уснет глубоким сном без сновидений! Что, съела?!

Ведьма благодушно пожала плечами.

— Ну, пусть так. Это уже технические тонкости.

* * *

Родился у короля с королевой долгожданный ребенок, они рады по уши, и т. д. и т. п.

Стражник с башни кричит: «Летят!!!» Все приходят в страшное волнение, начинают бегать, суетиться, закрывать двери и окна, король петушиным голосом вопит «не пушчааать!»

— Да как же их не пущать, — отвечает стражник, — когда они...

В замочную скважину, в дымоход, в щели штор влетают роем добрые...

— ... феи. — Убитым голосом заканчивает стражник.

Король бежит с мухобойкой, пугает фей, кричит «кыш, кыш!»; феи не обращают на него ни малейшего внимания. Они как трудолюбивые пчелки твердо намерены выполнить свою работу. Опускаются к колыбели и начинают:

— Ты станешь самой красивой из принцесс!

— Ты станешь самой умной из принцесс!

— Ты станешь самой доброй из принцесс!

И так далее.

Пожужжали, покружились и вылетели в вентиляционный люк.

Король осторожно подходит к колыбельке, приподнимает край одеяльца.

— Ну?! — нервно спрашивает королева. — Что там?!

— Да как обычно! — мрачно отвечает король, отбрасывает одеяло в сторону и зовет слуг.

— Эй, кто там? Переоденьте ребенка из голубого в розовое.

— Что, опять?! — королева начинает истерически хихикать.

— Опять. Кретинки... Инсектоиды! Мальчика от девочки отличить не могут!

— Эта уже пятая! — сквозь смех стонет королева. — Что, опять начинать по новой?

— Ничего, мы пока молодые. А сказка только начинается. Успеем.

* * *

На пороге зачарованного замка сидят два добрых фея.

— Ну чего там с принцессой? Уснула или померла?

— Да нет, просто зависла. Слишком много заклинаний наложили.

— И что получилось?

— Да ничего хорошего. Где-то сидела ошибка 16-го года. Как только принцессе исполнилось 16, сразу — пфух!

Добрый фей сделал неопределенный жест рукой. Второй почесал нос.

— Ну и что теперь делать будем?

— Да как обычно. Отмотаем таймер на сто лет вперед — авось само заработает.

* * *

— Она рождена, чтобы сказку сделать былью! — заявила злая колдунья, отойдя от колыбели принцессы.

— Что?! — хором закричали все присутствующие.

— Что слышали, — огрызнулась колдунья. — Диагноз верный, я в таких вещах не ошибаюсь.

— Скажите, — робко подал голос какой-то дракон. — А драконы в этой... ну, в *были* — будут?

— Нет! — отрезала колдунья. — Никаких драконов.

— А...

— И гномов тоже. А также эльфов, гоблинов, единорогов и прочих.

Она поправила на голове шляпу и добавила в утешение:

— Злых колдуний тоже не будет. Так что нечего на меня так смотреть.

— А что будет? — спросил король.

— Будет *быль*, — ответила колдунья. — А больше ничего.

Король горько вздохнул и опустил голову. Вслед за ним приуныли и все подданные.

Из толпы выбралась маленькая несовершеннолетняя фея, про которую все забыли из-за её незначительности.

— Я, конечно, не могу полностью отменить проклятие, — застенчиво произнесла фея. — Сил у меня маловато, и даже волшебной палочки нет...

— Возьми мою, — тут же предложила колдунья.

— Спасибо, — кивнула фея, подошла к колыбели и долго колдовала над ней. Наконец отошла, и утирая со лба пот, устало сообщила:

— Принцесса умрет в шестнадцать лет, уколовшись веретеном. Должна умереть. Во всяком случае... я на это очень надеюсь.

— Ура... — тихо пробормотали все.

* * *

Как водится, один принц нашел в товарах у иноземного купца портрет девушки изумительной красоты. И начал её искать — потому что заочно влюбился без памяти.

Год искал, два искал, расспрашивал друзей, знакомых, друзей знакомых и их родственников, обращался к поисковым службам и частным лицам — и наконец нашел.

Пришел в указанное место, постучал в ворота замка, и оттуда вышел толстый плешистый мужик в кожаном переднике.

— Не здесь ли живет Прекрасная Принцесса?

— Ну, допустим, здесь. А что?

— Можно ее позвать?

— А зачем звать? Вот он я.

— Ты?!

— Ну да. Я и есть Принцесса.

— Издеваешься, что ли? Вот, у меня же её портрет!

— Нуу... мало ли, какой я юзерпик использую!

* * *

Принц сидел на стуле, болтая ногами, и грыз яблоко.

— Пап, а пап?

— М-м? — отозвался король.

— А почему мне нельзя играть на чердаке?

— Потому что, — наставительно произнес король, — там хранятся опасные вещи, до которых ты еще не дорос!

— Да ерунда все это, ничего там опасного нет! — Принц сплюнул в ладошку яблочную косточку. — Одна пыль и старые ящики.

— А откуда ты это знаешь? — выпрямился на стуле король.

— А я был сегодня там.

— Я же тебе запретил!

— Ну это когда было! Я тогда еще был маленький. А сейчас мне, наверное, уже можно...

— Нельзя! — отрезал король.

— Да ну, пап, чего ты? Я же тебе говорю, нет там ничего опасного. Одни ящики, а в них старые бумаги и картинки.

— Ка... кие картинки?! — у короля сорвался голос, а лицо страшно побледнело.

— Да был там сундук один, а в нем картина. Я думал, там что-то интересное, а это просто девчоночий портрет.

— Так скоро... — прошептал король. — Ох, сынок...

Принц оторвался от яблока и с удивлением посмотрел на отца.

— Пап, ты что? С тобой все в порядке?

— Сынок! — голос короля стал печальным и проникновенным. — Девять лет назад, когда ты только родился, старая колдунья предсказала, что однажды ты покинешь этот замок и уйдешь в далекое и опасное путешествие, чтобы найти самую прекрасную девушку на земле, портрет которой ты найдешь в сундуке на чердаке...

— Да ну, — хмыкнул принц, облизывая с пальцев яблочный сок, — скажешь тоже, самая прекрасная девушка! Это же Ленка из соседнего королевства.

— Кто?!

— Ну, Ленка рыжая! Да ты знаешь, она к нам летом приезжала.

— Принцесса Елена?!

— Ага.

— Та самая, с которой ты помолвлен?!

— Ну да. А знаешь, она хорошая. Не такая противная, как другие девчонки. Я, когда вырасту, обязательно на ней женюсь!

Король откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Больше всего ему сейчас хотелось найти старую колдунью и лично придушить её.

* * *

— Итак, сынок, — сказал король, — ты говоришь, что нашел на чердаке портрет сказочной красавицы и хочешь на ней жениться?

— Да, папа.

— А сейчас ты спрашиваешь меня, что тебе для этого надо сделать?

— Да, папа.

— Ничего.

— В смысле?

— Ничего не делай. Забудь и успокойся.

— Но, папа!..

— Я сказал, забудь! Ты умный мальчик... по крайней мере, ты пришел сперва за советом к своему отцу... Я вот не пришел в свое время, а ты...

— Папа! Я пришел к тебе не затем, чтобы ты меня успокаивал, а затем, чтобы ты мне сказал, откуда у нас взялся этот портрет.

— Сынок, — проникновенно сказал король. — Ты меня, наверное, плохо слушал. Забыть — это был очень дельный совет.

— Он мне не нужен.

Король закрыл глаза, сосчитал до десяти и снова посмотрел на принца.

— Сынок, как ты думаешь, сколько лет этому портрету?

— А?

— Вот именно. Я же говорил. Когда мне было примерно столько же лет, сколько тебе, я тоже залез на чердак и нашел этот портрет. Только, в отличие от тебя, не пошел ни с кем советоваться, а сразу удра! из дому и шесть лет... а, чего там! — он махнул рукой. — В общем, не надо тебе никуда ехать.

— То есть, ты добрался до неё в конце концов?

— Угу, — кивнул король. Принц нахмурился.

— Это... мама?!

— Сынок! — в голосе короля прорвалось раздражение. — Ты опять плохо слушал! Я же сказал, что *нашел* этот портрет! Откуда он, по-твоему, оказался у нас на чердаке?

— Бабушка?..

— Прабабушка.

— Ну... значит, хоть кому-то в нашем роду повезло.

— Да как сказать... — задумчиво протянул король. — Судя по тому, что я слышал от своего дедушки...

* * *

В зеркале появилось призрачное лицо. Открыло рот — да так и замерло. Пауза затянулась.

— Ну?

— Эээ... — протянуло Зеркало.

— Хорошее начало. Ну, я жду ответа!

Зеркало неловко поежилось в раме, старательно отводя взгляд.

— Кхм... Повторите, пожалуйста, вопрос.

— Я спросила, верно ли, что я самая красивая на свете. Ответ может быть «да» или «нет». Итак?

Зеркало пробубнило что-то невнятное.

— Что-что?

— Я никогда не видел дам, по красоте подобных Вам! — ответило Зеркало, отчаянно краснея.

— Слишком двусмысленно. Попробуй еще раз.

Зеркало вздохнуло.

— Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

— А ты постарайся.

— Ну, понимаете... Красота — это ведь понятие субъективное...

— Короче!

— Нет, я не спору, конечно, Вы женщина видная... кхм, статная... Одеты хорошо, со вкусом... Эээ... вот этот молоток в руке — Вы не могли бы его отложить, он меня смущает...

— Нет.

— Ммм... да. Но он не гармонирует с Вашим...

— Короче, да или нет?

— Что, простите?

— Я спрашиваю, красивая или нет?! И учти, я начинаю терять терпение!

Зеркало жалобно всхлипнуло.

— Т-ты п-прекра... п-п-ре-крас... с-п-пору... Нет! Не могу!

Зеркало разрыдалось.

— Я не могу этого сказать!

— Ах. Ты. Мерзкое. Стекло! — почти ласково произнесла Королева и ударила молотком.

Тысячи сверкающих игл брызнули в разные стороны, студёный северный ветер подхватил их и понес над землей. Кому-то осколок попадет в глаз, а кому-то и в сердце...

* * *

— Так. Яблоко готово, маскировка закончена. Еще раз уточню адрес — и пойду.

Королева подошла к зеркалу и постучала по нему ногтем:

— Ну-ка, зеркальце, скажи еще раз — где живет эта самая, которая всё ж меня милей?

Зеркало не отозвалось. Королева раздраженно нахмурилась.

— Ладно. Будем соблюдать ритуал. Зеркало, зеркало на стене, кто прекрасней всех в стране?

— Ты, — быстро ответило зеркало.

— С ума сошло? — опешила королева.

— Никак нет.

— Что, Белоснежка уже умерла? Без меня?

— Зачем умерла? Жива.

— Так ты же еще вчера говорило, что она прекраснее меня!

— Так то вчера. А сегодня ты прекраснее.

Королева недоверчиво уставилась на свое отражение. Спутанные седые лохмы, глубокие морщины, зубы старательно зачернены, на носу — безобразная бородавка...

— Зеркало... — пробормотала она. — Да у тебя просто-напросто извращенный вкус!

* * *

Я знаю, как сделать людей лучше. Любых людей. Да хоть и всех! Даже вас. И вот его тоже. И этих, да. Любых. Более того, я *могу* сделать людей лучше. Это совсем просто. Для меня, конечно.

Все мечты человеческие можно обеспечить одним махом. Бессмертие? Я дам людям бессмертие. Нет, еще лучше — я дам им вечную молодость. И здоровье, конечно, тоже. Впредь — никаких болезней, даже насморка! А на случай непредвиденных переломов, или если кто-то под трамвай попадет — пускай люди обладают способностью к быстрой регенерации. К моментальной просто. Чтобы даже из-под асфальтового катка вылезали бодрыми и здоровыми. Даже из-под танка. Кстати, об оружии... Сделаю людей неуязвимыми почти для любого оружия. Чтобы вообще никаких войн не было, вот так!

Что еще? Ну, конечно, я сделаю людей не только здоровыми, но и сильными. Самый хлипкий очкарик сможет вязать морские узлы из железной арматуры... то есть очкариков, конечно, тоже не будет — у всех станет безупречное зрение. Даже в полной темноте. И слух тоже.

О чем люди еще мечтают? О полетах? Они будут летать. Сами по себе, безо всяких приспособлений. Захотел — и полетел.

Секс? Никаких проблем! Я сделаю женщин обворожительными и ненасытными, а мужчин обходительными и неутомимыми в любви.

Конечно, выносливость людям тоже не помешает... Пускай они смогут обходиться без воды. Как угодно долго. Да и без воздуха, пожалуй. Почему бы и нет? И пусть легко переносят жару и холод. А еще получают полный иммунитет к ядам. И к радиации тоже.

И даже комары их пускай никогда не будут кусать! А что, многие об этом мечтают.

Кто-то боится темноты, тесных помещений, крови, боли? А может, пауков или летучих мышей? Все эти глупые страхи навсегда останутся в прошлом!

Красота..? Да все будут просто сверхъестественно красивы!

Ум? Конечно, куда он не денется. Более того, в людях откроются новые экстрасенсорные способности. Телепатия, например, или левитация... впрочем, про левитацию я уже говорил.

Да, конечно, все эти изменения должны будут иметь побочные эффекты, я не спорю. Но их совсем немного, и все — сущие пустяки! Метаболизм организма станет чуть-чуть иной, некоторые биоактивные вещества смогут его нарушить. В основном — фитонциды и эфирные выделения ряда растений. Так что часть приправ (таких, как мята, чеснок, гвоздика, полынь) из рациона придется исключить. Но это же мелочь, правда?

Загорать, кстати, тоже нежелательно. Это вообще вредно для организма.

Да, диету тоже надо будет соблюдать. Для поддержания активности такого сверхразвитого организма и пища потребуется самая энергоемкая. Ну ничего, животноводство у нас развито хорошо, не пропадем.

Сколько времени займет перестройка? О, это совсем недолго. Зависит от человека, конечно, но думаю, даже в крайнем случае — не дольше трех дней. Нет, это будет не больно. Ну, почти. Не страшнее, чем прививка. Чик — и всё!

Вы хотите знать, в чем тут подвох? Тут нет никакого подвоха.

Ну что, вы согласны перейти на новую качественную ступень? Стать сверхчеловеком?

Тогда подойдите ко мне.

И дайте мне укусить вас в сонную артерию.

* * *

— Осторожно! Не наступи на мои круги!

— Тыфу ты! — римский солдат споткнулся на бегу, потерял равновесие и едва не упал.

Оглянувшись, он увидел невозмутимого старика, чертящего что-то палочкой на песке. Раздосадованный солдат уже замахнулся мечом, но встретил спокойный взгляд старика и неожиданно устыдился. Нападать на безоружного мирного жителя, да еще, кажется, полоумного... Невелика доблесть!

— Фиг с тобой, живи! — легионер сплюнул в пыль и побежал дальше.

... через год Архимед нашел свою точку опоры и перевернул мир к чертовой матери.

* * *

Колдун со вздохом перерезал горло очередному черному петуху и побрызгал его кровью на все углы пентаграммы. После чего отбросил в угол кабинета, где скопилась уже внушительная кучка куриных тушек. Заклинание почему-то не срабатывало.

Колдун отхлебнул вина, чтобы смягчить пересохшее горло, и предпринял очередную попытку. На сей раз его труды были вознаграждены — в воздухе гроыхнуло, огоньки свечей вяло колыхнулись, и посреди пентаграммы возник демон. Не очень внушительный — маленький и какой-то взъерошенный. Колдун, как-раз намеревавшийся заклясть его Семью Страшными Именами, так и замер с открытым ртом. А демон, увидев перед собой колдуна, округлил глаза, икнул — и вдруг зашелся испуганным детским рёвом, дрожа и размазывая сопли кулачком.

— Ты кто такой?! — возопил колдун.

— Я-а-а..

— Я вызывал демона!

— Я деемон...

— Настоящие демоны не плачут!

Демон моментально прекратил реветь и, утерев нос, буркнул:

— Я настоящий.

— Ты ребенок.

— Я подросток!

Колдун нашарил за спиной табуретку и устало опустился на неё.

— Ну и что же теперь прикажешь с тобой делать?..

— Приказываю отпустить меня! — быстро ответил демон.

— Обойдешься.

У демона снова подозрительно задрожали губы.

— Я к маме хочу.

— Подождет твоя мама.

Демон тихонько захныкал, но колдун не стал обращать на это внимания. Он помолчал некоторое время, о чем-то раздумывая и барабаня пальцами по столу.

— Ладно... возможно, это не так уж и важно. Хм... Давай по порядку. Ты демон, так?

— Демон.

— А как тебя зовут?

— Не скажу! — демон показал колдуну язык. — Думаешь, я глупый, да?

— Ну ладно, не так уж это и важно. Буду звать тебя Андариэль.

— Это девчачье имя! — возмутился демон.

Колдун в ответ только пожал плечами. Демон насупился.

— Дэвилд. Можно просто Дэви.

— Очень приятно. А теперь скажи мне, Дэви, можешь ли ты заключить со мной стандартный договор?

— Это как? — подозрительно прищурился демон.

— Очень просто. В обмен на мою бессмертную душу ты обязуешься обеспечить мне удачу во всех моих начинаниях. Можешь?

— Нет, — вздохнул Дэви, — не могу. Мне вообще нельзя заключать никакие договора. Они будут недействительны, потому что я не юри-ди-чес-кое лицо. Я несовершеннолетний, вот!

— Плохо, — поджал губы колдун.

Демон опустил голову и всхлипнул.

— Отпустил бы ты меня меня, дяденька... Я же тебе ничего плохого не сделал! Ну чего тебе от меня надо?

— Отпущу, погоди. Дай подумать. Кстати, а что ты вообще умеешь?

— Читать и писать! — не без гордости заявил демон.

— Я не об этом! Я хочу знать, можешь ли ты творить хоть какие-нибудь чудеса?

— Мо... могу.

— А если просто так, без договора — ты смог бы подарить мне удачу?

— Я тебе что, добрая фея? Демоны ничего просто так не дарят! — возмущенно заявил Дэви.

— Я бы заплатил.

Дэви посмотрел на колдуна оценивающе.

— А чем заплатил бы?

— А мою душу ты не хочешь?

— Не-а.

— А чего хочешь?

Дэви набрал побольше воздуха и отважно выпалил:

— Десять тысяч пирожных!

— Что-о?!

— Ну пять... Ладно, три тысячи.

— Тысячу! — отрезал колдун.

— Договорились! — радостно завопил демон.

Накупить тысячу пирожных было не так-то просто. Когда колдун наконец вернулся в лабораторию, Дэви сидел за столом, забравшись на табуретку с ногами, и что-то сосредоточенно писал на куске пергамента, высунув от усердия язык. На звук шагов он тут же обернулся и зачарованно уставился на мешок в руках колдуна.

— Принес?

— Дэви... Ты переступил через линии пентаграммы!

— Ой! — испуганно оглянулся Дэви. — А что, нельзя было? Я больше не буду!

— Ладно, а что вышло с моей удачей?

— А что вышло с моими пирожками?

— Вот они, — колдун потряс мешком. — Где удача?

— Вот она! — Дэви потряс исписанным листком.

— Это что?

— Инструкция. Я тут подробно написал, что и как ты должен сделать, чтобы добиться успеха.

— Ну-ка, дай глянуть.

— Не-е, хитренький какой! Сначала пирожки! — Дэви проворно спрятал пергамент за спиной. Колдун пожал плечами и протянул демону мешок пирожных, а взамен получил листок, исчерканный корявыми детскими каракулями. Пока он перечитывал написанное, с трудом продираясь сквозь дебри орфографических ошибок, Дэви не терял даром времени, поглощая пирожные с умопомрачительной скоростью. Не прошло и пяти минут, как мешок, едва ли уступавший размером маленькому демону, почти опустел — зато сам демон даже не округлился.

— Как-то это всё... несерьёзно звучит, — промолвил наконец колдун, дочитав до конца. — Оно сработает?

— Должно сработать, — пробормотал Дэви с набитым ртом.
— Ну ладно, залазь в пентаграмму, верну тебя домой. Доедай пирожки.
— Я маме оставлю. И сестренке. — Дэви задумался, покосился на последние два пирожка, а потом сцапал один и отправил в рот. — Нет, только маме. Сестренка обойдется.
Всего с четвертой попытки колдуну удалось отослать демона обратно в ад.

Расстелив на столе чистый лист бумаги, колдун обмакнул перо в чернильницу и аккуратным убористым почерком начал переписывать начисто дэвилдову инструкцию:
«Это письмо щастя. Перепишити ево четырнадцать раз и разошлите раздным людям...»

* Дайте прочитать этот текст четырнадцати вашим знакомым — и будет вам счастье.

** Остерегайтесь пиратских копий Письма Щастя! Они могут содержать фатальные ошибки!

* * *

Что такое нехт?

Нехт — это астральное существо, паразитирующее на человеке.

Когда в сознании человека образуется пустота, туда может вселиться нехт. Потому что он, как природа, не терпит пустоты.

Учитывая, что практически любой человек склонен использовать свой мозг от силы на треть, нехт может присутствовать в каждом из нас.

Поселившись в сознании человека, нехт начинает влиять на его волю, заставлять совершать странные нелогичные поступки, искажает восприятие реальности, а в наиболее тяжелых случаях захватывает полный контроль над своим носителем.

Как определить зараженного?

Будучи существом астрального плана, нехт имеет иное мышление, не похожее на человеческое. У него иная шкала ценностей, иные критерии прекрасного и быстрый цепкий ум.

Человек, в чьем сознании поселился нехт, часто поражает знакомых неординарными решениями, острыми меткими высказываниями и умением видеть самую суть вещей. С другой стороны, такой человек подвержен душевным терзаниям, метаниям и размышлениям о смысле жизни.

Все это — первые тревожные симптомы заражения.

Как распространяется нехт?

Нехт слеп, но он может улавливать человеческие эмоции. Для размножения нехту необходим вакуум — поэтому он чутко прослушивает эфир в поисках крика отчаяния.

Когда человеку плохо, он в беде или тяжелом горе, в его душе образуется пустота, пригодная для заселения. Нехт тут же дает команду своему носителю — и тот бросается на крик, стремясь помочь ближнему. Ближний, разумеется, тут же переполняется благодарностью и дружественными чувствами — то есть, фигурально выражаясь, раскрывает душу перед посторонним. Нехт тут же проникает в образовавшуюся щель — и заражает спасенного новым нехтом.

Как избежать заражения?

Ни в коем случае не доверяйтесь никому. Не позволяйте даже близким друзьям лезть вам в душу! Не принимайте ничьей помощи!

Старайтесь заполнить место в душе любыми способами: читайте книжки, неважно какие, слушайте музыку, смотрите телевизор — какой бы мусор там ни показывали, им все равно можно заполнить пустоту, чтобы нехт не смог туда проникнуть.

Избегайте слишком умных или неординарных людей. Они почти наверняка заражены нехтом!

Если у вас возникло необъяснимое желание прийти кому-то на помощь — немедленно подавите его! Рано или поздно новорожденный нехт, захвативший вас, умрет от одиночества.

Как избавиться от нехта?

Если заражение зашло слишком далеко, лечение бессмысленно. Человек (а на самом деле — уже нехт в человеческом обличье) будет отчаянно сопротивляться всем попыткам вернуть его в здоровое общество. Иногда удастся вытеснить нехта из человека, создав ему невыносимые условия существования (помогают боль, душевная и физическая, унижения, ущемления в социальном плане и т. д.) — но после таких процедур человек остается навсегда пустой оболочкой с потухшим взглядом.

Единственный надежный способ избавиться от нехта — это сжечь его на костре вместе с носителем. Наблюдающие эту экзекуцию люди также приобретают на некоторое время иммунитет против заражения.

Есть ли у нехта другие имена, чтобы не поминать его всуе?

Да, конечно. Можете называть его совестью.

* * *

На мгновение слепящий свет солнца мигнул, пересеченный чьей-то тенью. Прикованный повернул обожженное лицо и посмотрел вверх сквозь прищуренные веки. Над ним, снижаясь по спирали, кружил орел.

— Опаньки! — пробормотал приговоренный.

Орел опустился рядом и уставился на прикованную жертву круглым недобрым глазом.

— Эй, кыш! Кыш, кому говорю! Тебе не сюда!

Орел встопорщил перья на шее и хрипло закричал. Потом хлопнул крыльями и бочком-бочком подобрался поближе.

— Эй, птичка! Я тебе говорю! Ты адресом не ошиблась?

Нет, Орел был совершенно уверен, что ему сюда. Он быстро дернул головой — и выщипнул у жертвы кусочек плоти.

— Ааа! — завопил прикованный. — Глупая птица! Когда ты наконец перестанешь изводить меня?! Мало мне Змея?

Орел, не обращая внимания на давно ставшие привычными вопли, деловито терзал печень Локи.

— *Neveerrrmorre!* — каркнул Ворон.

— Ну, это старо, этим никого уже не напугаешь. Ты придумай что-нибудь новенькое, действительно страшное.

— *Forrreverrrr!!!*

* * *

— Летит, — удовлетворенно хмыкнул наблюдатель. Солдаты, уже четыре часа изнывавшие от жары и безделья, оживились.

— Расчехлить щиты! — скомандовал Архимед. Матерчатые чехлы были тут же сдернуты с надраенных до зеркального блеска щитов.

— Готовсь! По нарушителю границы... цельсь! Огонь!

И сотня солнечных лучей, отраженных щитами, сошлась в высоте на маленькой крылатой фигурке Икара.

* * *

*Жили-были старик со старухой
У самого синего моря.
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года... (с)*

— Слушай, старая, чего я тебе расскажу!
— Нну?
— Представляешь, ловлю я сегодня рыбу...
— И много поймал? Где она?
— Да понимаешь... Забросил я невод, а он вышел с одною тиной...
— То есть нет рыбы?
— Нет, одна была. Только, представляешь, золотая!
— Золотая?
— Ну да. И говорит человеческим голосом...
— А ну дыхни!
— Да не пил я! Ты слушай. Человеческим, говорю, голосом: «Отпусти, мол, меня в море, старче...»
— И ты отпустил?
— Ну да...
— То есть нет сегодня рыбы?
— Ну... нет.
— И это всё, что ты мне хотел сказать?
— Ну... да.
— Ах ты сволочь. Ты хоть помнишь, какой день сегодня?
— Нет. А какой?
— Сегодня ровно тридцать лет и три года, как мы с тобой вместе живем! А ты мне даже цветочков не принес!
И старуха, широко размахнувшись, расколола корыто о голову старика.

* * *

— Плыви себе, рыбка, ничего мне от тебя не надо, — добродушно сказал старик.
— Так-таки и ничего? — не поверила рыбка.
— Да вроде... а хотя погоди! — старик суетливо зашарил по карманам. — Где-то у меня список был...

* * *

— Ну, наловил рыбы? — спросила старуха.
— Ага! — гордо заявил старик и протянул сегодняшний улов — дюжину уклек.
— А в магазине был?
— Был.
— Все купил?
— Всё.
— И постное масло?
— И масло, и капусту, и батон по шестнадцать. И тебе вот еще, новое корыто.
— А это зачем?
— Ну, наше-то совсем раскололось.
Старуха быстро произвела в уме расчет.
— А где деньги на корыто взял?
— А я это... десятку на улице нашел, представляешь?
Старуха произвела новый расчет.

— Тогда где сдача?

— А сдачу — пропил, — нагло заявил старик, не отводя взгляда.

— У-у, глаза бы на тебя не смотрели!

Старуха погрозила кулаком и ушла на кухню.

Старик только улыбнулся в ответ. Его приятно согревала мысль о лежащей в кармане нетронутой трешке, выданной утром на покупки.

* * *

Хотел написать сегодня длинный пост, но почти всё забыл:(

Помнится только, что речь там шла об «Одиссее» — не Хитроумном, а о произведении Гомера.

Вот спорят, Гомер ее написал или кто-то другой. А я хотел сообщить, что никакой Одиссеи *вообще никогда не было написано* ! И Гомера тоже не было. Всё это выдумка.

Из провинции отправился в метрополию какой-нибудь патриций, вернулся, весь из себя довольный. А жена к нему, конечно, с расспросами: где был, что делал? И куда деньги дел?

Ну не скажет же он ей, что на ипподроме проиграл! Или на гетер потратил.

Где был, где был... в театре! Что показывали? Ну этого, как его... Гомес или Гамет... не помню. О чем пьеса? Да ничего особенного, переложение легенды об Одиссее. Нет, ну как я могу напеть, что ты! У меня и слуха нету. Если хочешь, сходи к Таисии, она театралка, великого Гомеса должна знать.

Таисия, естественно, ни о каком Гомесе в жизни не слыхала, но признаваться в этом ей совсем не хочется. Поэтому, когда на вечеринке ее попросили пересказать новую модную пьесу великого драматурга, она отделалась общими фразами и сдержанной похвалой.

Через некоторое время уже куча народа обсуждала достоинства Одиссеи, сыпая цитатами и ссылаясь на авторитеты. Никто, разумеется, лично ее не видел, но наслышаны все. И с нетерпением ждут, когда модная вещь доберется до их провинции.

Ходят слухи, что вскоре в город должен приехать с этой постановкой разъездной столичный театр. А пока в народе ходят вольные переложения канонического текста, не всегда пристойные.

Театр приезжает. До театралов доходили какие-то слухи о какой-то пьесе какого-то Гомера. В репертуаре у них такого нет, но спрос рождает предложение, а этим провинциальным остолопам можно продать любую чушь, проглотят не поморщившись. За две ночи силами коллектива составляется сырой вариант пьесы, по-быстрому обкатывается и дается одно-единственное представление. После которого театр быстро сваливает из города, пока надувательство не раскрылось.

Пьеса прошла на ура по всем провинциям. Ее цитируют повсюду. Ее ставят в столице.

Автора? Автора на сцену никак нельзя. Почему?.. Ну, понимаете, он не может прийти. Он... да, представляете, он слепой. Именно так. И вообще уже умер.

Семь городов спорят за право называться родиной Гомера. Еще в четырех находится его могила.

Откуда-то всплывает текст Иллиады. Поговаривают, что Гомер написал еще какие-то вещи, но они, увы, утеряны.

И т. д.

* * *

Красная Шапочка привычно дернула за веревочку, вошла в избушку и застыла при виде открывшейся ей картины.

Несколько секунд длилось неловкое молчание.

— Внученька, внученька, почему у тебя такие большие глаза? — наконец невинно спросила бабушка.

Красная Шапочка поспешно зажмурилась.

— И рот закрой! — проворчал волк.

Красная Шапочка захлопнула отвалившуюся челюсть.

— Бабушка... — нейтральным голосом произнесла она, — я слышала, Вы приболели. Вам уже лучше?

— Да, внученька, спасибо.

— Я Вам принесла пирожков и горшочек масла.

— Умница, поставь на стол. И подожди на крылечке, я скоро освобожусь.

Красная Шапочка вышла на крыльцо, села и уставилась на облака.

— О времена, о нравы! — вполголоса пробормотала она. — Пойти, что ли, в лес, цветочков собирать?

В лесу раздавался топор дровосека...

* * *

— Раз-два-три, раз-два-три... Я Колобок, я Колобок, как меня слышно?

— Отлично! — облизнулась Лиса.

— Вот и хорошо. Тогда слушай. Я Колобок, по амбару метен, по сусекам скребен, я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, от Зайца ушел, от Волка ушел, от Медведя ушел...

— Погоди-погоди! — нахмурилась Лиса и ссадила Колобка со своего носа на землю. — Как это — от Медведя ушел? Врешь поди?

— Нет, не вру. Раз говорю «ушел» — значит, ушел! Хочешь узнать, как?

— Хочу.

— Ну слушай. Победить его в единоборстве мне бы явно не удалось. Убежать от него я тоже не мог; медведь на короткой дистанции обгоняет лошадь. Зато он неповоротлив, у него большая инерция. Поэтому ставка была сделана на ловкость. Пришлось, конечно, побегать зигзагами, пока Медведь не выдохся, но зато потом уйти уже не составило проблем!

— Ну хорошо, а от Волка ты как ушел?

— От Волка? Ну смотри сама.

Колобок откатился в сторону, удобно уселся (а может, встал на голову — кто его разберет!) и стал чертить прутиком на песке:

— Вот волчий лог, знаешь это место? Это ручей, тут поваленная сосна, тут колючий кустарник, а это — заросли крапивы. Вот эта шишка будет волк, а желудь пусть изображает меня. Понимаешь?

— Нет пока, — призналась Лиса.

Колобок передвинул шишку вправо, желудь влево, и произвел еще несколько манипуляций.

— Теперь понимаешь?

— То есть, ты сюда, Волк туда, а ты тогда... Ага, поняла!

— Умница! — похвалил Колобок. — Ты, может, и глухая, но не глупая.

— Ну, Заяц — это пустяки, а как ты ушел от дедушки с бабушкой?

— Заяц, как-раз, не пустяки, — строго произнес Колобок. — Да будет тебе известно, у него есть коронный удар задней лапой. Может брюхо разодрать за милую душу! Поэтому никогда не пытайся ухватить зайца за живот, только за загривок!

— Правда? Я не знала... Спасибо.
— Не за что.
— А все-таки, как ты ушел от бабушки? У него же ружье!
— Да, это было самое сложное из моих дел, — признал Колобок. — Боюсь, я не смогу тебе ничего сейчас объяснить. Не на первом занятии. Чтобы понять, как уйти от бабушки, тебе предстоит еще учиться и учиться.
— А как бы ты... как бы Вы ушли от меня?
— Да я от тебя уже ушел! — рассмеялся Колобок. — Неужели еще не поняла?
Лиса растерянно моргнула.
— О-о... Да. Поняла. Спасибо, Учитель.
И, сложив лапы на груди, она низко поклонилась Колобку.

* * *

Ночью, когда над крышами города поднимается зловещая бледная Луна, он выходит из дома совершать свое темное дело. Крадучись, незримой тенью, он пробирается по улицам, вдоль стен, за кустами, стараясь никому не попадаться на глаза. Он заглядывает в каждую подворотню, в каждый сырой угол — туда, где может безбоязненно утолить вечно мучающую его жажду. В его руке — разводной ключ. Найдя жертву, он бросается на нее и одним привычным движением отворачивает головку — а затем припадает губами к бьющей струе и жадно, взахлеб, пьет горячую, пахнущую железом воду, пока его живот не раздувается как у насосавшегося комара. Оставив наконец истекающую последними каплями трубу, он бредет домой, удовлетворенно побулькивая.

— Мойша! — встречает его в дверях жена. — В кране опять нет воды!
— Я знаю... — отвечает он и загадочно усмехается.

* * *

Жил да был некий Дурак. Может, Иван, может, Жан, или Христофор — имени до нас история не донесла. Потому что это именно история, а никакая не сказка. Всё, что нам известно сегодня про Дурака — что был он именно Дурак и никак иначе!

Дурак был из простых, не высокородных. Крестьянствовал понемногу — не то репу выращивал, не то овцами торговал, несущественно.

Вот сидел он однажды на пенёчке у дороги, смотрит — старуха идет. И прямо к нему. «Дай мне, говорит, добрый молодец, водички попить, совсем в горле пересохло».

Был бы Дурак умным, плюнул бы через левое плечо и удрал бы, куда глаза глядят. Но поскольку умным он не был, то как ни в чем не бывало протянул старухе свою фляжку, да еще и местечко на пенёчке уступил, передохнуть.

— Ну, спасибо, — сказала тогда старуха. — Вот ты и совершил доброе дело, теперь загадывай три желания, а я их исполню.

— Почему?! — испугался Дурак. — За что, бабушка?

— А за то, что водички мне дал попить. Теперь не отвертись! Я ведь Не-Просто-Так-Старушка!

— Ой, мамочки! — запричитал Дурак. — Ой, горе-то какое! Да откуда же мне было знать, что нельзя подавать старушкам воды?

— Раньше думать надо было! — одернула его Не-Просто-Так-Старушка. — Хочешь, не хочешь, а три желания твои я теперь выполню.

Горько заплакал тогда Дурак.

— Не хочу три желания! Мне ведь тогда волей-неволей придется в герои податься. Не бывает так, чтобы чудеса, и без подвигов. А какой из меня герой? У меня же дом, хозяйство, быт налажен. А тут срывайся с места, иди блуждай по белу свету, пока сказка не получится. А сказки тоже не всегда со счастливым концом бывают!

— Зато твое имя навсегда останется в памяти народной! — ехидно заметила Не-Просто-Так-Старушка. — Так что давай, начинай.

— Не хочу, чтобы мое имя оставалось в памяти! — насупился Дурак. — Хочу жить, как все люди. И чтоб никаких чудес!

Не-Просто-Так-Старушка присвистнула и задумалась.

— Ну ты и загадал... Чтобы никаких чудес, говоришь..? И как все люди? Не знаю даже, хватит ли моих сил... Расслоение реальности... мдя.

Но сил у Не-Просто-Так-Старушки, конечно, хватило. У них, у Не-Просто-Так-Старушек, на такие гадости всегда силы находятся.

Три желания Дурака исполнились в наилучшем виде.

Никаких чудес с ним больше не происходило. Жить Дурак стал, как все люди — а потому и у остальных людей чудеса закончились.

А имени его история не сохранила.

* * *

Король милостиво кивнул летописцу:

— А, пришел? Заходи.

— Спасибо, Ваше Величество.

— Можно опустить титулы. Значит, ты — историк?

— Да, Ваше Величество.

— Историю пишешь?

— В некотором роде...

— Вот садись и пиши. А я буду диктовать.

— Но, Ваше...

— Садись-садись, не спорь. А то ведь другого историка приглашу.

Летописец послушно рухнул на стул. Король заложил руки за спину и стал ходить по кабинету туда-сюда, задумчиво глядя в потолок и шевеля губами.

— Значит, так. Пиши с красной строки: «Славное правление короля Георга Тридесятого Железнорукого (даты рождения и смерти пока пропусти) началось в тысяча четыреста лохматом году и ознаменовалось...»

— Но, Ваше величество! — воскликнул летописец. — В тысяча четыреста лохматом году правил Ваш старший брат! А Вам было всего четыре года. И Вас зовут не Железнорукий, а...

— А?.. — приглашающе оскалился Георг Тридесятый.

— ... а Длинноносый... — тихо договорил Летописец.

Король согласно кивнул.

— Правильно. Если бы меня звали как положено, я бы в твоих услугах не нуждался. А так приходится исправлять чужие ошибки. Так что ты пиши, пиши.

— Но в тысяча четыреста лохматом году...

— Правил я! И оставим эту тему.

— Но так же нельзя! Ведь вам было всего...

— Двадцать четыре года. Напиши, что я родился на двадцать лет раньше. А мой брат к тому времени уже умер. Его... скажем, отравили.

— Но ведь на самом деле его отравили на шестнадцать лет позднее!

— А кто знает, как оно было на самом деле? — доверительно склонился к летописцу король. — А кто будет об этом знать через двести лет? Никто. Кроме таких же собак-историков, как ты. А они будут знать только то, что ты сейчас напишешь.

— Но ведь есть же и другие источники...

— Неважно. Есть другие, а будет и этот. Пусть там, в будущем, историки спорят, когда я родился. Мнения могут и разделиться, я не возражаю. Я за свободу мысли.

— Хорошо... — летописец вжал голову в плечи и быстро заскрипел пером по

пергаменту.

— На чем мы остановились? А, «ознаменовалось»! Хм... как лучше написать: «завоеванием Тридевятых земель» или «покорением Тридевятых земель»?

— Тридевятых?.. Но они ведь принадлежат Некоторому царству-государству!

— Ну и что с того? Надо думать о будущем. Через двести лет мой пра-пра-правнук сможет на основании этого документа претендовать на Некоторую корону. Ты пиши, не отвлекайся.

— Что писать? «Завоевание» или «покорение»?

— Пиши «присоединение». Так лучше всего.

Летописец кивнул и вписал новую строку в историю.

— Напиши теперь, что в мое правление снизилась смертность, были самые низкие налоги, преступности не стало вовсе, зато было заложено три новых города и проложено триста миль новых дорог.

Летописец прикусил язык и молча написал требуемое, никак не комментируя.

— Я всегда прислушивался к мнению народа. Да, именно так. Ведь прислушивался?

— Да, Ваше Величество...

— Пиши. И про народную любовь ко мне пиши тоже. Всю правду, понял? Историческую правду, а не эту...

— Я понял, — кивнул летописец.

Король снова прошелся по кабинету.

— Мало... неинтересно это всё. Таких королей были уже сотни, достаточно почитать хроники. А я хочу, чтобы меня и через века помнили. Подробности нужны — такие, чтобы в память врезались.

— Написать, что вы своей рукой убили три тысячи неверных? — осторожно предложил Летописец.

Король подумал и отрицательно мотнул головой.

— Нет. Не поверят. Надо что-то такое... необычное. Экстравагантное.

— Вроде купания голышом в проруби?

— Вроде того... Кстати, это тоже напиши: что король Георг Тридесятый, мол, имел обыкновение купаться в проруби зимой. Знай наших! А, вот, придумал. Когда казне понадобились деньги, я ввел налог на длинные фамилии. Отсюда, мол, пошло выражение «длинный — рубль!» Запоминающийся факт?

— Да, — согласился летописец.

— Хорошо. Дай-ка сюда перо!

Король быстро записал в календаре «ввести новый налог на фамилии» и вернул перо летописцу.

— Теперь упомяни вскользь, что у меня было десять жен, а не две. И что мою мать звали не Селена, а Сирена. Это внесет некоторую сумятицу в умы историков и заставит относиться к документу с уважением. Чем черт не шутит, может, и правда докажут, что у меня было десять жен...

— А детей?

— Хм... сын у меня один. Напиши, что есть еще два внебрачных. Тем более что они действительно есть. Я не хочу направлять историю по линейному пути.

— Но ведь может получиться смута!

— Смута и так будет, без них не обходится. Зато там будет звучать мое имя.

— О-о... тогда конечно, — перо снова закрипело по пергаменту.

— Ну что, все готово? Прочти, что получилось.

Летописец зачитал текст документа; король внес несколько мелких поправок.

— Ну вот и хорошо. Сверни этот пергамент в трубочку и спрячь хорошенько где-нибудь в архивах. Но так, чтобы его непременно нашли через пару сотен лет.

— Будет сделано.

— И пригласи ко мне следующего. Портретист уже два часа ждет аудиенции.

* * *

Галатея взгляделась в зеркало и страдальчески застонала.
— Что случилось? — встревожился Пигмалион.
— У меня целлюлит! — убитым голосом сообщила Галатея.
— Чушь. У тебя не может быть целлюлита.
— Ах, чушь?! — Галатея резко обернулась к Пигмалиону и уперла руки в бока. — Значит, я, по-твоему, говорю чушь?!
— Нет. Целлюлит — это чушь. У тебя его нет.
— А я говорю, есть! Вот, смотри!
— Зачем мне смотреть, если я и так знаю, что его там нет?
— Значит, тебе уже и смотреть на меня противно? — голос Галатеи задрожал не то от подавленных рыданий, не то от гнева.
— Наоборот, — сдержанно возразил Пигмалион. — На тебя очень приятно смотреть. Ты дивно хороша.
— Нет, я уродлива! — топнула ногой Галатея.
— Ты просто самокритична. А на самом деле... Ну ты же знаешь, что я изваял тебя настолько прекрасной, что сам влюбился.
— Это потому что у тебя дурной вкус, — отрезала Галатея. — Не заговаривай мне зубы.
— Но, милая...
— Ты просто пытаешься оправдаться. У меня целлюлит, и это твоя, твоя работа!
— Милая, поверь мне...
— Не поверю! Я верю только своим глазам! Вот, вот, смотри, складочка. А вот еще одна! Ой, и еще! И это все из-за тебя, изверг!
Галатея зарыдала.
— Милая, — попытался успокоить ее Пигмалион. — Я уверяю тебя, ты безупречна! Мне ли это не знать?
— Тебе, тебе! Да! О боги, ну почему меня изваял не великий Фидий, а какое-то безвестное ничтожество?
— Ну, знаешь ли... — начал Пигмалион, но Галатея жестом велела ему замолчать.
— Не оправдывайся, бракодел! Вот, сюда посмотри.
— Ну?
— Что ну? Что это, по-твоему?
— Нога. Эээ... лодыжка.
— Это лодыжка!? Это ножка от кровати, вот что это такое! Это коровье копыто! Толстое и кривое.
— Не наговаривай на себя. У тебя изумительные ножки...
— А грудь? Где ты видел такую грудь?
— В мечтах.
— А талия? Где у меня талия?
— Вот тут...
— Убери руки! Ай! Я кому говорю, убери... Пусти, не смей!
На целую благословенную минуту голос Галатеи замолк — Пигмалион заткнул ей рот поцелуем.
— Ну извини, дорогая, — произнес он покаянно, не разжимая объятий. — Я был неправ.
— В чем?
— Во всем.
Галатея задумалась.
— Любишь меня?

— Люблю.
— Я самая прекрасная?
— Лучше всех!
— Единственная и неповторимая?
— Да.

Галатея вздохнула и положила голову на грудь Пигмалиону.

— Тогда разбей эту мраморную дуру Хлою, которую ты ваяешь в мастерской.
— Но, милая! Это же моя работа! Я же скульптор!
— А я не желаю видеть в твоей мастерской никаких голых статуй! Ты мой и только мой!

— Ну конечно, но...
— Ты на нее *так* смотрел! На меня ты никогда *так* не смотришь.
— Но разве можно сравнивать...
— Значит, ты разобьешь ее? Обещаешь?
«А и правда, ну почему ее не изваял великий Фидий?..». — устало подумал Пигмалион.

* * *

Жена мне однажды сказала: «Если ты такой умный, вот возьми и напиши сказку своим детям. А я к ней нарисую картинки».

Сказку я придумал, но записать поленился, а жена поленилась нарисовать, и так оно и пропало.

Зато с тех пор остановиться не могу.

А та, первая сказка, была примерно такая:

Жил-был на свете волшебник Шимахуз, который все делал только наполовину. Такой уж он был ленивый.

Начнет делать скатерть-самобранку — до второй перемены блюд дойдет, а про компот и закуски позабудет.

Станет превращать лягушку в принцессу — до половины превратит, а дальше так оставит.

И во всем так.

Поэтому люди к нему обращались очень редко, только в самом крайнем случае, да и то потом раскаивались.

А однажды пришел к волшебнику великан и закричал громким голосом:

— Не здесь ли живет волшебник Шимахуз? Шимахуз, волшебник, здесь живет?

Вышел к великану волшебник в одном тапочке и наполовину застегнутом халате.

— Ну, я волше... а что тако...?

— Я — великан Ждыдва. Ждыдва я, великан. Знаменит тем, что все делаю дважды. Два раза все делаю, и этим знаменит. Мне нужны, понимаешь, семимильные сапоги. Семимильные сапоги мне нужны, понимаешь?

— Понима...

— Они теперь в моду вошли, а у меня до сих пор километровые галоши. Километровые галоши у меня, а уже в моде семимильные сапоги. Вот ты мне их и сделай. Сделай мне их.

— Так ведь... только наполови...

— Ну да, я знаю. Знаю я. Ты сделаешь сапоги наполовину, а я зато шагну дважды. Я дважды шагну в сапогах, которые ты сделаешь наполовину. Как раз один раз и получится, семь миль. Семь миль за один раз получится.

Так и порешили. Волшебник Шимахуз стал делать сапоги-скороходы, и сделал их, конечно, только наполовину. Надел сапоги великан, шагнул — и пропал из глаз.

А под вечер вернулся ползком, весь в грязи, в синяках и без сил.

— Ты что мне подсунул? — зарычал он на волшебника, едва переводя дух и даже

забывая повторяться. — У тебя же не два полу-семимильных сапога получилось! У тебя же получился один семимильный сапог, и один простой! Это же мне пришлось вдогонку за своей правой ногой семь миль на одной ножке скакать! Да еще по камням, болотам и оврагам! Вот только дай мне отдышаться, я тебя в лепешку расшибу! Дважды!

Тут волшебник Шимахуз так испугался, что безо всяких сапог-сорокоходов убежал за тридевять земель. И с тех пор, говорят, стал все дела делать не наполовину, а на целых семьдесят пять процентов.

А великан Ждыдва потом еще два месяца ходил еле-еле. Он так сбил себе ноги, что мог носить только мягкие стометровые тапочки. И говорить из-за одышки тоже стал медленно, вдумчиво, взвешивая каждое слово. За это другие великаны стали его считать солидным и здравомыслящим, и очень уважали.

* * *

— ... потому что я ненавижу детей! — сказал бургомистр.

— Хм? — сдержанно удивился его собеседник.

— Да, ненавижу. С детства. С тех самых пор, как соседский мальчишка отобрал у меня кулек с ледцами, а вокруг стояли другие дети, и смеялись. Даже девочки.

— Но у Вас же самого двое детей?

— Их я ненавижу даже больше остальных. Мерзкие визгливые создания, от них только грязь, шум и головная боль.

— Ну хорошо, — собеседник размял пальцы и придвинул к себе лист договора. — Значит, за триста золотых монет я должен... Кстати, а почему вы не хотите, чтобы я просто уничтожил этих детей? Это было бы гораздо быстрее, надежнее и, смею заметить, вдвое дешевле.

— Ну... — бургомистр замялся. — Они же все-таки живые. Как-то это нехорошо. Я, знаете, даже котят никогда не мог топить — всегда относил на болото и там выпускал.

— Ясно, — длинный палец пробежал по строчкам договора и уперся в следующий абзац. — Сколько, говорите, всего детей?

— Около четырехсот, — ответил бургомистр. — Вы же понимаете, точной цифры я назвать не могу. Одни еще слишком малы, и не могут ходить, другие — скорее подростки, а не дети...

— Соображу на месте. Ну что ж. Значит, послезавтра с утра и приступим.

— А почему не завтра?

— Потому что метод новый, непроверенный, — отозвался Флейтист. — Сначала я хотел бы его испытать на крысах.

* * *

Я стояла на своем обычном месте и наблюдала, как мэр ругается с Крысоловом.

— А я тебе говорю, что ты не получишь ни гроша! — мэр веско отбивал каждое слово взмахом руки, он так умеет.

— Но я же вывел из города всех крыс? — возмущался Крысолов.

— Ты едва не утопил нашего казначея! — рявкнул мэр. — Бедняга нахлебался воды и подхватил тяжелую простуду и скажи еще, что это не ты заманил его в реку своим черным колдовством!

— Я в точности выполнил уговор! — не сдавался Крысолов. — И не моя вина, что главной крысой, грабящей гаммельнские склады, оказался ваш собственный казначей.

— Тебя по закону надлежит сжечь на костре, — заявил мэр. — Во сколько ты оцениваешь собственную жизнь? Всяко дороже трехсот гульденов, верно?

— Верно, — сглотнул Крысолов.

— Ну так иди отсюда и радуйся, что мы еще не требуем с тебя доплаты.

Мэр развернулся и пошел прочь, сочтя разговор оконченным.

Крысолов тоже так считал — во всяком случае, догонять мэра он не стал, а только погрозил ему вслед кулаком. Потом огляделся и увидел меня.

— Здравствуй, девочка.

— Добрый день, господин Крысолов, — я решила не обижаться на «девочку».

— А скажи, девочка, много ли в вашем городе детей?

Детей в нашем городе было много, и я так ему и сказала. Он кивнул своим мыслям, достал из кармана свирель и некоторое время смотрел на нее, шевеля в воздухе пальцами — придумывал новый мотив. Я уже видела такое, у нас сосед по вечерам играет на дудке, и тоже смотрит на нее таким взглядом, когда размышляет, куда и как поставить пальцы и стоит ли это вообще делать.

— А скажи, девочка...

— Не называйте меня девочкой.

— Да? Ну, извини. А как тебя тогда называть?

Я сказала ему свое имя, он усмехнулся.

— Надо же, какое совпадение. А меня зовут Гензель.

— Смешно, — согласилась я.

— А скажи, Гретхен, тебе тоже жалко казначея?

— Нет, — ответила я сразу, — он же не утонул.

— А если бы утонул?

Я задумалась.

— Мне было бы жалко, что он утонул, — наконец решила я. — А его самого — нет. Хотя он хорошо платил. И почти не щипался.

— Я помешал твоему бизнесу?

— Ничего.

Крысолов помолчал, повертел свирель в руках и сказал вроде даже не мне, а куда-то в сторону:

— Завтра я буду играть новую песню. И уведу из города всех детей. Клянусь всем святым, что ни одной чистой невинной души в Гаммельне не останется!

— Аминь, — хмыкнула я.

— А ты пойдешь со мной, когда я заиграю?

— А сколько дадите?

Это вышло грубо, и Крысолов обиделся, но, кажется, понял. Ну куда я пойду, в самом деле? Ведь не просто так тут стою, не от хорошей жизни. Мне семью кормить надо. Не матери же вместо меня выходить, от нее и так на улице уже шарахаются.

Утром Крысолов заиграл. Не знаю, как у него это получилось, но мелодию услышали все, даже на другом конце города. И кто сказал, что Крысолов умеет красиво играть? Может, и умеет — но мне не понравилось. Жуткая это была песенка; свирель взвизгивала и скрипела, как мучимый грешник. Звуки лепились один на другой, звуки шарили по всему телу, проникали под кожу, толкались в животе, поднимали волосы на затылке. Прохожие морщились и кляли Крысолова последними словами. Во многих домах заплакали дети; и мне тоже почему-то хотелось плакать.

Потом мимо меня прошла сумасшедшая старая Роза — вот ей, кажется, песенка нравилась. Лицо у нее, во всяком случае, было совершенно счастливое. Я подождала еще, но больше никого не было. И тогда я пошла в ту же сторону, куда удалилась старуха.

Крысолов сидел на берегу и играл на свирели. Роза расположилась рядом и с обожанием смотрела на него своими бельмами.

— А, это ты, Гретхен, — Крысолов заметил меня и отложил свирель. — Что же ты мне сказала, будто в городе полным-полно детей?

— Детей много, — согласилась я, — а вот чистых невинных душ... Вы ведь их собирались вывести?

— Собирался. Одна вот есть, — Крысолов кивнул на старую Розу.

— Сумасшедшая?
— Почему же сразу сумасшедшая? Просто она впала в детство, со всяким может случиться. Ну, почти со всяким, — тут же поправился он.
— Я тоже пришла.
Крысолов задумчиво пожевал губами.
— Я ни на секунду не заблуждаюсь, будто тебя привела магия моей песенки. Тогда почему же?
— Может, я тоже сумасшедшая, — сказала я и пожала плечами. — Научите меня играть на свирели.

* * *

— Иди ко мне, — промурлыкала Гера.
— Давай в другой раз? — скривился Зевс. — Сегодня у меня болит голова.
— Вот как? — Гера прищурила глаза. — Ну и с кем же ты мне сегодня изменял?
— Да что ты, что ты! — испуганно замахал руками Зевс. — Да я же... да ни в жисть!
— Не лги мне! — голос Геры стал холоден, как горный лед. — Я сама вчера слышала, как одна критянка говорила другой, что ее муж в постели — просто бог!
— Ну она же о муже говорила, не обо мне...
— Но откуда этой критянке знать, каковы в постели боги? А?
Зевс потупился.
— Честное слово, душенька! Ну у меня же правда болит голова.
Гера подошла к мужу и деловито обнюхала.
— Ну конечно, отчего бы ей не болеть! Опять какую-то бурду пил с Дионисом.
— И вовсе не бурду! — обиделся Зевс. — Прекрасный перебродивший нектар.
— Ты бы лучше о своей жене подумал!
— Я думал...
— Нет, не думал!
— А я говорю, думал!
— А я говорю, нет!
— Дорогая, не кричи, у меня и так голова раскалывается...
— И правильно! И пусть раскалывается!
Зевс сел на пол и обхватил руками гудящую голову.
— Я прошу тебя... помолчи минутку! Не сбивай... У меня, кажется, сейчас родится какая-то мысль...

— Ах, мысль?!
Гера решительно выхватила из-за спины скалку и обрушила ее на темечко мужа.
Голова Зевса раскололась, как гнилое яблоко, и оттуда вылетела, трепеща крылышками, маленькая Афина. Зевс, испуганно вскрикнув, попытался захватить ее обратно, но было уже поздно.
— Значит, ты обо мне думал, да? — задыхаясь от гнева, прошипела Гера. — Голые крылатые девки — вот что у тебя в голове!
Афина увернулась от руки Зевса и вылетела в окно. За ее спиной загрохотали молнии и чугуном зазвенели сковородки.
Будучи богиней сражений, а что еще важнее, богиней мудрости, Афина нисколько не сомневалась в результате этой битвы.

* * *

— Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне...
— Оставь в покое мою избушку! — заорала Баба-Яга и высунула голову из окошка. — Не смей! Тоже, взяли моду... Все шастают, все избушку туда-сюда вертят. Вот сейчас как

выскочу, как выпрыгну... Эй?... Да где ты?

— Здесь я.

Баба-Яга близоруко прищурилась. Далеко внизу, у крылечка, сидел в траве пучеглазый лягушонок.

— Ты, что ли?

— Я. Помощь мне нужна, бабушка. Невесту мою украли.

— Помощь ему... А ты знаешь, что я только по царевнам специализируюсь?

— Так она и есть царевна!

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересовалась Баба-Яга. — Давай подробности.

— Да какие там подробности... Была у меня невеста, Василиса. Любили мы друг друга. А потом налетел Иван-Царевич, схватил мою суженую и умчался — она и квакнуть не успела. Теперь не знаю, где ее искать. Подскажи, бабушка?

Старуха хмыкнула и прикрыла рот рукой.

— А ведомо ли тебе, что та Василиса — заколдованная девица?

— А мне все равно, — ответил лягушонок, — хоть девица, хоть волчица, хоть устрица. Да будь она даже цаплей — мне никакой другой не надо. Люба она мне...

— А ты ей?

— Говорит, тоже люб.

— А ты и поверил?

— Конечно, поверил. Я ей во всем доверяю.

— Тяжелый случай, — покачала головой Баба-Яга.

— Еще какой тяжелый, — вздохнул лягушонок. — Так поможешь?

— Ну, помочь — дело нехитрое. Дорогу я тебе укажу. Придешь ты ко дворцу Ивана-Царевича, а дальше что?

— А дальше — убью его.

Баба-Яга поперхнулась.

— Как — убьешь?

— Как — это я еще не придумал. Но убью точно! Нечего чужих невест воровать!

— Ну... ладно. Слушай сюда, внимательно. Расскажу, как с Иваном справиться. Пойдешь отсюда на восток, выйдешь к морю-окияну. В море-окияне найдешь остров Буян. На острове растет дуб, на дубе висит сундук, в сундуке сидит заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце...

— Смерть Иванова?

— Нет. Там смерть Кощеева. Возьмешь яйцо, и пойдешь с ним шантажировать Кощея. А уж он-то с Иваном как-нибудь справится.

— Спасибо, бабушка.

— Не за что. Работа такая.

* * *

— Почему Вы плачете, милая девушка?

Золушка поспешно вытерла глаза рукавом и обернулась на голос. На заборе, болтая ногами, сидел и наблюдал за ней незнакомый паренек — едва ли старше самой Золушки, одетый в какие-то невнятные лохмотья и босой.

— Хочу и плачу. Тебе-то что за дело?

— А что, и спросить нельзя?

— Можно, — буркнула Золушка. — только нечего обзывать.

— Я не обзывался! Я называл Вас милой де...

— Сейчас в глаз получишь, — мрачно предупредила Золушка.

— Ну хорошо, — ухмыльнулся парнишка. — Тогда попробуем так. Эй ты, противная тетка, чего реवेशь?

Золушка прыснула со смеху и отмахнулась от зубоскала.

— Да ну тебя! Хочу и реву.
— А может, я помочь хочу?
— Да? — Золушка иронично подняла бровь. — Ну, помоги, если хочешь. Мне как-раз надо еще посадить сорок розовых кустов. И перебрать мешок ячменя и проса.

Незнакомец скривился.

— Не, это я не умею. Извини.

— А что ты вообще умеешь?

Парнишка задумался и простодушно заявил:

— Да ничего, вообще-то.

— А чего же тогда помощь предлагаешь?

— А я и не навязываюсь, между прочим! Просто подумал...

— Что?

— Ну... может, тебе какое-нибудь чудо нужно?

— А ты что, волшебник? Ты же говорил, что ничего не умеешь.

— Я — нет. Но моя крестная — фея.

— Врешь.

— Не вру.

— Все равно врешь.

— Ну ладно, пусть вру. А если бы не врал — чего бы ты хотела?

Золушка задумалась.

— А твоя крестная может превратить тыкву в карету?

— Может. А зачем?

— Чтобы поехать на бал.

Паренек присвистнул.

— На ба-ал? А что тебе там делать, на балу?

— А что, нельзя?! — вспыхнула Золушка. — Думаешь, я всем только праздник испорчу своим присутствием?

— Нет, что ты! — замахал руками парнишка и едва не свалился с забора, — я не то имел в виду! Просто... ну что там интересного? Бал как бал. Все ходят, расшаркиваются, говорят всякую чушь — тоска смертная!

— Опять дразнишься!

— Да нет же! Я сам... я бы сам оттуда убежал при первой возможности!

Золушка оглядела нескладную фигуру паренька, его лохмотья и босые ноги и откровенно фыркнула.

— Да тебя бы туда и не пустили.

— Это верно, — облегченно засмеялся тот.

Золушка вздохнула.

— А мне бы хоть одним глазком...

— Да на что там смотреть?

— На принца.

Парнишка задумчиво уставился куда-то в небо над головой Золушки.

— А что — принц? Подумаешь, принц...

— Он, говорят, красивый.

— Врут, наверно.

— Может, и врут, — согласилась Золушка. — Вот я бы сама и посмотрела. Никогда не видела живых принцев.

— Да чего на них смотреть... — парнишка колупнул ногтем краску на заборе. — Принц, не принц... ерунда это всё.

— А вот и не ерунда!

— А вот и ерунда!

— А вот... а если ерунда, то и говорить тогда не о чем! И вообще, мне надо просо перебирать!

Золушка отвернулась и всхлипнула. Парнишка подумал секунду — и спрыгнул с забора во двор.

— Ладно уж. Давай помогу.

— Отстань.

— Ну что ты как маленькая! Обиделась...

Золушка утерла нос и решительно задрала его вверх, смерив мальчишку презрительным взглядом.

— Ты же не умеешь перебирать зерно?

— А ты меня научишь, — паренек неуверенно улыбнулся и протянул руку. — Мир?

Золушка вздохнула и хлопнула его по ладони.

— Мир.

Парнишка быстро взглянул на небо; солнце стояло уже высоко, но до полудня оставалось часа полтора. Это хорошо, потому что он еще успеет вернуться домой в срок. А ровно в полдень заколдованные лакеи снова превратятся из крыс в людей — и тут такое начнется!.. Да и неудобно будет оказаться перед девушкой в королевских одеждах. Еще опять решит, что над ней издеваются.

Принц никогда не перебирал ячменя и проса. Ему очень хотелось попробовать.

* * *

Жила-была на свете Любовь. И был у неё, как полагается, Предмет Любви.

Им было очень хорошо вместе. Предмет смотрел на Любовь влюбленными глазами и говорил: «Я тебя люблю!»

А она расцветала от этих слов и была для своего предмета самой воплощенной Любовью.

Но время шло, и Предмет всё реже стал смотреть на Любовь так, как раньше. Ей теперь приходилось самой спрашивать: «Ты меня любишь?..».

«Что? — отвечал Предмет. — А, ты об этом... Конечно, люблю. Не веришь?»

Любовь, конечно, верила — и доверчиво прижималась щекой к плечу своего Предмета.

Так Любовь стала Верой.

Она верила своему Предмету безоглядно, даже когда он стал реже появляться дома, даже когда от него стало пахнуть чужими духами.

А потом Предмет и вовсе пропал, и верить стало некому.

От Предмета остались какие-то мелочи: зубная щётка, сношенные тапочки, треснувшая кружка. Вера ничего не выбрасывала.

«Это глупо, конечно, — думала она. — Бессмысленно даже надеяться... Но вдруг он всё-таки вернётся?»

Вера, конечно же, не может существовать без Предмета Веры. Так Вера стала Надеждой. Надежда — беспредметна.

Она живёт — и ждёт. Живёт — и надеется. Она умирает последней — и всё никак не умрёт.

Ей нельзя умирать — потому что после неё придёт Ненависть. Надежда должна держаться до последнего.

* * *

— Ты, Моська, пойми меня правильно, — говорил Лев, разливая по новой. — Я конкретно против тебя ничего не имею. Я тебя даже уважаю. Но вообще собак не терплю.

— Почему?

— Да так... на гиен слишком похожи. Ты пей, пей.

Лев и Собачка чокнулись мисками и стали лакать.

— погоди, я не понимаю, — сказала Собачка, облизав нос. — Гиены, они же далеко,

они в Африке. А собаки...

— Гиены — они везде! — авторитетно заявил Лев. — Посмотри вон туда. Видишь?

— Вижу. Жираф.

— Это не жираф. Он только притворяется жирафом. А на самом деле — гиена! Вон, вся шкура в пятнах. А слон, думаешь, кто?

— Да ну, брось! Слон — это...

— Гиена! И ты тоже гиена.

Собачка обиделась.

— Скажешь тоже! Какая я тебе гиена?

— Да ты не переживай, — вздохнул Лев. — Вы, собаки, все гиены. Но ты — нормальная гиена, своя. Я тебя уважаю. А ты меня? — Лев грозно глянул на Собачку.

— А куда я денусь? Уважаю, конечно, — сказала Собачка и на всякий случай отодвинулась от Льва.

— Выпьем за это! — подытожил Лев и снова припал к миске. Собачка деликатно пригубила из своей и задумалась.

— А чем тебе гиены насолили?

— Они мерзкие! — скривился Лев. — Представь себе — бежишь ты по саванне, преследуешь антилопу.

— Я?!

— Нет, я! Бегу я, помнится, по саване, преследую антилопу. Догоняю, сваливаю на землю ударом лапы...

— Как ты можешь это помнить? — усомнилась Собачка. — Ты же никогда в Африке не был?

— Что ты понимаешь! — горько усмехнулся Лев. — Во мне говорит память предков.

— А-а-а... ну тогда ладно.

— И тут, — Лев насупился и всхлипнул. — Эти твари... Мерзкие вонючки... и сожрали добычу! Мою добычу, понимаешь!? — он ударил себя лапой в грудь и скорчил кислую рожу. — Нет, не терплю.

— Лёва, это было давно, — попробовала утешить Льва Собачка.

— А мне плевать, что давно! Во мне говорит память предков!

— Выпьем за предков, — быстро предложила Собачка.

Лев задумался и кивнул.

— Выпьем.

Они наклонились и снова отпили из мисок.

— Тебе еще налить?

— Наливай. Только капельку.

Лев разлил по новой. Собачка понюхала свою миску и скривилась.

— Где ты только берешь эту гадость?

— У сторожа, — ответил Лев.

— А сторож где берет?

— Не знаю, — признался Лев. — Но на вкус это натуральная ослиная моча, так что у меня есть некоторые подозрения.

Он склонился над своей миской, но пить не стал, а только вздохнул задумчиво.

— До чего мы, Львы, докатились! Пьем ослиную мочу. А ведь были царями зверей! Ведь были, а?

— Ну, в этой клетке ты и теперь царь, — заметила Собачка.

— Царь... — невесело усмехнулся Лев. — Цари не едят коровьи мослы и овсяную кашу! А чем меня тут кормят? Да не отвечай, и так тошно. Сижу за решеткой, в темнице сырой, — запел он, — вскормленный в неволе орел молодой... Орел, между прочим, тоже царь. А кормят его дохлыми мышами. А, каково? А вокруг ходят посетители с собаками... Ты понюхай, чем от них пахнет! Печенкой! И этим, как его, корм для собак... Все название забываю. Понимаешь, им — печенка, а мне — коровий мосол! Ненавижу собак.

— Лёва, Лёва! Не надо!

— Не-на-ви-жу! — с пьяной уверенностью повторил Лев. — Кругом, куда ни глянешь — одни шавки! А тебя как зовут?

— Моська.

— Вот видишь, и ты моська. Я же говорю, одни собаки кругом. Сиречь гиены. Гепард — и тот собака собакой, хотя тоже под кошку косит... родственничек. Шакал — собака, Волк — собака, и ты вон... Ты вообще кто такой?

— Я? Мой дедушка был волкодав.

— Брось дедушку, ты сам кто? Гиена, а?

— Я не гиена! А мой дедушка, он знаешь какой волкодав был! Его все волки...

— Чихал я на твоего дедушку!

— Да мой дедушка...

— ... пошёл на шапку, — безжалостно закончил Лев.

У Собачки задрожал нос.

— Зря ты это, Лёва. Зря. Время было такое.

— Знаю, Моська, знаю, — печально вздохнул Лев и обнял Собачку так, что у нее глаза вылезли из орбит. — Мою бабушку тоже отдали на поругание таксидермистам, а я что? Я ничего. А что я?

— Выпьем за бабушку? — предложила Собачка.

— За мою бабушку и за твоего дедушку, — провозгласил Лев. — И за межвидовую дружбу!

Некоторое время они молча лакали.

— Вот ты, Моська, небось, дай тебе волю, тоже бы кошек гонял, а? — прищурился Лев. — Нет, ты признайся!

— Да кто ж мне ее даст, эту волю... — сказала Собачка и тоскливо покосилась на замок решетки.

Лев оскалился и сплюнул.

— Съесть бы тебя, собаку такую. Но нельзя. А то ведь и поговорить по душам не с кем будет.

Лев скрестил лапы, положил на них тяжелую голову. Его усы уныло обвисли.

— В одной ведь клетке живем. Приходится мириться.

* * *

Город горел.

К небу взлетали снопы искр, рушились крыши, корчились от жара древние фрески.

Жители бродили по улицам, обмахивались веерами и говорили: «Ах, какая жаркая в этом году осень!»

На центральной площади радостно пожимали друг другу руки трое горожан:

— Как удачно, что я застраховал свой дом! Это просто подарок небес, что он сгорел!

— А я вложил свои деньги в строительный лес, он должен скоро прибыть. На него теперь будет большой спрос.

— Поздравляю Вас. Я тоже выгодно разместил капитал, накупил овса и пшеницы. Мне за них уже предлагали тройную цену, а что будет завтра?

— О да, бизнес теперь расцветет.

На редких паникеров, бегущих с мешками к лодочной пристани, горожане смотрели с презрением: «Нет, это не патриоты!»

— Предатели! — плевали они вслед отплывающим лодкам. — Как вы можете хладнокровно бросать родину в это трудное время?

— Так ведь пожар же! — кричали в ответ с лодок. — Оглянитесь, город горит!

— А что пожар? — пожимали плечами горожане. — Под колесницами на дорогах ежегодно гибнет гораздо больше людей, чем от какого-то пожара. Подумаешь...

Пылали храмы, и жители восторженно обменивались впечатлениями:

— Смотрите, смотрите, какой высокий огонь! Такой никогда еще не зажигали на жертвеннике.

— Вот именно так надо служить богам! Чтобы искры долетали до самого неба!

— А говорят, в храме сгорели две сотни прихожан.

— Какое самопожертвование! Боги давно не получали столько человеческих жертв.

Они будут довольны.

— Боги уже явили свою милость, у моего соседа сгорела усадьба. Я так рад!

— Но у тебя же тоже сгорела усадьба?

— Ну, это уже издержки...

— А обратите внимание, как красив наш город при таком освещении!

— Да, наш город прекрасен. Как скучны были эти серые стены, а взгляните на них сейчас, когда они объаты пламенем? Какая экспрессия, какая мощь!

— Дух захватывает! Вам тоже трудно дышать?

— Вот так бы и умерли, ни разу не увидев горящего Рима.

— Да, как же все-таки очень умно придумал наш император!

А император стоял на холме, смотрел вниз на горящий город и вздыхал. Ему было нестерпимо скучно.

* * *

В вагоне было душно и тесно, пахло кислой капустой, давно немытыми гоблинами и детскими пеленками. Скаллош потряс головой и решительно протолкался к тамбуру. Там было почти пусто, только вырисовывался на фоне окна высокий силуэт проводника.

— Уже скоро, — не поворачивая головы, ответил проводник на невысказанный вопрос.

— Да я просто так, подышать вышел, — смущенно пробормотал Скаллош.

— А-а...

Эльф глубоко затянулся папиросой и выпустил дым из ноздрей. Скаллош прислонился спиной к стене тамбура и сквозь мутное стекло дверей стал смотреть внутрь вагона. Там сидели, стояли, спали вповалку гоблины — наверное, целая сотня, не меньше. Бурые и зеленые, клыкастые и плоскомордые, лохматые и лысые, старые и совсем молодые. Из разных кланов и разных областей, большинство никогда не встречались друг с другом и не перекидывались словом, а если и перекидывались, то слова были, как правило, бранные. А сейчас все сгрудились в этом вагоне, всех собрала вместе общая беда.

— Если бы мне еще год назад кто-нибудь сказал, что эльфы будут спасать гоблинов... — Скаллош недоуменно покачал головой. — Почему вы это делаете?

Проводник вытащил папиросу из рта, прищурился на тлеющий кончик и щелчком сбил столбик пепла.

— А ты бы предпочел, чтобы вас перебили люди?

— Нет, конечно!

— А к этому всё шло, — эльф снова затянулся и уставился в окно. — Древние чащобы вырубаются под корень, всюду холодное железо, а вас, недомерков, просто уничтожают. Пиф-паф, ой-ой-ой. И нет гоблина.

Скаллош передернул плечами. Он до сих пор слышал как наяву лай гончих и крики охотников на болоте. Счастье, что удалось убежать. Счастье, что встретился спасательный эльфийский отряд. Счастье, что эльфы вообще забыли старую вражду и вышли из холмов на помощь избиваемым гоблинам.

— Вас ведь тоже когда-то преследовали, да? — осторожно спросил Скаллош.

— Угу. — Эльф кивнул и выкинул в окно окурочек. — Люди с собаками. И гоблины с отравленными стрелами. Вы тогда были заодно.

— Мне очень жаль...

— Ерунда, — скривился эльф. — Меня тогда еще на свете не было.

— Вы поэтому решили забыть про старые обиды? Потому что сами знаете, каково это?..

— Мы ничего не забыли! — глаза проводника сверкнули в полумраке тамбура зелеными искрами. — Просто тогда был наш черед бежать в холмы. А теперь — ваш.

— Спасибо, — промямлил Скаллош.

— Не за что, — усмехнулся проводник.

— А там... ну, в ваших холмах — как там?

— Там... — Эльф задумался. — Там хорошо. Спокойно. Мы за эти годы развили науку, искусство, философию... У людей много нахваталось, — он провел рукой по стенке вагона. — В общем, благодать и изобилие.

Проводник достал новую папиросу, раскурил, затянулся и нервно хохотнул.

— Спички вот только в дефиците. А еще сахар и мыло. Но мы работаем над этой проблемой. Уже, считай, почти решили.

Эльф пристально взгляделся в окно, чертыхнулся и, загасив начатую папиросу, сунул окурок в карман.

— Прибываем, — он кивнул на показавшиеся вдалеке огни станции. — Буколесье, вам здесь выходить. А мне обратно, за следующей партией.

— Спасибо, — еще раз от души поблагодарил Скаллош.

— Не за что, — хмыкнул эльф. — Иди, поднимай своих. Остановка через две минуты.

— Вещи сложите сюда, а сами пройдите в эту дверь, — монотонно наставлял новоприбывших усталый пожилой чиновник-эльф. — Ваши вещи вы получите в целости и сохранности. Не волнуйтесь. Проходите в эту дверь, не задерживайтесь. Вещи оставляйте здесь, вы их получите на выходе. Проходите в эту дверь, вещи оставьте здесь...

Скаллош вошел в длинное узкое помещение с изогнутыми трубками и вентилями вдоль стен. Возле каждого вентиля на подставке лежал аккуратный брусок бурого хозяйственного мыла.

«А проводник говорил, что у них с мылом проблемы...» — невпопад подумал Скаллош.

А из-за двери всё так же доносился ровный голос эльфа:

— Проходите в душевую, вам надо помыться после дороги... вещи оставляйте здесь... не задерживайтесь, проходите, проходите...

* * *

На выходе из рая человек обернулся.

— Можно один вопрос? Последний?

— Ну, спрашивай.

— Я, конечно, виноват, что съел запретный плод. Но я же думал, что рискую не зря! Я думал, отведаю от Древа Познания Добра и Зла — и познаю, что есть Добро, а что есть Зло. Но я по-прежнему этого не знаю! Почему так? И зачем тогда этому дереву дано такое странное имя — Древо Познания?

— Мое дерево, как хочу, так и называю.

* * *

— Ну, свинопас, что у тебя есть для меня сегодня? — с деланным равнодушием спросила принцесса.

— Сапоги-скороходы, — угодливо поклонился свинопас.

Принцесса состроила гримаску.

— У меня уже четыре пары таких!

— Улучшенная модель! — быстро произнес свинопас. — Девятимильные. И всего за десять поцелуев.

Принцесса задумалась.

— Три поцелуя! — деловито предложила она.

— Семь.

— Три, и ни на один больше!

— Шесть.

— Ну ладно, четыре.

— Пять.

— Я сказала, четыре!

— Пять, принцесса, и это последняя... — споткнувшись о ледяной взгляд принцессы, свинопас поперхнулся языком и замолк.

— Ладно, четыре, — наконец вздохнул он.

— Давай сапоги.

Свинопас вручил принцессе сверток, она надорвала бумагу и придирчиво рассмотрела красный сафьян и золотые пуговики.

— Угу. Пойдет. Ладно, я готова.

— Один момент!

Свинопас подбежал к своей хижине и вывел оттуда вереницу из трех чудовищ, горбатого карлика и маленького лягушонка.

— Становитесь в очередь, — распорядился он, подталкивая чудищ и карлика к принцессе. — А ты, приятель, извини. В другой раз.

Лягушонок разочарованно квакнул и ускакал обратно в хижину.

— Карлики — по двойному тарифу! — капризно выпятила губу принцесса.

— Хорошо, — вздохнул свинопас. — Запишите на мой счет, в кредит. Один поцелуй я буду должен.

* * *

Человек открыл затуманенные наркотом глаза и потряс головой. Над ним нависала величественная фигура в белом и радостно улыбалась.

— Ну как? — спросил человек.

— Поздравляю! У Вас мальчик!

— Как — мальчик?! — возопил человек, голос его сорвался. — Опять?!

— Да, вот как-то так...

— Но я же нормальной ориентации, зачем мне мальчики?

— Так уж вышло, — пожала плечами фигура. — Наследственность.

— Но я же хотел девочку! Женщину!

— Ну посуди сам, — ласково произнесла фигура, — в кого ему быть женщиной? Ты женщина?

— Нет.

— А среди твоих предков женщины были?

— Эээ... н-нет.

— Ну вот видишь.

Человек понурился.

— Что же мне теперь делать?

— Ничего, — обнадежила его фигура, — будем экспериментировать дальше.

— Ага, пока у меня ни одного ребра не останется, — проворчал человек и потер ноющий бок.

— Не смей паниковать! — нахмурилась фигура и наставительно подняла палец. — Кончатся ребра — возьмемся за позвоночник!

* * *

По вечерам, когда на берегу зажигается костер, приходит ветер. Его все ждут и боятся спугнуть.

— Шшшш, — предупреждают волны.

— Шшшш, — шепчут тростники.

— Шшшш, — тихо соглашается песчаная дюна — хотя ей-то уж точно никто замечаний не делал. Тише песчаной дюны и так никого на свете нет.

А потом ветер приходит и начинает рассказывать обо всём, что видел за день. Он ведь самый лучший в мире рассказчик — всё видит, всё слышит, везде бывает. А самому лучшему рассказчику и слушатели нужны самые лучшие: море, дюны, тростники. Никто не умеет слушать так, как они!

— Шшшш, — рассказывает ветер, а волны ахают удивленно:

— Шшшш?

— Шшшш, — качают головами тростники.

— Шшшш, — едва слышно повторяет про себя песчаная дюна. Она всё запоминает. Легкомысленный ветер завтра всё забудет, мечтательное море перепутает, тростники пойдут на прокорм вечно голодному костру, и только песок сохранит рассказ навечно.

А ветер входит во вкус, мечется по берегу, жестикулирует, подбрасывает в воздух всякий мусор:

— Шшшш!

— Шшшш! — впечатлительное море начинает волноваться, по волнам пробегает дрожь ряби.

— Шшшш! — присвистывают удивленные тростники.

— Шшшш, — эхом отзывается дальний лес.

— Шшшш... — сопит носом спящий у костра человек и чему-то улыбается. Спящие люди — тоже замечательные слушатели, вот если бы только не их привычка каждый раз просыпаться!

— Шшшш, — дюна задумчиво передвигает песчинки. Она-то прекрасно знает, что когда-нибудь человек утомится, перестанет куда-то вскакивать по утрам, зароемся наконец в землю — и вот тогда-то она ему перескажет заново все забытые сказки.

К полуночи ветер утихает. Он рассказал всё самое интересное, и теперь ему надо бежать дальше, за новыми впечатлениями.

— Шшшш, — прощается он.

— Шшшш, — шепчут ему волны.

— Шшшш, — машут вслед тростники.

— Шшшш, — вздыхает песчаная дюна.

И только костер весело потрескивает и швыряется искрами. Ему, шалопуту, всё бы смеяться...

* * *

Как это водится в сказках, жили-были принц и принцесса (не родственники). Принц был великолепен, принцесса — прекрасна, они полюбили друг друга высокой чистой любовью и скоростижно поженились. Наступил хэппи-энд и сказка закончилась. Стали они жить-поживать.

Принцесса скоро узнала, что ее молодой муж храпит по ночам, что утром он колетса щетиной, а его усы пахнут табаком.

Принц обнаружил, что принцесса, как все смертные женщины, иногда ест и, страшно сказать, даже посещает туалет!

Принцесса открыла в принце непонятную для неё страсть к верховой охоте, когда он пропадал на целую неделю и возвращался грязный, пропотевший, осунувшийся, но с горящими глазами.

Принц узнал, что примерно раз в месяц у принцессы болит голова и бывает дурное

настроение.

Принцесса узнала, что принц любит выпить и пьяный становится дурак дураком.

Принц узнал, что принцесса склонна к меланхолии и может часами запоем читать женские романы.

Принцесса узнала, что принц бывает груб и несдержан на язык.

Принц узнал, что по утрам у принцессы опухшее лицо и растрепанная прическа.

Одним словом, они узнали, что их любимые мало чем отличаются от любых других людей.

Они узнали это — и полюбили друг друга еще больше.

* * *

— Вот, а это — прекрасный лебедь! — с гордостью заявила утка и представила птичьему двору последнего утенка.

Курица поперхнулась пшеном, гуси попятились, у индюка побледнела сопля под носом.

— Это... хм... а ты уверена?

— Абсолютно! — отрезала утка. — Это мой сын, мне ли не знать, кто он такой?

— Но он не похож на лебедя, — с сомнением протянула старая гусыня.

— А на утку он похож? — парировала утка-мать.

— Нет. То есть, не очень.

— У лебедей шея длинная, — заметил индюк.

— Вырастет.

— И крылья у лебедей не такие. А у этого твоего... если не ошибаюсь, у него вообще руки?

— Он еще не оперился. Это пройдет.

— Голова у него великовата. И клюв странный какой-то... ой, смотрите, у него зубы!

— Выпадут!

Птицы настороженно рассматривали прекрасного лебедя. Тот смотрел на них в ответ — воинственно нахохлившись и бормоча что-то неодобрительное себе под нос.

— А по-моему, он просто урод! — заключил петух, начисто лишенный чувства такта. Лебедь показал петуху неприличный жест.

— Сам ты урод! — обиделась мама-утка. — Он вырастет и станет самым прекрасным и знаменитым! Может, даже голливудской звездой.

— Ха! — открыто усомнился петух.

— А как ты его назвать-то думаешь? — спросила курица.

— Дональд, — ответила утка и ласково погладила сына по взъерошенной голове.

* * *

Опухшее, красное со сна утреннее солнце неторопливо ползло по небу и беседовало с ветром.

— Так ты говоришь, они меня любят? — спросило солнце.

— Ага.

— А за что? Я же некрасивое...

— А они считают, что красивое.

— Да ну... — солнце смутилось и искоса глянуло в океан. — Смотри, у меня и протуберанцы в разные стороны торчат, и пятна на лице выскочили.

— А они этого не видят.

— Почему не видят?

— Потому что они тебя любят.

— Ну вот, опять ты о том же! Да за что меня любить?

— Они говорят, за то, что ты несешь свет и тепло.

— Ерунда какая, — удивилось солнце. — Конечно, я несу свет и тепло. Что же за термоядерная реакция, да без выброса энергии? Но это ведь просто нормальный процесс жизнедеятельности! Вроде бурчания в животе.

— А они считают, что ты доброе.

— Доброе? А что такое доброта?

— Не знаю, — честно признался ветер. — Но они, видимо, знают, раз говорят.

* * *

Я большой, зеленый, пупырчатый, очень красивый. Меня все боятся. Кроме Сандры. Сандра — это принцесса, только она обычная, не заколдованная.

Сначала-то она, конечно, испугалась, когда увидела меня в первый раз. А потом привыкла. Мы теперь с ней часто играем, тайком от её родителей. И она по-прежнему часто роняет мячик в озеро, а мне приходится доставать. По-моему, она это делает специально, чтобы потом меня поцеловать. Но я, конечно, отказываюсь.

Нам и так весело, без всяких там поцелуев. Я сильный, я её катаю на плечах. А бегаю даже быстрее лошади! Сандре нравится. Я вообще много чего могу — и нырять в самые глубокие омуты, и по деревьям лазить, и норы рыть. Еще могу сказать скале, чтобы она раздвинулась, и скала меня слушается. Сандру вот не слушается, хотя она и принцесса. А меня — да, потому что я не простой принц, а заколдованный!

Сандра сама догадалась, что я принц. Она вообще умная. Я-то сначала не хотел признаваться, но она мне сказала, что узнавала у мамы, таких чудищ в природе не бывает. Они только из людей получаются, если заколдовать. Тогда я ей сказал, что я правда человек, но бедный и больной, а мой папа был не король, а сапожник. Тогда она опять спросила свою маму, бывают ли заколдованные дети сапожников, и ее мама сказала, что нет. Только принцы. Тогда Сандра мне сказала, что хочет снять заклятие, но я ей не дал. Мне нравится быть чудовищем. Я большой и сильный, и много чего могу. А принц бы из меня получился не очень — ну что это за принц без королевства? А чтобы вернуть себе королевство, мне пришлось бы убить родителей Сандры. А её бы это наверняка огорчило.

И еще неизвестно, справлюсь ли я с Сандриной мамой, если даже мой папа не справился. Он не был волшебником, а она была. Поэтому я и стал таким, какой я есть.

Не хочу ничего менять. Когда я был принцем, я часто болел, и у меня были сопли. А сейчас — никогда. И еще мне приходилось каждый день учить латынь и греческий, а я их терпеть не могу! А кроме того... Не хочу пугать Сандру. Она ко мне уже привыкла, и понимает, что я на самом деле очень красивое чудовище.

А человек, которому снесли пол-лица ударом алебарды — это же, наверное, не очень красиво?

* * *

— Вот вы тут сидите, едите хлеб мой, пьете вино моё... А ведь один из вас меня предаст!

Воцарилось неловкое молчание.

— И кто же этот иуда? — спросил Иоан.

— Да вот хотя бы он! — обвиняющий перст указал в конец стола. — Павел!

Все лица обратились в сторону побледневшего Павла.

— Ну, батя... — пробормотал Павлик Морозов и сглотнул, — ну у тебя и шуточки!

* * *

— Капитан! Беда!

— Что случилось?

— Крысы бегут с корабля!

И точно: из всех щелей лезли поджарые корабельные крысы, бежали к фальшборту и прыгали в море. Казалось, ничто не может удержать их.

А вдалеке, на крошечной лодочке с гордым названием «Летучий Голландец», сидел странно одетый субъект и вплетал мелодию флейты в приближающуюся симфонию бури.

* * *

В Город-с-тысячью-имён пришел герой. Еще на окраине его встретил старый Хранитель Всякого-разного и усталым голосом приветствовал: «Здравствуй, чужестранец. Ты явился в тяжелый час, предсказанный пророками. Возможно, ты — наша последняя надежда. Найди волшебный артефакт и убей Темного Властелина, чтобы спасти этот несчастный мир».

— Я постараюсь, — серьезно ответил герой. — А вам самим ничего не нужно?

— Поговори с местными, — пожал плечами Хранитель. — Может, у кого-то и найдется работа для тебя. Но не мешкай!

Герой обошел весь Город-с-тысячью-имён, благо он невелик. Здравовался с жителями и интересовался их проблемами. Старый лодочник горестно поведал, что его внуку задрал бешеный медведь. Женщина у колодца передала страшные слухи о злой колдунье, поселившейся на кладбище. Разорившийся фермер рассказал о стае волков, наводящей ужас на округу. Остальные горожане либо отмалчивались, либо не сообщали ничего важного, щадя молодую жизнь героя. Уж очень несерьезным он выглядел: без доспехов, с одним смешным ножиком в руках, и за поясом лишь тощий кошелек да записная книжечка.

Однако герой был настроен вполне серьезно. Он ушел в лес и пропадал там два дня, а на третий вернулся — еле живой, весь окровавленный, но с парой медвежьих ушей в кармане. Эти уши он отдал старому лодочнику и сказал, что отомстил за его внуку.

Едва подлечившись, герой пошел ночью на кладбище. И вернулся оттуда утром — обожженный, полуслепший от ведьминского огня, но его пояс обвивал волшебный кушак кладбищенской ведьмы.

Отдохнув и вылечив глаза, герой долго готовился к следующему походу, купил кожаную кирасу, лук и стрелы, наточил свой ножик, еще раз уточнил у фермера направление и ушел. Больше его не видели. Волчью стаю — тоже. Только следующей осенью грибники случайно набрали на обглоданный скелет, и опознали его по волшебному поясу. Рядом лежали скелеты четырех волков, в том числе — двухголового вожака стаи. Куда делись остальные волки, в какую чащу убежали — этого никто не знал, да и не хотел знать.

Прошел еще год, а может, два. В Город-с-тысячью-имён пришел другой герой — вернее, героиня. Высокая лучница. Выслушала Хранителя, хмыкнула, быстро обежала все брошенные дома в округе, разорила тайники местных жителей, будто заранее зная, где что лежит, обзавелась кое-каким снаряжением и отбыла на север, походя убив пару болотных упырей.

По слухам, доходящим до горожан, дела у неё шли замечательно. Лучница действительно оказалась героем, о котором твердили пророчества. Армии Темного Владыки были бессильны против неё, из любой схватки она выходила победителем, оставляя за собой горы трупов и счастливо оружие толпы освобожденных любдеи. По тем же слухам, уже и сам Темный Владыка почти обречен. Город-с-тысячью-имён гордится тем, что именно отсюда пришла в мир великая героиня. Еще одна. Все великие герои приходят в мир через Город-с-тысячью-имён. Это законный повод для гордости.

А на центральной площади Города стоит скромный памятник Неизвестному герою. На постаменте выбита надпись: «Он не был настоящим героем из пророчества. Но он, всё-таки,

убил бешеного медведя».

* * *

В дверь постучали.

— Как же я ненавижу эту работу! — вздохнул Добрый Волшебник и крикнул: «Заходите!»

Посетитель оказался молодым человеком неприятной наружности. Волшебник присвистнул.

— Это кто ж тебя так?

Молодой человек неловко потрогал пальцем свою неприятную наружность и оскалил клыки.

— Да ведьма одна... Здесь недалеко живёт.

— Дилетантка, — проворчал Добрый Волшебник. — Заклинание держится еле-еле, снять пара пустяков. Ну-ка, посмотрим, что тут у нас есть? Так, клыки, свиное рыло, зеленая шерсть. Это понятно. Неприятно, конечно, но не смертельно. Я же говорю, дилетантка. Хм, зато сила у тебя теперь как у трех человек... а здоровье? Ага, ты ничем не болеешь. И понимаешь язык животных. Да что эта ведьма, с ума сошла? Она тебя проклинать собиралась или благословлять?!

— Проклинать.

— Халтурщица! Но это по крайней мере, больно было?

— Нет.

— Тьфу! Гнать в шею таких ведм. Если бы я накладывал заклятие, всё не так бы организовал. Тебе каждая минута жизни в этом теле грозила бы нечеловеческими мучениями! И деталей бы добавил. Гнойных язв, свищей, или вросших в плоть крючьев.

Посетитель сглотнул.

— А... это можно как-то снять? Вы говорили, легко?

— Да никаких проблем. Искупись в ванне с человеческой кровью — и станешь как новенький.

— А иначе нельзя? Поцелуй принцессы не поможет?

— Слушай, кто здесь Добрый Волшебник — ты или я? Зачем спрашиваешь, если сам всё знаешь?

— Ну просто... Так что с поцелуем?

— Поцелуй тоже поможет. Но ты подумай, ванна с кровью — это же круто!

— Нет, спасибо. Я уж как-нибудь... уговорю какую-нибудь принцессу.

Посетитель попятился и выскочил из избушки Доброго Волшебника.

— Чертова работа, — вздохнул Волшебник. — Как она мне надоела! А всё проклятый пятый пункт. Ну почему нас, светлых эльфов, не принимают на факультет некромантии?!

* * *

— Бабушка, продайте мне приворотное зелье!

— Чаво? — переспросила Колдунья.

— Зелье мне. Приворотное. Я заплачу.

— С ума сошел? Смерти своей захотел?

— Нет... А почему?..

— А по кочану. Зелье — оно же зелье и есть. Через шесть часов выводится из организма естественным путем. И что, по-твоему, с тобой сделает обманутая девушка, когда обнаружит, что её околдовали?

— Ой.

— Вот то-то и оно, — ухмыльнулась старуха. — Зельями сейчас никто не пользуется. Наговор — это куда как вернее. И действует дольше. Правда, и накладывать его не в пример

сложнее...

— Бабушка, а Вы бы заколдовали её для меня? Я бы заплатил.

— Ты что хочешь, чтобы девушка меня полюбила? Или всё-таки тебя?

— Меня, конечно!

— Тогда сам и накладывай заговор.

— Так я же и не умею. Может, научите? Я зап...

— Заплатишь, знаю. Ну что же, отчего бы и не научить. Но учти, любовные заклęcia — самые сложные, их за минуту не наложишь. И за день тоже. Придется постараться. Из дня в день, постепенно, ритуал за ритуалом...

— Я готов!

— Ну хорошо. Сейчас всё расскажу подробно. А ты записывай, если запомнить сложно.

— Вербальный элемент, — хорошо поставленным лекторским голосом диктовала Колдунья, — имеет особое значения на начальной стадии зачаровывания. Элементы заклинания вплетаются в бытовые фразы и должны произноситься с особым придыханием, голос слегка приглушен, взгляд направлен в глаза объекта. Глаза — окна души, через них ведется основное воздействие.

— Минуточку, я записываю...

— Маткомпоненты для заклęcia. Совершенно необходимы растительные компоненты, и обязательно собранные в пору цветения. Розы, тюльпаны, пионы... я тебе потом дам полный список. Ароматические вещества... духи сойдут. Также для закрепления заклинания могут быть применены различные предметы, несущие на себе слабый магический заряд. Пища, украшения, платья — словом, то, чем девушка захочет воспользоваться. Тут-то заряд и сработает. Я потом тебя научу словам, которые надо произносить над этими предметами.

— А когда отдавать их девушке — тоже что-то говорить надо?

Колдунья посмотрела на клиента долгим задумчивым взглядом.

— Да. Этому я тебя тоже научу. Что еще нужно..? Ах да, золотое колечко — но это уже в самом конце. Завершающий этап заклинания, после него девушка никуда не денется. А до тех пор тебе вот еще что надо будет сделать...

— В последней стадии заговора, когда его влияние становится очевидно и не подлежит сомнению, вступают в действие новые, более грубые и действенные методы. Слова, произносимые в момент максимальной близости к объекту, сопровождаются магическими жестами. Каждый жест заканчивается прикосновением к определенной точке на теле жерт... объекта. Воздействием на эти точки (об акупунктуре слышал?) ты открываешь определенные энергетические каналы и максимально располагаешь девушку к усваиванию произносимых волшебных фраз...

— Каких фраз?

— Уф. Ладно, этому я тебя тоже научу.

— Всё понял?

— Да! Сколько я Вам должен?

— По результату, внучек, по результату.

— Спасибо! Ну, я пойду?

— Иди, иди... Казанова ты наш.

* * *

— Кто там?

— Я злой и страшный Серый Волк, я в поросятах знаю толк! Гррр!

— Одну минуточку.

Ниф-Ниф удалился в хижину, оставив Волка на пороге. Вернулся он уже с кульком конфет, сунул Волку в лапы и, пожелав ему весело провести время, закрыл дверь.

Остолбеневший Волк автоматически развернул и съел конфету, потом еще одну. Пожал

плечами, повернулся и пошел к другому свиарнику.

* * *

— Труби! — сказал командир, и Маленький Трубач с улыбкой вышел вперед.

Он поднес к губам длинную серебряную трубу, и от первых же нот стены города задрожали и осыпались грудой камней.

— Продолжай, — кивнул командир.

И Маленький Трубач, отложив Иерихонскую, взял вторую трубу. Под её звуки, торжественные и чарующие, из города вышли вереницей дети — невинные создания, которых было решено пощадить.

— Вот теперь можно и повоевать! — потер руки командир и дал сигнал двигаться в атаку.

Маленький Трубач радостно улыбнулся, откинул со лба светлую челку и поднес к губам третью, витую трубу Армагеддона.

* * *

— Ну что «мее», что «мее»? Козел ты, Иванушка!

— Мее.

— Говорила я тебе, не пей из козлиного копытца. А ты? Потерпеть не мог?

— Мее.

— Вот именно.

Аленушка шагала по тропинке, сердито размахивая корзинкой, Иванушка понуро плелся следом.

— Сам ведь знаешь, что бывает, когда выпьешь из чужого копыта. И всё равно пьешь. Кто ты после этого, не козел?

— Мее.

— А я говорю, козел. Учишь тебе, учишь, воспитываешь...

Иванушка не выдержал и, подавшись вперед, боднул Аленушку ниже талии острыми рожками.

— Ай! А вот кого я сейчас хворостиной огрею!

Иванушка проворно отскочил в сторону и показал длинный козлиный язык.

— Не корчи рожи, — строго нахмурилась Аленушка, — а то таким и останешься. Хотя...

Она махнула рукой.

— Ну ты хоть понял, в чем была твоя ошибка? Будешь впредь меня слушаться?

— Понял, — кивнул козленок. — Надо было с самого начала тебя не слушать, напиться из первой лужи. Был бы сейчас конём.

— Тьфу на тебя. И вообще, замолчи, козлы не разговаривают.

Иванушка пожал плечами и взмемякнул.

— Вот, так уже лучше.

Аленушка развернулась и пошла дальше по тропинке; до дома оставалось уже недалеко.

— Ничего, — с угрозой в голосе бормотала она. — Я еще сделаю из тебя человека.

Иванушка вздрагивал, но покорно шел за сестрой. В лесу всё-таки волки...

Аленушка завела братца во двор, велела никуда не отходить, и ушла в избу. Через минуту она вернулась с ковшом воды. Сняла лапоть, с силой вдавила пятку в глинистую землю и налила в ямку воды.

— Давай, пей.

Козленок подозрительно присмотрелся к следу. След был маленький и узкий, явно женский. Иванушка вздохнул, скривился, но послушно выпил.

— Ну вот, теперь ты снова человек.

— Сама ты человек!

— Безусловно.

Иванушка шмыгнула носом.

— И долго мне теперь так девчонкой ходить?

— Не нравится? Могу исправить! — сестрица Аленушка многозначительно указала на козьи следы, оставленные братцем. — Да ладно тебе, всё не так страшно. Потерпи немножко, авось приедет добрый молодец ко мне свататься, обязательно во дворе наследит.

— Тебе хорошо рассуждать, — насупилась сестрица Иванушка. — А если он приедет свататься *ко мне* ?

* * *

Математик сидел за рабочим столом, обреченно сжимая голову ладонями. В голове гудело.

— Ну почему ничего не получается? Такое простое уравнение... Нутром чую, что всё правильно! А доказать не могу.

Математик застонал. Не справиться с такой ерундой! Если кто-нибудь только узнает!.. Ему представились лица товарищей, снисходительные усмешки, укоризненные взгляды разочарованных учеников. Позор, позор!

Математик смахнул слезу, воровато огляделся и, взяв в руки перо, вывел на полях тетради: «Я нашел воистину удивительное доказательство...»

* * *

Ученик отложил заступ, вытер пот со лба и водрузил над свежей могилой Учителя угловатый камень.

— Покойтесь с миром, — произнес он с поклоном, повернулся и пошел домой. Домой... как странно звучит: «дом». Место, где он жил последние годы с Учителем. И где теперь ему предстоит жить одному. Этого Ученик представить не мог.

«Не верь в эти сказки про реинкарнацию, — говорил Учитель перед смертью. — Природа не настолько расточительна, чтобы из раза в раз возрождать одного и того же скучного старого хрыча. Зачем, когда в ней царит такое многообразие? Это же гораздо интереснее!»

Ученик потряс головой. Зачем Учитель это сказал? И как такое может быть — мир без Учителя?

Он распахнул дверь хижины. Вот постель, на которой спал Учитель. Вот его старые сандалии. Рукописи, исписанные тонким рваным почерком. На всём лежит отпечаток его неповторимой личности. В каждый предмет, сам того не желая, Учитель вложил по кусочку себя. А как же иначе?

Ученик провел пальцами по столу. Вот на эту царапину он смотрел, когда Учитель толковал ему о добре и зле. А это чернильное пятно осталось с тех пор, как он пытался записать за Учителем особо сложное рассуждение о природе трусости. А вон тот сучок в стене...

Ученик поднял руку и с удивлением посмотрел на свою ладонь. «Учитель умер? А я — жив? Как такое может быть? Если даже камешек на полу помнит Учителя, если даже в гнутой оловянной ложке он продолжает жить... да сколько он вложил себя в эту ложку? А сколько вложил в меня? Сколько своей мудрости, своих мыслей, своего характера...»

Ученик подошел к тусклому зеркалу на стене и улыбнулся отражению.

— Здравствуйте, Учитель.

* * *

— Натуральная кожа, — с гордостью представил Портной.

Я только усмехнулся и потрогал материал.

— Верю, что натуральная. Грубоватая она какая-то...

— Ну так Вы же мужчина, какая Вам разница?

— Большая. А впрочем. Вы правы. Никакой.

— Ну вот видите. А тонкий материал у нас весь пошел на женские модели.

— Можно на них посмотреть?

— Ха! — фыркнул Портной. — Посмотреть ему... Нет. Нельзя.

Он покачал головой, выволок модель из стеллажа и поставил прямо передо мной.

— Вот. Ваш заказ.

Я уставился на готовое изделие, силясь представить, что вот его мне придется носить.

— Сейчас индивидуальные заказы снова вошли в моду, — доверительно сообщил Портной. — Но все равно мало, мало! Да и те, кто заказывает, никакого понимания не имеют. Так редко встретишь теперь человека, который бы носил свое тело с достоинством!

Я кивнул, продолжая придиричиво изучать свое будущее приобретение.

— Тела, они же бережного отношения требуют, — вещал меж тем Портной. — А вы посмотрите, во что их превращают. Складки, потертости, штопки! Рвут, мнут, царапают. И мы же потом оказываемся виноваты! А тело — за ним ухаживать надо. На ночь сложить аккуратно, утром почистить, плечики расправить... Разве ж кто сейчас это понимает?

— Угу, — кивнул я невпопад и обратил внимание Портного на меховую опушку модели. — Здесь вот проплешина, на подбородке, и мех какой-то невзрачный. Редкий, жесткий, да еще и с проседью.

— Мех черно-бурый, — быстро отозвался Портной. — С искрой. Сейчас так модно.

— А почему один глаз выше левого? И правое плечо короче?

— А Вы себя видели? — едко спросил Портной. — Форма точно подогнана под содержание, мы свое дело знаем.

— Точно подогнана, говорите?

— Да! А если не нравится, идите и покупайте себе стандартную модель. Вон, в лавке напротив, штабелями уложены.

Я внутренне содрогнулся. В лавке напротив я уже был, и зрелище тысяч безликих среднестатистических тел произвело на меня угнетающее впечатление.

— Ну, все-таки, знаете, какое-то оно неприглядное. Неудобное с виду.

— Зато основа прочная! — с вызовом заявил Портной. — Удар хорошо держит.

Он взял железный метр и с размаху приложил тело по голове. Что-то хрустнуло.

— Швы разошлись, — заметил я.

— Заштопаю, — с готовностью предложил Портной. — Ничего и видно не будет.

Я молча кивнул. Особо привередничать не приходилось; раз уж выбрал изделие подешевле — терпи. Чуть в стороне рядами стояли надежные, добротные тела из высококачественных материалов — каждое уникальное, индивидуальной подгонки, штучный выпуск. Но мне это было не по карману. Тем более и кармана-то еще не было.

— Набивка-то хоть хорошая?

— Нормальная набивка, — пожал плечами Портной. — Немножко того, немножко другого. Как обычно.

— А?

— Да Вы померьте, — предложил Портной.

Я натянул тело на себя и повертелся перед зеркалом.

— Ну как, удобно?

— В плечах узковато, — пожаловался я, — и грудь жмет.

— А живот? — обеспокоенно спросил Портной.

— Живот — нормально. Просторный.

— Это главное, — Портной сразу успокоился. — Ну как, брать будете?

— Буду.

— Очень хорошо, — просиял Портной. — Снимайте, я упакую.

Я снял тело, и Портной ловко сложил его в несколько раз, уложил в конвертик и перевязал голубой ленточкой.

— Старайтесь не мочить его в холодной воде, — предупредил Портной, — оно этого не любит. И на солнце долго не держите.

— Я постараюсь.

— Берегите голову, на всякий случай.

— Хорошо.

— На синие глаза гарантия пять лет.

— В смысле?

— Ну, это уцененная модель. Через пять лет эксплуатации они выцветают, становятся из синих серыми. Да Вы не беспокойтесь, хуже видеть не станете. Только не переутомляйте их и купите противосолнечные очки.

— Ладно.

— Что еще? А, неважно. Вот Ваш заказ. Как платить будете?

Я вывалил на прилавок всю наличность. Портной брезгливо скривился.

— Мда... Ну ладно. В конце концов, эти монеты еще в ходу.

Он собрал с прилавка любовь и дружбу, ссыпал в карман позвякивающее здоровье, сгреб, не считая, мелкое и среднее житейское счастье, а несколько жалких ломаных грошей оттолкнул обратно ко мне.

— Сдача.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Извините... а можно один вопрос?

— Хм?

— Ведь есть же на Земле люди, которые и красивы, и богаты, и счастливы. У них куча друзей, их все любят, им рады в любой компании. Многие из них талантливы и успешны. Чем же они расплачиваются?

— Ах, эти! — засмеялся Портной. — Они заказывают одежду у другого производителя.

* * *

Однажды воины Хрумба шли через узкое темное ущелье. И услышали впереди за поворотом странный пугающий шорох.

Вождь послал вперед самого смелого воина, посмотреть, что там. Прошло некоторое время, и воин вернулся из-за поворота, весь окровавленный; он смог только сказать: «Там был пещерный медведь, я убил его!» — затем упал и умер.

Но шорох не смолк, и встревоженный вождь послал другого воина — посмотреть, что же теперь шуршит.

Второй разведчик тоже вскоре вернулся весь в крови, прошептал: «Там прятался тигр, я его убил!» — и тоже умер.

Но шорох не смолк, и воины Хрумба встревожились еще больше, никто не хотел идти дальше.

Тогда вождь решил послать самого никчемного из своих воинов. Этот отсутствовал всего несколько минут, а затем шорох смолк. Воин появился из-за поворота, держа за хвост убитую крысу: «Путь свободен, можно идти».

Этот воин стал считаться величайшим героем племени. Ибо всякий мужчина Хрумба может отыскать и убить прячущегося тигра. Но не всякий сможет опознать и убить страх.

* * *

— Это всё ты виновата, — злобно прошипела Ведьма.
— Я?! — возмутилась Добрая Фея.
— А то кто же? Это ведь ты отменила моё благословение.
— И ты называешь это благословением? Умереть в 16 лет от укола веретеном?
— Дура! Я же не о благе принцессы заботилась, а о благе народа. Ну, выросла она, ну, стала королевой. И кому это пошло на пользу?
— Ну, хватит! — рявкнула Королева Червей. — Палач, отрубить им головы!

* * *

— Итак, ты спас ребенка из огня.
— Спас.
— А сам погиб?
— Да, вот так получилось.
— Понятно. Ты уже знаешь, что от этого твоего поступка зависела дальнейшая судьба мира?
— Да, мне уже сказали.
— Ну хорошо... Давай посмотрим, что получилось. Страница 128396350992-я, шестой абзац. Угу. Из этого ребенка вырастет великий злодей, теоретик и практик геноцида, кровавый диктатор. Ну что ж, тебя можно поздравить.
— Значит, из-за меня Зло победит?..
— Это пока неизвестно. Но вот если бы ты не полез спасать из огня постороннего ребенка — можно было бы сказать, что Зло уже победило.

* * *

Принцесса вздрогнула от поцелуя и открыла глаза.
— Уже?
— Уже, — эхом отозвался рыцарь в белом.
— Спасибо.
— Не за что.
Принцесса села на кровати и улыбнулась.
— Как долго я тебя ждала... лет сто, наверно.
— Дольше, — ответил рыцарь.
— Триста?
Рыцарь помолчал, потом неохотно выдавил из себя:
— Дольше. Гораздо дольше.
— Ааа... — Принцесса неловко поежилась. — Ну... ты всё-таки пришел. Мой рыцарь на белом коне.
Рыцарь криво усмехнулся и бросил взгляд за окно, где пасся на дворцовой клумбе его конь.
— Он не белый, — тихо произнес рыцарь. — Он просто бледный.

* * *

Тезей шагал по лабиринту, держа наготове меч. Где-то впереди его ждал Минотавр, которого надо убить. Сквозь пальцы левой руки убегала и ложилась на пол тонкая шелковая нить, даря надежду на возвращение.
Одно лишьстораживало: таких нитей под ногами валялось подозрительно много...

* * *

— Эй, Василиса!

Змей вложил шесть пальцев в пасти и оглушительно свистнул.

— Чего тебе? — высунулась с балкона Василиса.

— Я подарок тебе принес. На, лови!

Змей закинул на балкон трепыхающийся сверток.

— Традиция такая есть, — пояснил он. — Ужин отдавать врагу. А ты ж у меня — самый гнусный враг!

— Ну спасибочки. А что там?

— Не «что», а «кто». Иван-царевич там. Конь был на обед, а молодец — на ужин. Ладно, приятного тебе аппетита, а я пошел.

Змей развернулся и потрусил прочь. Василиса развязала сверток, заглянула внутрь, подозрительно пощупала подарок и завязала снова.

— Эй, слуги мои верные! — позвала она. — Отнесите это на кухню. Накормить, напоить, в баньке попарить. И подать мне ужин в постель.

* * *

— Уже скоро, Джимми, — бормотал Бен Ган, продираясь сквозь заросли. — Еще несколько минут — и мы выйдем на место. Да-да, я совершенно уверен, что это где-то здесь. Флинт мне сам рассказал. Конечно, старый шакал был при смерти и бредил, но у меня было достаточно времени, чтобы разобраться. Хе-хе, уж чего-чего, а времени у меня точно было достаточно!

— Как сейчас помню, — продолжил он, на ходу вытирая пот рукавом, — Флинт доживал свои последние часы, и Сильвер ни на шаг от него не отходил. Но даже Сильверу иногда надо отлучиться... ну, ты понимаешь меня, Джимми. И я улучил момент, зашел в каюту Флинта. Флинт умирал страшно, он весь горел, в его глазах стояло безумие. Но он узнал меня и подозвал к себе — таким властным голосом, как будто и не был болен. «Слушай! — прошептал он. — Всё... сложено... сто сорок восемь... от семи... тысяча двести два... от Б... как Бернард... два с половиной метра... до центра... вход закрыт взрывом... повтори...» Я повторил, Флинту не понравилось, я повторил снова, но Флинт меня уже не слышал, он опять начал бредить. Требовал, чтобы ему подали соль, потом захотел воды. Под конец он и вовсе перешел на бессвязные выкрики, я испугался и выбежал из каюты, едва не попавшись Сильверу. А через час Флинт умер.

Бен Ган тонко захихикал и, раздвинув кусты, указал рукой:

— Здесь, Джимми. Здесь старый Флинт закопал наше звонкое золото!

— Крррэкс-пэкс-фэкс! — торжественно проорал попугай.

Впереди, на поляне, широко раскинув усыпанные пиастрами ветви, зеленело Золотое Дерево.

* * *

Старый Том, позевывая и шаркая шлепанцами, спустился по лестнице и открыл дверь. В прихожую тут же ворвался закованный в латы рыцарь с обнаженным мечом и полубезумным взглядом.

— Где он?!

— Кто? — спросил Том, зябко ежась от сквозняка в линялый халат.

— Черный Колдун. Где его покои?

— Ааа... — Том зевнул и махнул рукой в сторону лестницы. — Там, на втором этаже.

Рыцарь помчался наверх, грохоча сапогами и перепрыгивая через ступеньки. Том пожал плечами, закрыл дверь и неторопливо поднялся следом за рыцарем.

— Где он? — набросился на Тома рыцарь. — Его здесь нет!

— Хм? — приподнял брови Том.

— Я нашел его спальню, постель еще теплая! А вот его одежда! — Рыцарь сунул Тому под нос черную мантию, зажатую в потном кулаке. Том мягко отстранил кулак от своего лица.

— Если бы ты поменьше шумел, — укоризненно произнес он, — Колдун бы и сейчас спокойно спал в своей постели.

— Но ведь он только что был здесь, — наседал рыцарь. — А где он теперь?

— Да где угодно, — пожал плечами Том. — Это же колдун.

— Ты хочешь сказать, что он может находиться прямо здесь? Невидимка?

Рыцарь резко развернулся и махнул мечом вокруг себя.

— Осторожно, в меня не попади, — попросил Том.

Рыцарь злобно выругался и сплюнул на постель Колдуна. Том поморщился.

— А зачем тебе Колдун? — спросил он.

— Чтобы убить, конечно, — рыцарь даже удивился такому странному вопросу.

Том задумался, потом уважительно кивнул.

— Понимаю. Ну что, тоже неплохое развлечение.

— Я для пользы дела!

— Еще лучше.

— Ты не понимаешь! Я — рыцарь, я давал обет бороться со злом...

— А Черный — обязательно значит плохой? — перебил Том.

— Конечно! — воскликнул рыцарь, и тут же смутился. — Ой, извини...

— Ничего, я привык, — холодно отозвался Том.

— Я не расист, ты не подумай... — начал оправдываться рыцарь.

— Спасибо, я понял.

Том подошел к зеркалу и провел пятерней по курчавым волосам.

— Вы, белые люди, мыслите стереотипами. Черное — белое, добро — зло, Тьма — Свет. А на то, чтобы представить себе черный свет или добрую тьму — вашей фантазии уже не хватает.

— Красиво говоришь, — усмехнулся рыцарь. — От Колдуна наслушался? Ты, кстати, давно у него служишь?

Том задумался.

— Да сколько себя помню, пожалуй. С рождения.

— Готовишь, стираешь?..

— Угу. И в квартире убираюсь.

— Ясно.

Рыцарь переступил с ноги на ногу.

— Как думаешь, сегодня Колдун еще вернется? — спросил он Тома.

— Ты завтра зайди, — посоветовал Том. — Или послезавтра. И лучше днем, чтобы никого не будить.

— А он не удерет опять?

— Не думаю. С чего бы ему удирать, у него днем работа, посетители. Хочешь, я и тебя запишу на прием? Для верности, чтобы Колдун тебя уж точно дождался?

— Запиши.

Том черкнул что-то в настенном календаре.

— С тебя пять золотых за запись. И не опаздывай, послезавтра в два-тридцать.

— Договорились. На, это тебе на чай, — рыцарь вложил Тому в ладонь мелкую монетку. — И ты это... извини, если что.

— Ничего, я привык, — повторил Том.

Выпроводив гостя из дома, Том вернулся в спальню, брезгливо щелкнул пальцами, убирая с постели чужой плевок, и залез под одеяло.

«Если еще какая-нибудь скотина меня разбудит, — подумал он, уже засыпая, — превращу в таракана, и плевать на принципы».

* * *

— Ну, Дрозд, — сказала Лиса, поглаживая брюхо, — ты меня накормил, напоил, ты меня развеселил. А теперь напугай меня!

Дрозд молча протянул Лисе счет за услуги.

* * *

У Людоеда болел живот. Людоед сидел, обхватив себя руками, мерно раскачивался и стонал.

— Эй, ты там! — закричали из живота. — Кончай раскачиваться, у меня голова кружится.

— А у меня живот болит, — пожаловался Людоед.

— Сам виноват, — безжалостно ответил живот. — Смотреть надо было, кого ешь.

Людоед вздохнул.

— Я смотрел. Но у тебя же на лбу не написано, что ты Бессмертный.

— Зато на спине написано. Запомни — всегда, когда хочешь что-то съесть, смотри текст на обороте. Много интересного узнаешь.

— А что же мне теперь делать? — плаксиво спросил Людоед.

— Да теперь уже ничего не поделаешь, придется тебе привыкать. И это... слушай, имей совесть, я жрать хочу.

— А я, по-твоему, не хочу?!

— Тебе проще. Ты снаружи.

Людоед захныкал.

— Сволочь ты, Кащей! Сволочь прожорливая. И как в тебя столько помещается?

— Ты давай, давай, не ленись. Добывай нам пропитание. Чем больше добудешь, тем больше тебе достанется.

— Мне после тебя все равно ничего не достается. Одни объедки, да еще это... ну, то, что потом получается. И вино ты всё сам вылакал.

— Отставить разговорчики! — Кощей в животе топнул подкованным сапогом, и Людоед скрючился от боли. — Иди, ищи добычу. И вот еще что... принеси-ка ты мне, пожалуй, девицу-красавицу, а то скучно тут одному...

— Царевну-лягушку я тебе принесу! — огрызнулся Людоед.

— Тоже вариант, — согласился Кощей.

* * *

Вокруг дуэльной площадки сами собой вспыхнули факелы, и на утопанную за века землю ступил воин Зла. Высокий, черноволосый, изящный юноша, красивый, как сам черт. Он насмешливо отсалютовал шпагой своему противнику.

Противник воину Зла достался какой-то непрезентабельный: низкорослый кривоногий субъект с бегающими глазками, вооруженный сучковатой дубиной.

— Что, других рыцарей не нашлось? — язвительно поинтересовался воин Зла.

Мужик в ответ только сплюнул в ладонь и крепче перехватил дубину.

— И подумать только, от какого сброда зависит судьба мира на ближайшее столетие! — с притворной скорбью покачал головой воин Зла.

— Ты это... не рассусоливай, начинай! — набычился мужик.

Воин Зла засмеялся — и начал.

Его преимущество в силе стало видно уже с самого начала. Дубина — неплохое оружие, при условии, что ею умеют пользоваться. Мужик явно не умел. Он лишь бестолково размахивал ею в разные стороны, но ни разу даже не зацепил верткого воина Зла. А тот упивался своей властью над противником. Колот его кончиком шпаги, обрезал пуговицы,

снимал стружку с неуклюжей дубины. Исход битвы был предreshен, но воину Зла хотелось еще поиграть с противником, как кошке с мышью.

Однако настал момент, когда эта игра ему наскучила. Да и противник явно выдохся, стоял, тяжело дыша, и даже на пытался замахнуться.

— Ну, побаловались, и хватит, — сказал воин Зла и аккуратно вогнал кончик шпаги в грудь противника. Тот залился кровью, рухнул на землю, захрипел, дернулся пару раз — и затих.

— И кто сказал, что Добро всегда побеждает? — пожал плечами воин Зла, вытер шпагу об одежду убитого и повернулся, чтобы уйти.

— А с чего ты взял, что побеждает Зло? — послышался голос за спиной. Воин Зла обернулся молниеносно — но все-таки недостаточно быстро; тонкое жало отравленного стилета уже ужалило его в икру. Рука, потянувшаяся к шпаге, бессильно обвисла, воин Зла зашатался — и упал.

Его противник с кряхтением поднялся, вытащил из-за пазухи пропоротый бурдюк с кровью и брезгливо отбросил в сторону.

— И кто же тебе сказал, засранец, будто я — рыцарь Добра? — обратился он к поверженному, глядя в его стекленеющие глаза. — Я, чтоб ты знал, рыцарь Еще Большого Зла. А Добро выбыло уже в четвертьфинале.

* * *

— Ну послушай! — обратился носок к пятке. — Что не так? Я тебя согреваю, я защищаю тебя от всякой грязи, и не жалею, если ты бываешь груба. Я обнимаю тебя так, как никто другой обнять не может, я специально приспособился, чтобы подходить тебе как можно лучше. Ты — самое ценное, что во мне есть, я весь полон тобой. И даже молчу, когда ты меняешь носки, как перчатки. За что же ты меня топчешь?!

— Потому что ты тряпка! — презрительно отозвалась пятка.

* * *

На большом зеленом листе кувшинки сидит лягушка и смотрит на дорогу. Подскакивает вторая.

— Ждешь?

— Жду.

— Принца?

— Нет.

— То есть как?!

— А вот так. Это вы, идиотки, все ждете своих принцев. А что в них такого особенного? Принцев — пруд пруди! А Буратино... *вздых* Буратино — он один!

* * *

Однажды вор залез в чужой курятник и украл курицу. Когда он убегал, то опрокинул фонарь, и курятник загорелся. Курица смотрела назад и, видя огонь пожара, понимала: вор спас ей жизнь.

Когда вор откармливал курицу пшеном и хлебом, курица понимала: вор о ней заботится.

Когда вор скитался из города в город, пряча курицу за пазуху, курица понимала: вор её любит.

Когда курица увидела, что вор замахнулся ножом, она поняла: вор хочет покончить жизнь самоубийством. Она прыгнула на нож и прикрыла вора своим телом. И умерла счастливой. И вор тоже был счастлив. В общем, хэппи-энд.

Так выпьем же за правильное видение ситуации!

* * *

... Шел Иван-Царевич по лесу, вдруг смотрит — заяц под кустом. Выхватил он стрелу, прицелился в зайца... А заяц только смотрит на него печально, и ни слова не говорит.

— Что же ты молчишь, заяц? Почему не просишь меня сжалиться, отпустить домой, к малым детушкам? А ты мне, мол, еще когда-нибудь пригодишься?

— Смеешься? — грустно ответил зайц. — Ну какая от меня польза, сам посуди? Только ценный мех да два-три килограмма мяса. Нечем мне от тебя откупиться. И малых детушек у меня нет.

Он вздохнул и добавил с надеждой:

— Но если можно... Не убивай меня, а? Пожалуйста.

* * *

— Ну что, будем каяться? — скучающим голосом спросил Инквизитор.

— Мне не в чем каяться, — упрямо отозвался заключенный. — Я ничего дурного не совершил.

— Ты совершил ряд ошибок, только и всего, — кивнул Инквизитор. — Но это были непростительные ошибки.

— Я убил ведьму, — поднял голову заключенный. — В чем же моя вина?

— Вот твоя первая ошибка, — сказал Инквизитор. — Ты пытаешься присвоить себе чужие функции. Не твоё дело судить, кто ведьма, а кто нет. Для этого есть мы, Инквизиция. А если каждый смерд...

— Она прилетела на черном коте, — перебил заключенный. — На черном коте, понимаете? Прилетела! Гольшом! И у неё глаза горели зеленым огнем! И она схватила моего петуха и откусила ему голову. А потом стала откусывать головы курам. А потом побежала к моему ребенку — и я что, должен был стоять и смотреть?

— Нет, конечно, — снисходительно улыбнулся Инквизитор. — Ты должен был звать на помощь Святую Инквизицию. Мы бы прислали своего следователя, он бы разобрался на месте, учёл все данные...

— А тем временем ведьма бы сожрала моего сына?

Инквизитор развел руками.

— Что поделать. Зато мы избежали бы преступного произвола.

— Если я вижу бешеную собаку — я убиваю бешеную собаку! А если я вижу ведьму...

— А я скажу тебе, что я вижу! — ледяным тоном оборвал Инквизитор. — Я вижу преступника, который без суда и следствия убил беременную женщину!

— Ведьму.

— Беременную женщину! Жену деревенского казначея! Ты вообще думал, что ты делаешь? Можешь не отвечать, это риторический вопрос. Знаешь, в чем была твоя вторая ошибка?

— В чем?

— Когда убиваешь беременных женщин, бей в живот. И чем-нибудь серьезным, топором, например. А убьешь — не останавливайся, руби дальше, в кровавые ошметки, в бурое месиво, чтобы и разобрать ничего толком нельзя было.

— Это...

— Это совет профессионала. Люди очень болезненно реагируют, когда видят убитых молодых женщин с широко раскрытыми невинными глазами. Особенно, если эти женщины красивы. А уж если еще и беременны!..

— То есть...

— Труп надо уродовать. На лицо наступи сапогом, потопчись, а лучше вовсе отруби

голову — тогда люди увидят всего лишь труп толстой бабы. Да еще и неприглядный к тому же. Такое зрелище вызывает не гнев, а чувство гадливости, ничего страшного, можно пережить. Уж я-то знаю.

Заключенный болезненно сглотнул и помотал головой, а Инквизитор между тем продолжал:

— Ты позволил посторонним увидеть учиненное тобой непотребство. Это серьезный промах, но у тебя еще была возможность выкрутиться. Однако тут ты допустил третью ошибку!

— К-какую? — прохрипел заключенный.

— Оправдываться не надо было! — рявкнул Инквизитор. — Ну что такое, в самом деле: «я тут вот, это, ведьму, значит, так что не обессудьте»? Голову ей, голову надо было рубить! И вверх, за волосы, поднять — это же выпел, знак победы! И не мямлить при этом, а орать во весь голос: «возрадуйтесь, мол, люди, сгинуло дьявольское отродье, можете спать спокойно!» А раз уж не сумел скрыть, что казначеева жена была беременная, так и воспользовался бы моментом, вогнал бы ей в брюхо осиновый кол, да и заявил бы, что конец теперь бесовскому ублюдку — и любому ясно стало бы, что ребенок-то от дьявола, не иначе. Понял, тупица?

Заключенный как-то косо мотнул головой, его трясло.

— Вижу, понял. Конечно, мы бы тебя пожурили потом, епитимью наложили бы, может, даже кнутами отделали на площади, чтобы другим неповадно. Ерунда, поболело бы и прошло, зато жив бы остался. Разве ж мы звери какие, мы тоже уважаем людей, которые с понятием. А ты сам себе подгадил. На себя и пеняй.

— Но я же... — хрипло прошептал заключенный. — Она же...

— Да знаю я, знаю. Ну да, она была ведьмой. Мы за ней давно следили.

— К-как?!

— Ага, вот она, твоя четвертая ошибка. Ты что же думал, наша задача изводить ведьм? Да ты просто глуп, если так. Наша задача — охранять закон и порядок, а где надо — насаждать его силой. А не было бы ведьм, что тогда? Не было бы тогда и Инквизиции, а значит, опять беззаконие, анархия и ересь. Нет, ведьмы в разумных количествах должны существовать. И народ должен их бояться. А не бросаться на них с вилами наперерез... ишь, выдумал тоже! Пока есть страх перед ведьмами, будет и страх перед Инквизицией. А где страх, там и послушание.

— А чтобы было больше страха, вы и невиновных сжигаете?

— Соображаешь, — с ухмылкой кивнул Инквизитор. — В основном их, конечно. Кстати, неплохая профилактическая мера. Мало кто отважится заняться колдовством, если расплачиваться придется всей его родне. У ведьм уже сейчас учеников не хватает, а лет через двести-триста их и вовсе почти не останется.

— Ждать триста лет?..

— Что есть это время перед лицом Превечного? — Инквизитор благочестиво возвел глаза к потолку.

Заключенный опустил голову и обреченно замолк.

— Ну и последняя твоя ошибка, — добавил в заключение Инквизитор. — Самая главная. Тебе, как иудею, а стало быть, Антихристу, вообще не следовало нападать на ведьм. Нехорошо это. Не по-семейному.

* * *

Выходя утром на работу, я никак не ожидал встретить на лестничной площадке вооруженного гнома. Ничего удивительного, что остолбенел.

— А, уже собрался, — буркнул гном, заметив у меня в руках пакет с завтраком. — Ну, тогда пошли.

— К... куда? — выдавил я.

— Мир спасти, конечно, — пожал широкими плечами гном. — А что, есть варианты?
— Спасать мир... Я?!

— А хоть бы и ты. Не всё ли равно, кто, главное — спасти! Запирай дверь и пойдем, я по дороге всё объясню.

Я послушно запер дверь и пошел следом за гномом.

— Тут недалеко, — бросил он через плечо. — Так что я вкратце. Ты слышал что-нибудь про сезонные битвы Добра и Зла?

— Сезонные...

— Каждые сто лет Добро воюет со Злом. Чтобы спасти от него мир, само собой. И силы Добра всегда возглавляет какой-нибудь лопух со стороны — ну вот вроде тебя. А в самом конце непременно сталкивается с предводителем сил Зла, и вот тут-то происходит решающая битва... ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— Это хорошо. Сейчас придем на место, получишь оружие — и вперед.

— Вперед? Куда?!

— Что значит — куда? Вперед.

Мы тем временем вышли на небольшой пустырь между домами, гном отстегнул от пояса короткий меч и сунул его мне в руки.

— Вот твоё оружие, — сказал он, потом указал кивком на нескладную фигуру у другого края пустыря. — А вот твой враг. Дерись.

Я пригляделся.

— Так это же Вася!

— Само собой. Так часто бывает. Сойдутся в финальной битве герои двух армий, и вдруг окажется, что они друзья детства.

Трава зашелестела, и перед нами оказался второй гном.

— А, привел? — он оглядел меня оценивающим взглядом. — А мы уже хотели засчитать вам проигрыш за неявку.

— Всё путем, — «мой» гном сделал ободряющий жест. — Можно начинать.

— А как же... Что, вот так, сразу..?

— Ну да! — подтвердили гномы. — Чего тянуть-то?

— Он, наверное, хотел знать, где армии Добра и Зла, верные спутники, приключения и всё такое, — догадался один гном.

Я кивнул.

— Так вот, этого не будет! — заявил второй. — Слишком расточительно получается. Вытопанные поля, выжженные деревни... а народу сколько зазря гибнет! И всё ради того, чтобы в конце два придурка встретились и выяснили отношения. Нет уж, вы сразу набейте друг другу морды, и закончим на этом.

Я сглотнул и сделал несколько шагов вперед.

— Вась, ну ты того... не обижайся. Я не хотел.

Вася с натугой поднял меч и махнул им наотмашь, как ломом.

— Не подходи! Убью!

— Вась, ну как ты меня убьешь? — снисходительно улыбнулся я. — У тебя же зрение минус шесть, а ты без очков.

Вася вместо ответа снова отмахнулся мечом, не подпуская меня ближе.

— Всё равно убью! Добро всегда побеждает!

— Э-э-э... Вася, подожди минуточку, я сейчас.

Я вернулся к наблюдающим за дракой гномам.

— Можно уточняющий вопрос?

— Валяй.

— Я за кого играю? За Добро или за Зло?

— А какая разница, кто за кого, — пожал плечами «Васин» гном. — Вы, долговязые, все на одно лицо.

— Кто победит, тот и Добро, — пояснил «мой» гном.
— А драться обязательно? — после секундного раздумья спросил я.
— Не хочешь, не дерись, — равнодушно ответил гном.
Я обернулся к своему противнику.
— Вася! Слышал, да? Сдавайся!
— Сам сдавайся!
Я посмотрел на часы. До автобуса на работу оставалось всего три минуты.
— Ладно, сдаюсь!
— Добро победило, — констатировал «Васин» гном и пошел пожимать Васе руку.
«Мой» тоже протянул ладонь, но от рукопожатия увернулся и раздраженно произнес:
— Меч!
— Что «меч»? А, меч... Да-да, конечно.
Я вернул гному меч, и он аккуратно привесил его к поясу.
— Он будет храниться в гномьей сокровищнице до следующей решающей битвы.
— Зачарованный? — уважительно покосился я на меч.
— Нет, казенный.
Гном развернулся и, не прощаясь, скрылся в высокой траве. Вася подошел ко мне, остановился, подслеповато моргая, и от души врезал кулаком в челюсть. Не попал.

* * *

— Как все плохо, — пожаловался я.
«и это пройдет...» — ответило кольцо.
— Что, неужели и это тоже?
«пройдет... и это»
— То есть пройдет все? А что же будет дальше, когда ничего не останется?
«Это пройдет... и»

* * *

— Откуда у тебя этот платок?! — грозно спросил Кощей, тыча под нос Василисе тонкий батистовый платочек. — Я не дарил тебе такого! Признавайся, кто здесь был?
— Хоть режь меня, хоть бей меня, не скажу! — твердо отчеканила Василиса.
Кощей нахмурился, сложил пальцы «козой» и пошевелил ими в сторону Василисы.
— Ай! — взвизгнула Василиса. — Не надо, твоя взяла! Это Иван-царевича платок. Подарок памятный, чтобы смотреть на него и знать, что с милым всё в порядке.
— Подробнее, пожалуйста.
— Подробнее? Ну, если платок чистый — значит, жив-здоров Иван-царевич. Если в уголке кровь появилась — значит, худо ему. А если весь платок в крови...
— Ну, ясно, — кивнул Кощей. Старая добрая магия вуду. Просто и эффективно.
И он смачно высморкался в платок, прежде чем разорвать его в клочки.

* * *

— Я хочу снять этот лес на три месяца, — сказала Лето. — Плачу наличными! Сколько с меня?
— Дорого возьмем, — ответили Лету деревья.
— Ерунда, у меня денег куры не клюют, — отмахнулось Лето и достало из кармана пачку зелени.
С каждым деревом, с каждым кустом, с каждой самой тонкой веточкой Лето расплатилось сполна, весь лес засыпало зелеными листьями, и стало в нем хозяйкой на целых три месяца.

Потом пришла в лес Осень.

— Я хочу здесь пожить некоторое время. Сколько с меня?

— А чем заплатишь?

— Золотом.

Дорого пришлось заплатить Осени, но она не считалась с расходами, и уж конечно, не могла дать меньше, чем Лето!

А потом пришла Зима.

— Мне нравится этот лес, я здесь поселюсь месяца на три. Сколько вы за него брали? Так я заплачу в десять раз больше!

И щедрой рукой она стала сыпать серебро и алмазы — пока не засыпала весь лес драгоценностями по колено.

Прошло время, сокровища Зимы, как это часто бывает с сокровищами, утекли водой. А в лес пришла Весна.

Ей нечем было расплатиться. Но к её приходу все деревья принарядились, по лесу развесили пушистые сережки и хрустальные висюльки, под ноги пришедшей Весне расстелили свежий зеленый ковер и забросали её цветами. Потому что Весна пришла как дорогой друг, а не квартиросъемщик.

* * *

Во двор, где на веревке сох половичок, зашли четыре слепца.

— Столб, — констатировал первый слепец, наткнувшись на столб.

— Веревка, — добавил второй слепец, нащарив веревку.

— И ковер, — тихо произнес третий, ощупав половичок.

— Слоны, слоны, кругом слоны! — удрученно вздохнул четвертый слепец и покачал головой.

* * *

— Дура! — закричал Алладдин. — Как ты могла поменять нашу чудную старую лампу на новую!? Она же была волшебная, понимаешь ты это?

— Я не дура, — с достоинством ответила принцесса. — Эта лампа тоже волшебная. С гарантией.

— Волшебная? — захлопал глазами Алладдин.

— Да, и гораздо лучше нашей! Новая! И я её не выменяла, а купила со скидкой, потому что сдала старую модель.

— Купила?..

— Ну, что ты на меня так смотришь? Совсем недорого вышло... Тем более, скидка.

— Ну-ка, ну-ка! — Алладдин взял лампу в руки и потер её рукавом. Ничего не произошло. Алладдин выразительно посмотрел на принцессу.

— Подожди минутку, — успокоила его принцесса. — Лампа должна загрузиться.

— Чем загрузиться?!

— Джинном! Это наш был маленький, старенький, страдал бессонницей. А этот новый, большой, он пока-а поднимется, должно время пройти.

Алладдин сел на ковер перед лампой и скрестил руки на груди. Прошло пять минут.

— Ну? — спросил Алладдин. — Где джинн?

— Здесь, — отозвалась лампа.

— Хм... и правда, волшебная, — удивился Алладдин. — А почему я ничего не вижу?

— Ну, я же не в магазине лампу покупала! — объяснила принцесса. — А с рук, у какого-то уличного разносчика. Изделие пиратское, графика урезана.

— А наша лампа была лицензионная, — с упреком заметил Алладдин.

— Зато старая! — фыркнула принцесса.

— Ну хорошо... — Алладдин вздохнул. — Джинн, а джинн? Сделай что-нибудь.
 — Что именно? — спросила лампа.
 — Ну, что-нибудь.
 — Что именно? — повторила лампа.
 — Да какая разница? Ну... ладно, скажем так. Джинн, я желаю золота!
 — В смысле?
 — В прямом.
 — Уточните запрос. Сколько именно золота? В каком виде?
 — Много золота.
 — Сколько именно?
 — Тысяча верблюдов, груженных золотом.
 — В слитках, монетах или ювелирных изделиях?
 — В монетах.
 — Какой чеканки? Год, страна, достоинство?
 — Да он что, издевается? — воскликнул Алладдин. — В динарах! Новых!
 — Верблюды — двугорбые или одногорбые? Какой масти? Сколько самцов, сколько самок?
 — Хватит! — заорал Алладдин. — Проехали! Приказ отменяется.
 — Вы уверены? — переспросила лампа.
 — Да.
 — Вы действительно уверены?
 — ДА!
 — Ну что ж, операция прервана. Будут другие пожелания?
 Алладдин и принцесса переглянулись.
 — Ладно, попробуем что-нибудь попроще, — решил Алладдин. — Накорми нас чем-нибудь.
 Из лампы с шуршанием полезло длинное меню.
 — Нет! — вскрикнул Алладдин. — Оставь! Лепешку. Дай нам просто лепешку. С маслом. Уж это ты сможешь?
 — Ржаную, пшеничную, рисовую, прося?..
 — Любую!
 — По умолчанию? — уточнила лампа.
 — ДА!!!
 — Хорошо. Подождите минутку, ваш заказ обрабатывается.
 — Да что там обрабатывать?!
 — Я думаю, — с достоинством прогудела лампа.

* * *

За городскими стенами злой колдун, спрятавшись за чинарой, достал из-за пазухи старую медную лампу и нервно сглотнул в предвкушении.

— Джинн, — прошептал он, потерев лампу пальцем. — Я желаю... желаю булочку с изюмом!

— Слушаю и повинуюсь, — почтительно отозвался джинн, и перед колдуном немедленно появился накрытый стол, заставленный разнообразными благоухаными блюдами и напитками, с удобными подушками вокруг и чернокожими слугами наготове. Посреди стола, на специальной тарелочке, отдельно высилась горка булочек с изюмом.

Колдун запрокинул лицо к небу и счастливо захохотал.

* * *

Рыцарь вошел в кабинет Узурпатора и глубоко поклонился.

— Ваше Величество...

— А, вернулся. — Узурпатор повернул голову от окна и небрежно кивнул Рыцарю. — Задание выполнил?

— Да, но...

— «Но...»? — Узурпатор насмешливо приподнял бровь.

— Возникли некоторые проблемы, — признался Рыцарь.

— И я догадываюсь, какие, — пробормотал Узурпатор. — Короче, сколько их?

— Сир?..

— Я спрашиваю, скольких принцев ты нашел?

Рыцарь вздохнул и потупился.

— Четверых. Один из них — принцесса.

— Блеск! — фыркнул Узурпатор. — Еще четверо. Можно подумать, покойная королева была крольчихой!

— Простите, государь, но я...

— Ты ни в чем не виноват, — отмахнулся Узурпатор. — Ты сделал то, что мог. Подойди сюда. Стань рядом. Что ты видишь?

— Где?

— Там, за окном.

Рыцарь озадаченно моргнул.

— Я вижу дома. Городскую стену. За стеной — деревня... лес, поля... Люди. Эээ... земля. Осень. Что Вы имеете в виду, сир?

— Земля, — вздохнул Узурпатор. — Двадцать лет назад мы пришли на эту землю. И взяли её огнем и мечом. А удержать никак не можем.

— Почему, сир?

— Потому что в ней остались и огонь, и меч! Разожженный огонь обжигает руки, меч пророс шипами. А тут еще эти легенды о законном наследнике!

— Но, государь, это не более чем легенды!

— В которые все верят! — злобно рявкнул Узурпатор.

Рыцарь отшатнулся. Узурпатор стиснул зубы и продолжил уже спокойнее:

— А ведь мы ничего не можем опровергнуть. Да, это возможно, что королева понесла дитя после двадцати восьми лет бесплодия. Да, она могла родить в сорок шесть лет. Да, король мог зачать ребенка в свои шестьдесят. Да, как раз перед тем, как уйти на войну. Да, верная служанка могла каким-то чудом миновать наши посты и вынести младенца из города. Да, его могли воспитать в какой-нибудь деревне. Всё верно. Но одного ребенка! Одного, а не сотню!

— Сотню?!

— Ну, я преувеличиваю. Пока найдено только сорок. Всё равно много.

— Очевидно, они самозванцы.

— Да уж наверняка. А вдруг один из них — настоящий? Или, хуже того, один из оставшихся? Вот скажи, те четверо, которых ты нашел — они похожи на самозванцев?

— Нет, — честно признал Рыцарь. — У всех были доказательства высокого происхождения. У девушки — золотая брошь с инициалами королевы, у остальных...

— Знаю, тоже какие-нибудь побрякушки.

— Да. И я проверял, драгоценности настоящие. Не поддельные.

Узурпатор ударил кулаком по раме, окно обиженно зазвенело.

— А еще, — осторожно добавил рыцарь, — я слышал, что где-то в дальних деревнях молодежь стала сбиваться в банды. И их вожаки тоже называют себя принцами.

— Эти банды не враждуют?

— Насколько я слышал, нет. Объединяются. И друг друга зовут... — он на секунду запнулся, — братьями.

— Двадцать лет назад, — произнес Узурпатор сквозь зубы, с ненавистью глядя в окно, — мы перебили почти всё взрослое население страны, всех, кто был способен держать

оружие. Мужчин, женщин, подростков... потому что оружие держали все! Проклятые бешеные горцы! Кто остался? Только не способные сражаться старухи и совсем маленькие дети. В каждой деревне...

Он умолк.

— Сир? — решил прервать молчание Рыцарь.

— Что? А, ну да. Ты свободен. Ступай.

Рыцарь попятился к двери, поклонился и вышел. Узурпатор стиснул пальцами подоконник.

— Заговор старух, — простонал он и прижался лбом к холодному стеклу. — Сволочи. Ненавижу!

Он представил себе, как двадцать лет назад немолодая, лишившаяся всего женщина ходит от деревни к деревне, разговаривает с другими такими же обездоленными немолодыми женщинами и раздает не жалея драгоценные броши, серьги, браслеты...

— Суууука! — выдохнул он.

А в дальней глухой деревушке умирающая старуха подозвала к себе внука и протянула ему маленький сверток.

— Мальчик мой! Я хочу рассказать тебе правду о твоём происхождении...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)